ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՍՍՌ ԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԱԿԱԴԵՄԻԱ — АКАДЕМИЯ НАУК АРМЯНСКОЙ ССР

ՀՆԱԳԻՏԱԿԱՆ ՊԵՂՈՒՄՆԵՐ ՀԱՅԱՍՏԱՆՈՒՄ № 1 АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАСКОПКИ В АРМЕНИИ

КАРМИР-БЛУР

I

Б. Б. ПИОТРОВСКИЙ

РЕЗУЛЬТАТЫ РАСКОПОК
1939—1949

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК АРМЯНСКОЙ ССР
ЕРЕВАН 1950

Մ4913.3955
АК12

UNIVERSITY
MUSEUM
LIBRARY

LIBRARY
THE
UNIVERSITY MUSEUM

UNIVERSITY
OF
PENNSYLVANIA

UNIVERSITY
MUSEUM
LIBRARY

ՀՍՍՌ
ԱՐԱՐԱՏ

ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՍՍՌ ԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԱԿԱԴԵՄԻԱ

ՀՆԱԳԻՏԱԿԱՆ ՊԵՂՈՒՄՆԵՐ ՀԱՅԱՍՏԱՆՈՒՄ

№ 1

ԿԱՐՄԻՐ-ԲԼՈՒՐ

I

Բ. Բ. ՊԻՈՏՐՈՎՍԿԻ

ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՍՍՌ ԳԻՏՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԱԿԱԴԵՄԻԱՅԻ ՊԱՏՄՈՒԹՅԱՆ
ԻՆՍՏԻՏՈՒՏԻ ԵՎ ՊԵՏԱԿԱՆ ԷՐՄԻՏԱԺԻ ՀՆԱԳԻՏԱԿԱՆ ԷՔՍՊԵԴԻՑԻԱՅԻ
1939—1949 ԹԹ.

ԱՇԽԱՏԱՆՔՆԵՐԻ ԱՐԴՅՈՒՆՔՆԵՐԸ

ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՍՍՌ ԳԱ ՀՐԱՏԱՐԱԿՉՈՒԹՅՈՒՆ

ԵՐԵՎԱՆ 1950

АКАДЕМИЯ НАУК АРМЯНСКОЙ ССР

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАСКОПКИ В АРМЕНИИ

№ 1

КАРМИР-БЛУР

I

Б. Б. ПИОТРОВСКИЙ

РЕЗУЛЬТАТЫ РАБОТ

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ
АКАДЕМИИ НАУК АРМ. ССР И ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭРМИТАЖА
1939—1949 ГОДОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК АРМЯНСКОЙ ССР
ЕРЕВАН 1950

Mu 913.3955
Ak 12
t.1

UNIVERSITY
of
PENNSYLVANIA
LIBRARIES

Академия наук Армянской ССР Ереван

ПРЕДИСЛОВИЕ

В древней истории Закавказья урартский период, т. е. тот период, когда значительная часть Закавказья входила в состав Урартского государства или же находилась с ним в тесном взаимоотношении, уже давно привлекал внимание ученых.

С 1862 г. на территории Закавказья стали известны урартские клинообразные надписи, высеченные на скалах и на камнях из древних построек, а с 1893 г. началось совместное изучение клинописей и развалин древних крепостей, на которых, или около которых были найдены урартские клинописи.

Древние крепости, получившие по характеру мощной каменной кладки их стен название циклопических, изучались в районе г. Арагац, на побережье оз. Севан, в некоторых районах Грузии и Азербайджана. Но это изучение носило преимущественно разведочный характер, без раскопок. Только в 1880 г. на Армавирском холме и в 1934 г. на крепости около сел. Цовинар (быв. Келагран), на южном берегу оз. Севан, были произведены небольшие раскопки, не открывшие, однако, остатков монументального строительства.

С 1930 по 1939 г. г. мною были проведены разведочные работы для ознакомления с урартскими памятниками на территории Армении и выбор для стационарных раскопочных работ пал на холм Кармир-блур, где в 1936 г. был обнаружен обломок камня с надписью урартского царя Русы, сына Аргишти. Эта находка позволяла думать, что на холме Кармир-блур имеются развалины крепости VII в. до н. э., а предварительное археологическое обследование дало основание предположить, что материал урартского времени окажется в хорошем состоянии, ненарушенным более поздним строительством.

В 1939 г. начались раскопки на Кармир-блуре, полностью оправдавшие наши предположения, они дали богатый и весьма ценный материал, характеризующий культуру одного из этапов истории Закавказья—этапа древне-восточного рабовладельческого общества. Результатам археологических работ на Кармир-блуре 1939—1949 г.г. и посвящен настоящий отчет.

УРАРТЫ В ЗАКАВКАЗЬЕ

Продвижение урартов в Закавказье началось в конце IX в. до н. э. Урартские надписи того времени рассказывают о направлении на север войска, состоявшего из 65 боевых колесниц, больших отрядов конницы и 15760 человек пехотинцев. Походы на север, к Араксу имели своей целью присоединение к Ванскому царству плодородной Араратской равнины, захват скота в горных районах и угон пленных из покоренных областей в Биайну, центральную часть Урарту.

Урартский царь Менуа, сын Ишпуина, расширил границы своего государства до южного берега Аракса, построил на северных отрогах горы Арарат свою крепость и назвал ее Менуахинили.

Этот административный урартский центр, открывавший пути в Закавказье, был основан на месте покоренного города Лухиуни, города князя Иркуа. Археологическими работами в районе Менуахинили (совр. Ташбурун), проведенными А. А. Ивановским в 1893—94 гг., были исследованы не только развалины урартской крепости, на месте которой находился также армянский средневековый город Цолакерт, но и выявлены отдельные небольшие укрепления, которые несли охранную службу.

Важное стратегическое значение Менуахинили подчеркивается неоднократным упоминанием этой крепости в урартских клинообразных надписях и действительно она служила опорой, обеспечивавшей дальнейшее движение урартов на север, через Аракс.

Во второй четверти VIII в. до н. э. Аргишти, сын Менуа, покорив мелкие закавказские племена, присоединил к Ванскому царству всю Араратскую равнину и свой административный центр перенес уже на левый берег Аракса. На прибрежной, в то время, скале, господствовавшей над всей равниной, он построил свою крепость и назвал ее Аргиштихинили. Позднее тут был расположен город Армавир, древняя столица Армянского государства. Армавирский холм, этот замечательный археологический памятник Закавказья, еще ждет исследований; раскопки, проведенные там в 1880 г. А. А. Уваровым и А. Д. Ерицяном, не дали определенных результатов и несколько разочаровали археологов, но собранный их раскопками и последующими обследованиями археологический материал отчетливо показывает, что Армавирский холм имеет четыре мощных напластования, относящихся к медному веку (конец III—начало II тысячелетия до н. э.), урартскому периоду, эллинистическому периоду и к раннему армянскому средневековью.

На протяжении почти всего VIII в. до н. э. Аргиштихинили был основным и единственным урартским административным центром в Закавказье, где жил урартский наместник, находился большой гарнизон, откуда снаряжались походы в закавказские страны, не присоединенные к Ванскому царству, и куда стекалась собранная дань.

Аргишти, сын Менуа, придавал большое значение покорению закавказских областей со включением их в свое государство и не случаен тот факт, что из 18 известных в настоящее время его надписей, 12 обнаружены в Закавказье, на территории Армянской ССР.

Походы направлялись по р. Занге (Ильдаруни), к оз. Севан (Цуйниа) и на север, за Арагац. Оба эти пути четко отмечены урартскими клинообразными надписями, рассказывающими о покорении мелких стран.

В 1893 г. около древней крепости Аринберд (Ганли-тапа), на окраине Еревана, был найден камень из кладки стены с надписью о постройке крепости царем Аргишти. Еще в 1862 г. у сел. Элар (севернее Еревана) была открыта другая клинообразная надпись Аргишти, сына Менуи, рассказывающая о походе в страну Этиуни и о захвате страны Улуани и страны города Дарани. Развалины этого урартского города находятся на холме, неподалеку от скалы с надписью.

Третья надпись Аргишти, сына Менуи, открыта около сел. Лчашен (Ордаклю), у северо-западного побережья оз. Севан. Она содержит сведения о захвате страны города Киехуни до города Иштикуни. Поблизости от камня с надписью имеются развалины большой древней крепости, служившей преградой для доступа к западному побережью оз. Севан с севера, именно этим объясняются ее большие размеры и мощность сооружений.

Другой путь походов, снаряжавшихся из Аргиштихинили, шел на север, к западному склону горы Арагац, о чем рассказывают две урартские наскальные надписи, одна, со сведениями о походе в страну Кулиаини и захвате города Дурубани, на скале у сел. Гулиджан, на сев. зап. склоне Арагаца, а вторая у сел. Ганлиджа, на левом берегу р. Ахурян (Арпачая).

В середине VIII в. до н. э. Сардур, сын Аргишти, продолжал дело своего отца по расширению Ванского царства. Он укрепил свою власть не только в западных областях Урарту, но провел также дальнейшие завоевания и присоединение к царству покоренных стран в Закавказье, о чем подробно рассказывает летопись Сардура на памятнике, открытом в 1916 г. И. А. Орбели в нише на северном склоне Ванской скалы.

Урарты в это время уже овладели западным и южным побережьями озера Севан, связывавшими центральные области Закавказья с восточным Закавказьем, не входившим в состав Урартского государства.

В 1863 г. на скале у сел. Атамхан была открыта клинообразная надпись, рассказывающая о взятии в битве города Тулиху, царского города Циналиби, сына Луеху. О том же факте упоминает и текст на обломке каменного памятника, обнаруженного в церкви Сурб-Погос, в Ване. Там, кроме Циналиби, сына Луеху, царя страны города Тулиху, назван еще

Мурини, царь страны Уеликухи, находившейся в районе совр. Нор-Баязета.

Вторая надпись Сардура на побережье оз. Севан открыта у сел. Загалу, непосредственно около мощной крепости, преграждающей, подобно Лчашенской (Ордаклинской), путь по побережью. Надпись эта называет страну Аркукини, известную также по летописи Сардура.

В районе Армавирского холма найдено 14 клинообразных надписей Аргишти и его сына Сардура. Они рассказывают о больших строительных работах, предпринятых урартами вокруг Аргиштихинили, о постройке крепостей и храмов, проводке каналов, о разведении садов и виноградников, об обширных полях. Араратская равнина стала одним из центров земледельческой и садоводческой культур и в Аргиштихинили скоплялись большие богатства, хранившиеся в кладовых крепости.

Одновременно с заботой о благоустройстве района вокруг своего административного центра урарты опустошали целые области Закавказья, особенно те, где встречали упорное сопротивление и борьбу за самостоятельность. Оттуда в центр Ванского царства, в Биайну, угонялись громадные стада скота, жители покоренных стран уничтожались или уводились в рабство, а некоторые из них, особенно ремесленники, со всем своим имуществом переселялись на другие места, иногда весьма отдаленные от родины. Таким мероприятием, переселением побежденных, преследовалась цель ослабления союзов племен. Эта политика переселения еще более усиливала чрезвычайную пестроту этнического состава Ванского царства, так как переселенцы в центральную часть Урарту причислялись к тем, кого урартские надписи называют биайнцами, т. е. урартами. В понятие народа в древневосточных государствах не входило обязательное этническое, племенное, единство и урартский народ понимался как совокупность людей, проживавших в пределах урартского государства без обязательной принадлежности их к населению главенствующей страны—народа, т. е. Биайны, и урарты противопоставлялись лишь врагам или народам, не признававшим власть Ванского царства.

Покоренные страны включались в состав Урартского государства, что в летописях выражалось фразой «страну в мою страну включил». На них налагались военные и строительные повинности, а также определенная дань. Управление новыми областями поручалось наместникам, обычно военачальникам, наряду с которыми сохранялись иногда династии местных правителей. Таким образом, в странах, присоединенных к Урарту, не искоренялись условия для восстановления их самостоятельности. Вследствие этого Ванское царство никогда не было прочным и при, даже временном, ослаблении урартской государственной власти, отдельные страны, приведенные в покорность лишь силой оружия, легко восставали и возвращали свою прежнюю свободу. С другой стороны, и наместники, особенно окраинных округов, вели независимую самостоятельную политику и фактически иногда выходили из подчинения урартскому царю.

В середине VIII в. до н. э. Ванское царство находилось в зените своего могущества и Сардур, сын Аргишти, по праву носил титулы «царя

страны стран» и «царя царей», его господство в Передней Азии не встречало сопротивления.

В начале второй половины VIII в. до н. э. положение дел существенно изменилось. После вступления в 745 г. до н. э. на ассирийский престол, Тиглатпаласара III, Ассирия снова стала переживать период подъема и приступила не только к восстановлению своих прежних границ, но и к возвращению утраченных владений. Уже в 743 г. до н. э. в северной Сирии ассирийцы нанесли тяжелое поражение войскам Сардура, который был принужден вернуть Ассирии эти области, имевшие исключительное значение для торговых сношений со Средиземноморьем и Малой Азией.

В 735 г. до н. э. Тиглатпаласар III предпринял поход против Сардура. Переправившись через р. Евфрат, он переступил западную границу Ванского царства, не встречая сопротивления, двинулся вглубь страны и дошел до урартской столицы, города Тушпы. Самому Сардуру все же удалось отсидеться в цитадели города, на Ванской скале.

Военные неудачи и поражение Сардура имели для Урарту очень тяжелые последствия. В связи с ослаблением урартской государственной власти произошел распад Ванского царства. В этот именно момент особенно ярко проявилась непрочность государственного объединения Урарту, характерная черта всех государств древнего Востока.

Около 730 г. до н. э., в тяжелое время, на урартский престол вступил Руса, сын Сардура. Кроме собирания вновь земель, отпавших от Урарту после 735 г. до н. э., ему пришлось вести также упорную и очень обостренную борьбу с наместниками округов, стремившихся к самостоятельности. Об этой борьбе, временами доходившей до прямых мятежей военачальников против урартского царя, подробно рассказывают письма ассирийских разведчиков, хранившиеся в Ниневии, в ассирийском царском архиве.

Руса, сын Сардура, главное свое внимание обратил на Закавказье и Приурмийский район; на севере своего царства он должен был обеспечить защиту своих границ от вторгнувшихся в Переднюю Азию киммеров, а на юго-востоке вести подготовку к военным действиям против Ассирии, которые неминуемо должны были разразиться. В Закавказье при Русе, сыне Аргишти, произошли большие изменения. Аргиштихинили, бывший до того времени единым урартским административным центром всего Закавказья, теперь потерял свое прежнее значение. Закавказье было разделено на несколько округов, во главу которых были поставлены самостоятельные наместники. В этом разукрупнении административного управления на одной из важнейших окраин Ванского царства, выразились необходимые мероприятия против усиления наместников. В Закавказье Руса, сын Сардура, стал проводить широкую строительную деятельность. На побережье Севана сохранились две крепости, построенные, согласно связанным с ними клинообразным надписям, урартами, причем эти надписи сохранили и их древние названия. Одна крепость носила имя главного бога урартского пантеона, бога Халда, а другая—бога войны

Тейшебы. Первая из них была построена на высокой скале, господствующей над городом Нор-Баязетом. На ее территории в 1927 г. была найдена клинопись на камне из стены, рассказывающая о покорении страны Уеликухи, пленении царя этой страны, назначении урартского наместника, сооружении ворот бога Халда и постройке мощной крепости, названной «городом бога Халда страны Биайны великой».

Вторая крепость находится на южном берегу озера, между селениями Цовинар (Келагран) и Алучалу. Она построена на возвышенности, перерезывающей низменный берег озера. На скале в северной части возвышенности, над водой озера сохранилась клинообразная надпись Русы, сына Аргишти, известная еще с 1863 г. Она рассказывает о покорении 23 стран, которые разделены на две группы. Первая группа состоит всего из четырех названий: Адахуни, Уеликухи, Кумерухи и Аркукини, названий стран севанского побережья. Вторая же группа перечисляет 19 стран, покоренных урартами в том же году в других районах. В заключении надпись отмечает постройку мощной крепости, названной «бога Тейшебы городом страны Биайны великой».

После 714 г. до н. э. восстановленная Русой, сыном Сардура, урартская государственная власть в Закавказье снова пошатнулась. Ассирийские войска нанесли урартам жестокое поражение и победоносно прошли по всему Ванскому царству. После этого тяжелого поражения Урарту окончательно потеряло свое главенствующее положение среди государств Передней Азии, но все же, оправившись и на этот раз от тяжелого положения, оно просуществовало еще около 130 лет.

В истории Ванского царства был еще один период культурного и политического подъема. При долголетнем правлении царя Русы, сына Аргишти (вторая четверть и середина VII в. до н. э.), современнике ассирийских царей Асархаддона и Ашурбанипала, Урарту снова стало одним из могущественных государств древнего Востока. Неофициальные ассирийские документы, вопросы Асархаддона богу Шамашу, передают тревогу ассирийского царя относительно замыслов Русы, царя Урарту, действия которого беспокоили его не меньше, чем действия киммеров, мидян, манеев и скифов. Ассирийцы, повидимому, не желали вести открытую борьбу с Ванским царством, но и урарты ,в свою очередь, избегали военных столкновений с Ассирией. Период правления Русы, сына Аргишти, по дошедшим клинописным источникам, представляется периодом интенсивного строительства и укрепления мощи Ванского царства. О больших строительных работах Русы на севере своего государства и, в частности, в Закавказье, подробно рассказывают две урартские надписи, одна из Маку, к северо-востоку от оз. Ван, а другая из храма Звартноц. Надпись на памятнике, обнаруженном при раскопках Звартноцского храма, около Эчмиадзина, была издана еще в 1901 г. В. С. Голенищевым. Эта монументальная стела из базальта, высотою в 2,70 м. содержит 47 строк клинописного текста, рассказывающего о крупных строительных работах, проведенных урартами в Кутурлинской равнине, т. е. на правом берегу р. Занги. В надписи говорится о постройках, разведении садов, виноград-

ников, о полях с посевами и о проводке канала от реки Ильдаруни (Занги). Канал, упомянутый в надписи, сохранился и до наших дней, орошая земли правого берега реки.

Памятник Русы, сына Аргишти, найденный в Звартноце, свидетельствует, таким образом, о больших строительных работах урартов в районе крепости на Кармир-блуре, которая, возможно, после реформы разукрупнения наместничеств, заменила прежний урартский административный центр—Аргиштихинили. Правда, в районе Армавирского холма жизнь замерла не совсем и оттуда происходит камень, рассказывающий о постройке крепости последним урартским царем, Русой, сыном Эримены.

В начале VI в. до н. э., под ударами мидийских войск пала столица урартского государства город Тушпа и после этого центральная часть разгромленного Ванского царства вошла в состав Мидии. Иная судьба постигла урартские административные центры в Закавказье. Археологические исследования с очевидностью доказывают, что они были разрушены скифами, но археологический же материал свидетельствует о том, что при жизни этих городов скифы находились с ними в тесном общении. До установления греческой колонизационной торговли связи скифов со странами древнего Востока шли через Кавказ, в частности, через Западное Закавказье и Кубань.

В культуре Закавказья VII и начала VI вв. до н. э. отчетливо наблюдаются три слагающих ее элемента: основной—местный закавказский, явившийся наследием культуры эпохи бронзы, урартский, обеспечивший связи Закавказья с культурой древнего Востока и скифский. Эти три элемента, в их взаимосвязи, особенно четко должны выступить при исследовании урартских административных центров. Поэтому неудивительно, что в настоящее время наиболее богатый материал по этой проблеме, имеющей исключительное значение для понимания древнейшего этапа истории Закавказья, дают раскопки урартской крепости на Кармир-блуре, которая с 1939 г. стала объектом систематических археологических работ.

РАСКОПКИ КАРМИР-БЛУРА

Кармир-блур находится на левом берегу реки Занги, ниже Еревана, напротив сел. Джафарабад. Он представляет собою крупный скалистый массив, восточный и северный склоны которого круто спускаются к реке Занге, омывающей Кармир-блур с двух сторон. С запада к Кармир-блуру примыкает обширное плато, ограниченное обрывистым берегом реки и оврагами, а на южной стороне находятся орошаемые в настоящее время земли, занятые плодовым садом, полями и огородами. Вода доходит до южного склона холма, плато же к западу от Кармир-блура совершенно безводно. (Рис. 1).

Вершина и склоны холма покрыты камнем от древних построек и мощным слоем земли красного цвета, образовавшимся от разрушения стен из сырцовых кирпичей. Вследствие этого холм и получил свое современное название «Кармир-блур», что означает «Красный холм».

На вершине холма около 20 лет тому назад стояла часовня, ныне до основания разобранная жителями окрестных сел при добыче строительного камня, который в большом количестве давал карьер юго-восточного склона холма.

На самой высокой части Кармир-блура находятся остатки укрепленной армянской усадьбы XI—XII вв. На поверхности холма и в верхних его слоях найдены медные монеты XII в. с именами атабека Ильдегиза и сельджукидского султана Арслана, сына Тогрула, а также атабека Кизил-Арслана и сельджукидского султана Синджара сына Сулеймана, без обозначения места чеканки и года (определения А. А. Быкова и Е. А. Пахомова) и характерные для этого времени образцы поливной керамики.

Склоны холма сильно размыты и на них в некоторых местах еще до раскопок были видны остатки стен урартского времени, сложенных из крупных обработанных каменных глыб.

На плато, примыкающем к холму с запада, находятся развалины древнего города, занимавшего обширную, около 40 гектаров, территорию. Остатки построек и теперь еще хорошо видны на его поверхности, а на снимках с самолета отчетливо различимы три прямые улицы, идущие в направлении с востока на запад, по сторонам которых расположены кварталы прямоугольных в плане построек.

До 1936 г. древний город так же, как и склоны Кармир-блура, длительное время разрушались жителями ближайших сел и служили местом добычи камня и земли для удобрения. Вся поверхность древнего города

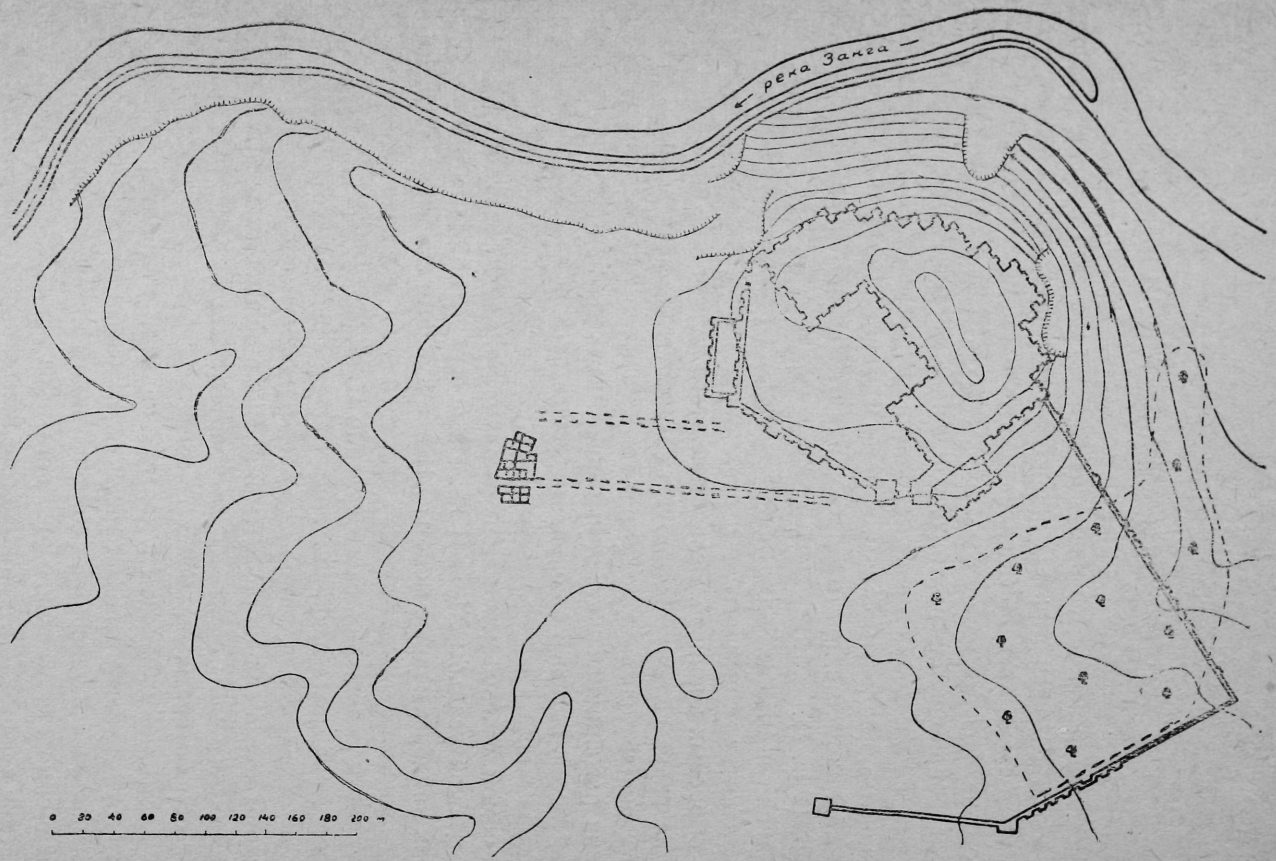

Рис. 1. Общий план. Цитадель и территория древнего города.

изрыта ямами различного размера, в которых обнаруживалось большое количество обломков глиняной посуды, иногда целые, очень крупные сосуды, кости животных, бронзовые и железные предметы. Была найдена также створа каменной формы для отливки бронзового топора-секиры, характерного закавказского оружия начала I тысячелетия до н. э., хорошо известного по материалам из раскопок древних могильников.

К юго-западу от рощи, расположенной у подножия Кармир-блура, при закладке фундамента для сарая, ныне уже несуществующего, были разрушены погребения, содержавшие глиняные сосуды и отдельные бронзовые предметы.

В 1936 г. внимание к Кармир-блуру было привлечено находкой на его юго-восточном склоне обломка камня с остатками пяти строк клинообразной надписи (рис. 2). Камень этот был доставлен в Государственный Исторический Музей Армении геологом А. П. Демехиным, собравшим много ценнейших материалов по археологии Армении. В третьей строке надписи отчетливо читалось имя урартского царя Русы,

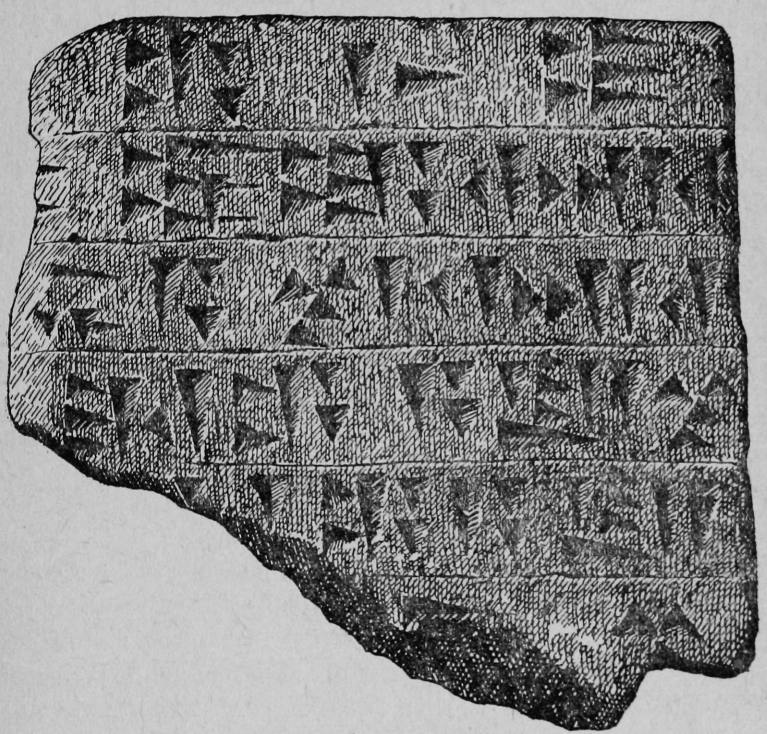

Рис. 2. Обломок с надписью урартского царя Русы, сына Аргишти.

сына Аргишти, царствовавшего во второй четверти и середине VII в. до н. э., а две нижние строки содержали остатки формулы проклятия против тех, кто нарушит надпись. Находка на Кармир-блуре обломка камня с хорошо датированной клинописью давала основание полагать, что на холме находятся остатки урартской крепости VII в. до н. э.

Осенью 1936 г. для разведочных работ на Кармир-блуре Институтом

истории и литературы Армянской ССР была направлена археологическая экспедиция, работавшая под руководством К. Г. Кафадаряна. Кроме обследования холма, его описания и съемки плана, экспедицией были собраны и доставлены в Государственный Исторический Музей Армении древности, найденные местными жителями на территории древнего города.

Сохранность крепости, ненарушенность основного культурного слоя, относящегося к урартскому времени, и незначительность поздних наслоений, поставили еще в 1936 г. вопрос о необходимости организации на Кармир-блуре раскопок.

Систематические раскопки Кармир-блура начались в 1939 г. До 1941 г. они велись по единому плану раздельными археологическими экспедициями Государственного Эрмитажа (1939—41, нач. эксп. Б. Б. Пиотровский), Комитетом Охраны исторических памятников Армянской ССР (1939, нач. эксп. К. Г. Кафадарян) и Армянским филиалом Академии наук СССР (1940—41, нач. эксп. С. В. Тер-Аветисян).

Раскопки были прерваны в начале Великой Отечественной войны и работы на Кармир-блуре начались снова в 1945 г. После своего возобновления они ведутся совместной археологической экспедицией Института истории Академии наук Армянской ССР и Государственного Эрмитажа (1945—49, нач. эксп. Б. Б. Пиотровский).

В работе экспедиции принимали также участие сотрудники Института Истории Материальной культуры им. Н. Я. Марра Академии наук СССР и Государственного Исторического Музея Академии наук Армянской ССР.

На раскопках Кармир-блура работали: А. О. Мнацаканян (1940, 41, 47—49), А. И. Погосян (1945—49), А. П. Султан-Шах (1940, 46—49), А. А. Арутюнян (1945—47), В. А. Абрамян (1939), С. Н. Аносов 1940), А. А. Вайнман (1945—48), Р. М. Джанполадян (1940, 41, 46) И. М. Дьяконов (1940), О. С. Егиазарян (1939), А. А. Мартиросян (1947 — 49), Г. А. Меликишвили (1949), К. Г. Овумян (1945), Г. Х. Саркисян (1947—49), М. С. Саркисян (1945), В. С. Сорокин (1947—49) и В. В. Шлеев (1946—48).

Работы архитектора выполняли: К. Л. Оганесян (1939, 47—49), Н. М. Токарский (1940), Г. Кочоян (1941) и А. Баласанян (1945). Фотографами экспедиции работали А. П. Булгаков (1939, 47—49), А. А. Вруйр (1940, 45) и П. Григорян (1941 и 46).

Реставрацию материалов из раскопок производили: Г. Аревшатян (Гос. Ист. Музей АН Арм. ССР), В. Газазян (Гос. Ист. Музей АН Арм. ССР), В. Н. Кононов (Эрмитаж) и Д. И. Смирнова (Эрмитаж).

В составе Кармир-блурской экспедиции постоянно работали также студенты-практиканты Ереванского Государственного Университета им. В. М. Молотова, Ленинградского Государственного Университета им. А. А. Жданова и Московского Государственного Университета им. М. В. Ломоносова.

В научной обработке археологического материала большую помощь оказывали: акад. М. Г. Туманян и В. А. Петров (обработка остатков зе-

рен), С. К. Даль (исследование костей животных) и А. А. Яценко-Хмелевский (определение древесины).

Основные раскопки всех лет производились на главном холме, собственно Кармир-блуре, и имели целью выяснение контура громадного здания и изучение помещений его северной и северо-западной частей, представлявших собою помещения хозяйственного назначения и кладовые.

В 1948 и 49 г. г. производились также раскопки древнего города, расположенного к западу от холма. Эти работы представили большой интерес, так как они выявили остатки города, типичного для древневосточного рабовладельческого строя.

Город был расположен к югу и западу от холма и занимал обширную территорию, около 40 гектаров, с восточной и юго-восточной сторон огражденную стеной, от которой остался фундамент, сложенный из крупных, грубо обработанных камней. Верхние части стены, построенные, по всей вероятности, из сырцового кирпича, не сохранились. Эта стена, подобно другим урартским постройкам, имела небольшие выступы-контрфорсы, расчленяющие ее прямую линию, и массивные башни на изгибах. Юго-восточная, огражденная часть поселения имела еще поперечную стену, выделяющую, повидимому, участок, где находились жилища привилегированной части населения. Западные и юго-западные стороны города были ограничены оврагами, по которым в древности, возможно, текла вода речки или канала.

Город был построен по заранее намеченному плану, он имел длинные и широкие улицы, по сторонам которых расположены кварталы жилищ. Исследованные кварталы не состояли из отдельных домов, а представляли собою одну постройку, в которой под общей крышей находилось несколько однотипных жилищ. В квартале, раскопанном в 1948 г., отчетливо различимы пять однотипных жилых комплексов, имевших отдельные входы и состоящие из одного открытого или полуоткрытого дворика и двух жилых помещений. Вся постройка, повидимому, была выполнена из камня, применение сырцового кирпича раскопками не установлено. Для отдельных частей построек, требующих более тщательной обработки, как базы для деревянных столбов, держащих кровлю, пяточных камней для оси двери и отдельных предметов хозяйственного или ремесленного назначения, употреблялся туф, совершенно не применявшийся при сооружении дворца. По архитектурным формам и строительным приемам городские постройки существенно отличаются от здания на холме. В то время как строение на самом холме Кармир-блур являлось типичным образцом архитектуры, связанным с архитектурой государств Месопотамии и восточной части Малой Азии, широко использующей сырцовый кирпич, городские постройки дают нам, повидимому, образец закавказской строительной техники начала I тысячелетия до н. э. Таким образом, город по своему типу и планировке, характерной для городов древневосточной рабовладельческой формации, был построен с применением местной закав-

казской строительной техники и, по всей вероятности, силами закавказского населения, подчиненного урартской власти.

Раскопки города (работы К. Л. Оганесяна и В. С. Сорокина), открывшие лишь небольшую его площадь, всего 1,5 квартала, дали все же весьма определенный материал для его датировки. В жилищах было найдено большое число обломков глиняных сосудов как урартских, так и чисто закавказских форм, отдельные железные предметы (нож, наконечник мотыги) хорошо известных урартских типов и, наконец, в одном из помещений была найдена незаконченная гиревидная печатка, являвшаяся, быть может, подражанием урартским образцам. На наличие ремесла в городе указывает створа литейной формы для крупного топора-секиры, найденная в 1936 г., каменная форма для отливки дисковидного ажурного украшения, орнаментированного фигурой весьма усложненной свастики (случайная находка) и глиняный гончарный круг, обнаруженный в одном из помещений при раскопках 1949 г.

Раскопки города отчетливо выявили и тот факт, что его жители не имели собственного хозяйства и жили на государственном довольствии. В городе не заметны сколь-нибудь ощутительные следы собственного хозяйства семей, отсутствуют помещения для скота, места склада сельскохозяйственных продуктов. Жилища являются типично городскими постройками. Остатков зерен в них найдено не было, а кости животных как одомашненных, так и диких, являются, повидимому, остатками пищи. С. К. Даль определил кости быка (Bos taurus), буйвола (Bos bubalus), лошади (Equus caballus), свиньи (Sus scrofa), джейрана (Gazella subgutturosa). дикого барана и крупного козла, близкого к дагестанскому туру (Capra cylindricornis).

Незначительное количество костей мелкого рогатого скота объясняется, возможно, тем обстоятельством, что мелкий рогатый скот значительное время находился на горных пастбищах и в очень большом количестве угонялся в центральную часть Урарту—Биайну.

В жилищах обнаружены также кости домашней собаки, по породе близкой к шпицу (Canis familiaris palustris). около входов в открытый дворик имеются выдолбленные в камнях сквозные отверстия, служащие для привязывания сторожевой собаки.

Найденные кости и череп каменной куницы (Martes foina) принадлежали по ряду признаков зверьку, которого пытались приручить. Вопрос о приручении кошки у жителей Кармир-блура остается неразрешенным. В одном из карасов большой дворцовой кладовой был обнаружен скелет дикой кошки, повидимому, упавшей в карас при ловле мыши, части скелета которой оказались там же.

В. С. Сорокин, детально изучивший археологический материал из раскопок города, окончательно доказал полное тождество и одновременность материала из цитадели дворца на вершине холма, жилищ на территории двора цитадели и из исследованного городского квартала. Таким образом, мы имеем полное право утверждать, что изучаемый нами город

является древнейшим из городов, археологически изученных в настоящее время на территории СССР.

Повидимому, и разрушение города произошло одновременно с гибелью цитадели, во всяком случае, культурный слой на территории города совершенно не дает нам материала, которой бы указывал на жизнь этого поселения в период после падения урартской власти в Закавказье (начало VI в. до н. э.).

Раскопки 1948 г. установили наличие на территории города могильника эллинистического периода (раскопки А. А. Вайнмана). Были открыты погребения в каменных ящиках овальной формы, сложенных из разобранных стен построек, для их перекрытий также употреблялись плиты древних построек. Могилы содержали костяки, обычно по одному, а иногда и по два, помещавшиеся в них в сидячем положении, при них были находимы стеклянные бусы с позолотой в середине, сердоликовые и мелкие разноцветные пастовые бусы и бронзовые браслеты из тонкого, круглого в сечении прута с шаровидными утолщениями или же прогибом в верхней части, т. е. предметы, характерные для закавказских могильников эллинистического времени.

В одной могиле, во рту детского костяка была обнаружена серебряная, плохо сохранившаяся драхма с именем Александра Македонского. На лицевой ее стороне изображена голова Геракла в львиной шкуре, а на обороте сидящая фигура Зевса с орлом на правой его руке. Под рукой помещено изображение льва с повернутой назад головой, являвшееся, возможно, эмблемой города Кардии (Лисиммахии). Эта монета, относящаяся к последним годам царствования Александра Македонского, а быть может чеканенная и при Лисиммахе, также подтверждает датировку могильника на территории города эллинистическим временем, концом IV века или началом III века до н. э. (если мы учтем возможность длительного бытования монеты с именем Александра Македонского).

Раскопками 1949 г. среди развалин городских построек были открыты и более поздние погребения, датировка которых, ввиду недостаточности материала, не может быть в настоящее время установлена.

Исследования, проведенные на территории города, свидетельствуют о том, что жизнь города не возобновлялась после его разрушения в начале VI в. до н. э. Это обстоятельство, вероятно, было вызвано тем, что разгромленное водоснабжение города не было восстановлено и развалины поселения превратились в пустынное место, каким они являются и в настоящее время.

Если среди археологического материала, происходящего из древнего города, отсутствуют материалы, датирующие жизнь в нем в период после падения урартского государства, то случайные находки на его территории показывают, что и до постройки урартского города на том же месте существовало более раннее поселение. На это указывают не только весьма характерные образцы черной лощеной керамики, но и отмеченная выше каменная створа для отливки бронзовой секиры.

В могильнике к юго-западу от рощи раскопками 1940 и 1948 г. были

открыты разновременные погребения, большей частью, повидимому, доурартского времени (раскопки С. Н. Аносова, Р. М. Джанполадян, А. О. Мнацаканяна и В. В. Шлеева). Некоторые могилы можно датировать также урартским временем, но считать их принадлежащими местному населению, так как они по обряду погребения и предметам, в них помещенным, весьма близки к закавказским могильникам доурартского периода.

Большая часть грунтовых могил была перекрыта крупными каменными плитами и имела кольцевое или полукольцевое ограждение из камней. Костяк помещался в скорченном положении, при нем находились глиняные сосуды разнообразной формы, редкие бронзовые изделия (браслеты и кольца), а в одной могиле обнаружены были обсидиановые наконечники стрел весьма тщательной работы. Кроме этих архаичных наконечников стрел в могильнике не было найдено других предметов вооружения.

Отнесение раскопанного могильника к неурартскому населению города представляется вполне вероятным, так как значительная часть жителей города состояла из покоренного местного населения южного Закавказья.

Большое здание на самом холме, являвшемся цитаделью города, было дворцом урартского наместника, на обязанности которого лежало управление областями Закавказья, присоединенными к Урарту, и наблюдение за сбором дани и выполнением воинских и трудовых повинностей. Во дворце, кроме жилых комнат наместника, находились также многочисленные кладовые и помещения хозяйственного назначения, в которых поступавшая в крепость дань подвергалась обработке. В городе же жили люди, связанные с этим крупным урартским административным центром. В той части города, которая непосредственно примыкала к южному фасаду дворца и была ограждена не только внешней, но и внутренней стеной, находились, повидимому, жилища чиновников и лиц, близких к урартской администрации. В остальной части города жили урартские воины со своими семьями, многочисленные ремесленники, трудившиеся над переработкой громадной дани, поступавшей в крепость в виде сырья и переправлявшейся в центр Урарту, в страну Биайну, уже в виде готовых продуктов или полуфабрикатов, а также земледельцы, работавшие на землях, принадлежавших урартскому государству. Понятно, что жители этих категорий, т. е. воины, ремесленники и земледельцы, находившиеся в зависимом положении от урартской государственной власти, были на государственном довольствии и не имели собственного хозяйства. Таким образом, древний город около холма Кармир-блур, был типичным городским поселением древневосточного рабовладельческого общества.

Случайное обстоятельство дало возможность установить и урартское название этого города. В одном из помещений дворца около двери, ведущей в кладовую (№ 11), была обнаружена часть бронзового запора, накидная петля (рис. 3), на кольце которой оказалась короткая клинообразная надпись: «Русы, сына Аргишти, крепость (букв. «дом оружия) города Тейшебаини». Таким образом, эта надпись, с одной стороны, под-

тверждает предположения, что раскопанные нами помещения дворца на холме относятся к VII в. до н. э., ко времени правления урартского царя Русы, сына Аргишти, а с другой стороны, открывает нам и древнее название города. Город назывался Тейшебаини, т. е. «городом бога Тейшебы», одного из основных богов урартского пантеона, бога войны и бури, по

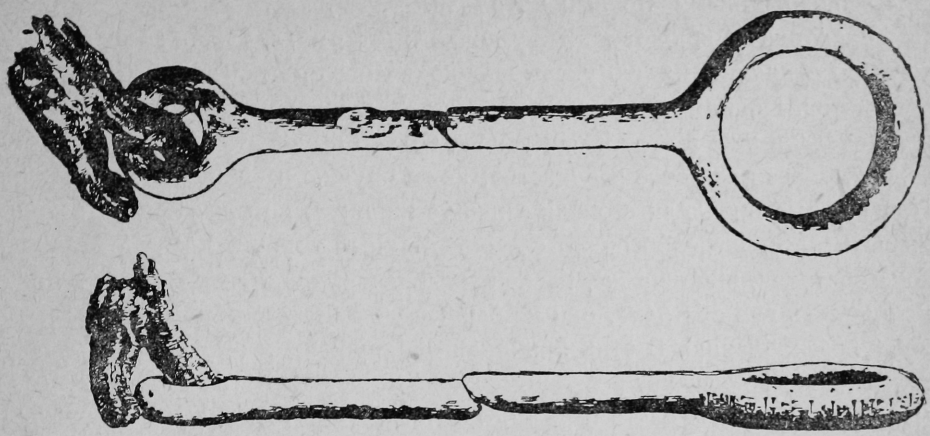

Рис. 3. Часть бронзового запора с надписью царя Русы, сына Аргишти.

своему имени и значению связанному с переднеазиатским богом Тешубом. Бронзовая фигурка этого бога, служившая, повидимому, навершием штандарта урартского военного отряда была найдена на Кармир-блуре в 1941 г.

Обстоятельства гибели города нам еще не совсем ясны, раскопки же цитадели—дворца урартского наместника, до мелких деталей выявили нам картину его разрушения. Около северо-западных ворот, ведущих во двор цитадели, было найдено большое количество бронзовых наконечников стрел скифского типа, датируемых началом VI в. до н. э. Один такой наконечник был обнаружен застрявшим в кладке каменного цоколя стены. Таким образом, участие скифов в разрушении города Тейшебаини, последнего оплота урартской власти в Закавказье, бесспорно. Нам еще не ясно, в какой мере жители города содействовали скифам, но трудно предположить, что население города Тейшебаини в основной своей массе, т. е. ремесленники и земледельцы, были бы убежденными защитниками урартской власти.

Раскопки во дворе цитадели открыли ряд небольших жилищ, пристроенных к внешнему фасаду дворца. От этих построек сохранились лишь незначительные остатки—каменные стены, сложенные обычно в один ряд камня, части глинобитных стен, а в одном случае остатки деревянных столбов, врытых в землю. При пожаре, возникшем во время штурма крепости, легкие крыши жилищ, сооруженные из веток, прутьев, камыша и слоя земли рухнули вниз, перекрыв все содержимое жилищ. Сверху эти остатки были еще завалены сырцовыми кирпичами обвалившихся стен дворца и этот слой, мощностью более 4-х метров, обеспечил прекрасную сохранность археологического материала.

Низкое техническое качество построек, их небольшие размеры и громадное количество зерна, помещенного иногда в малоприспособленные хранилища, указывают на то, что перед нами временные жилища, построенные во время осады крепости. Это были жилища, сооруженные той частью населения города, которое стремилось найти себе убежище за хорошо укрепленными стенами цитадели.

Раскопки выявляют картину ночного штурма, жилища были покинуты явно в панике, на что указывает количество и качество брошенных предметов. Повидимому, люди проснулись в то время, когда крыши их жилищ были уже в огне и они успели только выбежать из горевших построек, бросив все свое имущество, даже оружие и ценные украшения. При штурме цитадели сгорели лишь те жилища, которые были расположены непосредственно около северо-западных ворот и которые были в зоне обстрела, жилища же, раскопанные у юго-западного фасада дворца находились вне обстрела, они не были подожжены и подверглись жестокому разграблению. В этих жилищах обнаружены и остатки убитых жителей крепости—скелет ребенка, лежавший ничком на глиняном полу помещения, и части скелета взрослого человека, раздавленные обвалившейся каменной стеной. Тут же были найдены и бронзовые наконечники скифских стрел, положение которых, острием в восточную сторону, указывали и на направление обстрела.

Раскопки этих временных жилищ, устроенных во дворе цитадели, дали богатый археологический материал, который не оставляет никакого сомнения в одновременности этих жилищ и последнего периода жизни дворца. Во время осады крепости скифами некоторая часть дворца также была использована для убежища жителей города, в кладовых нередко можно было найти временные очаги, около которых стояли сосуды с запасами пищи и лежали различные предметы личного обихода. Поэтому при описании материалов, полученных во время раскопок жилищ во дворе дворца, я привожу также материалы и из помещений самого дворца.

Одно из исследованных временных жилищ было устроено непосредственно около северо-западных ворот цитадели (рис. 4). Для него было использовано пространство треугольной формы между внешней стеной цитадели и большой угловой башнею дворца (раскопки 1945 г.). Повидимому, это жилище имело только крышу, так как никаких остатков его стен при раскопках обнаружено не было.

В центре помещения находилась яма неправильной формы, заполненная просом, около нее обнаружена группа различных сосудов, также предназначенных для хранения зерна. В большом карасе, украшенном рельефным пояском, оказался запас могара, мелкого проса, другие сосуды содержали ячмень, пшеницу, просо и горох. Около зерновой ямы обнаружена каменная ступка с пестом, а у входа—зернотерка, состоящая из двух камней, крупного нижнего и верхнего, имеющего овальную форму. Около зернотерки стояла большая чаша, в которой лежал маленький сосуд с просом, и кучка косточек винограда, повидимому, от одной грозд-

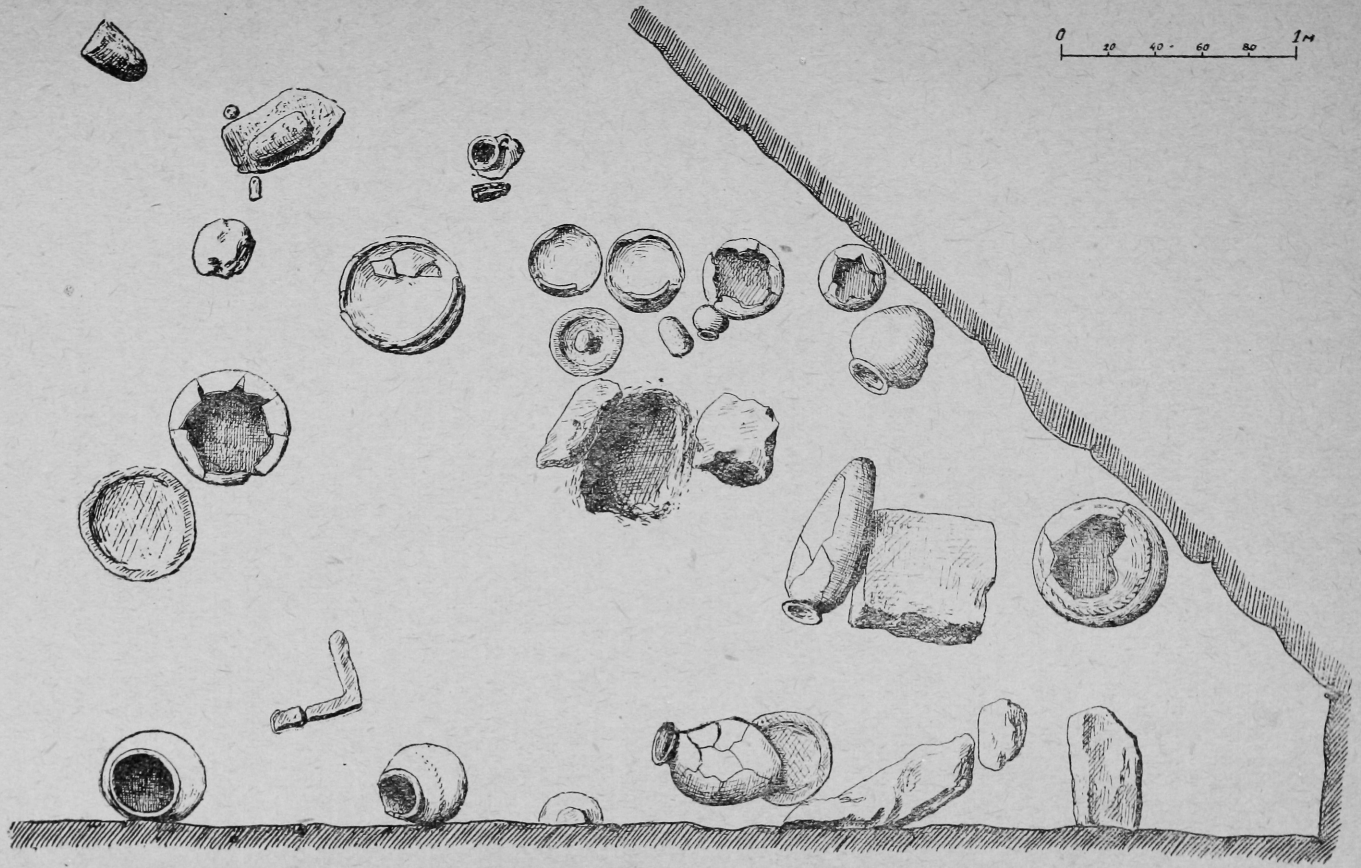

Рис. 4. План жилища у северо-западных ворот цитадели.

ди. У восточной стены жилища, несколько выше уровня пола, был найден в многочисленных обломках бронзовый колчан, украшенный зигзагообразным узором, помещенным в полосах. Первоначально этот колчан висел на стене жилища и упал после обрушения стен, чем и объясняется его положение.

Второе большое жилище было открыто около южной стороны угловой башни дворца, также около северо-западных ворот (рис. 5). В нем была обнаружена крупная яма, заполненная горой просом и около нее больших размеров карас с ячменем (рис. 6). Расположенные в разных частях жилища разнообразные глиняные сосуды также содержали большое количество зерна: ячменя, пшеницы и проса. Получается впечатление, что для зерна, для сохранения продуктов питания применялась разнообразная посуда, попадавшая под руку.

В восточной части жилища помещалась большая каменная зернотерка, кроме которой еще были другие зернотерки и каменная ступка. Зернотерки из пористого базальта и ступки с каменными пестами являлись обычными предметами, встречающимися в каждом из раскопанных жилищ. Около большой зернотерки находился очаг в виде плоской глиняной жаровни.

Особый интерес среди предметов, обнаруженных в этом жилище, представили три бронзовых умбона от щитов. Они были конической формы и прикреплялись к самому щиту, сплетенному из ивовых прутьев, посредством бронзовых гвоздиков с круглыми шляпками. На нижнем краю двух умбонов сохранились слабые остатки вычеканенных клинообразных знаков, оставляющих впечатление не настоящей надписи, а имитации клинописи. Плохая сохранность надписи не позволяет окончательно разрешить этот вопрос, но из всех знаков можно различить только одну группу, которую можно понять как «сын Менуи». Если это так, то надпись на умбоне была близкой к надписи Аргишти, сына Менуи, обнаруженной на большом бронзовом щите, происходящем из дворца.

Необходимой принадлежностью каждого из раскопанных жилищ был очаг, находившийся в центре помещения или около одной из стен (рис. 7). Встречаются три типа очагов, два из них наподобие тондыра или впущенного в пол жилища, как в современных армянских сельских домах, или же возвышающегося над полом. Этот второй вид тондыра встречался в Ассирии, что засвидетельствовано изобразительным и археологическим материалом. Третий вид очага представлен плоскими жаровнями прямоугольной или круглой формы, имеющими высокие борта. Около очагов нередко обнаруживаются приготовленные дрова, иногда с явно различимыми следами рубки топором. В одном случае около очага лежал пучок травы, среди которого А. Л. Тахтаджяном были определены: головки сорняков из сложно-цветных Acroptilon picris, стручки крестоцветного Enclydium syriacum и колосок овсяницы (Festuca sulcata?). Эта находка дает некоторые указания и на время гибели крепости.

Земледелие:—раскопки на Кармир-блуре выявляют высокий уровень урартского земледелия, о котором говорят также и письменные источники.

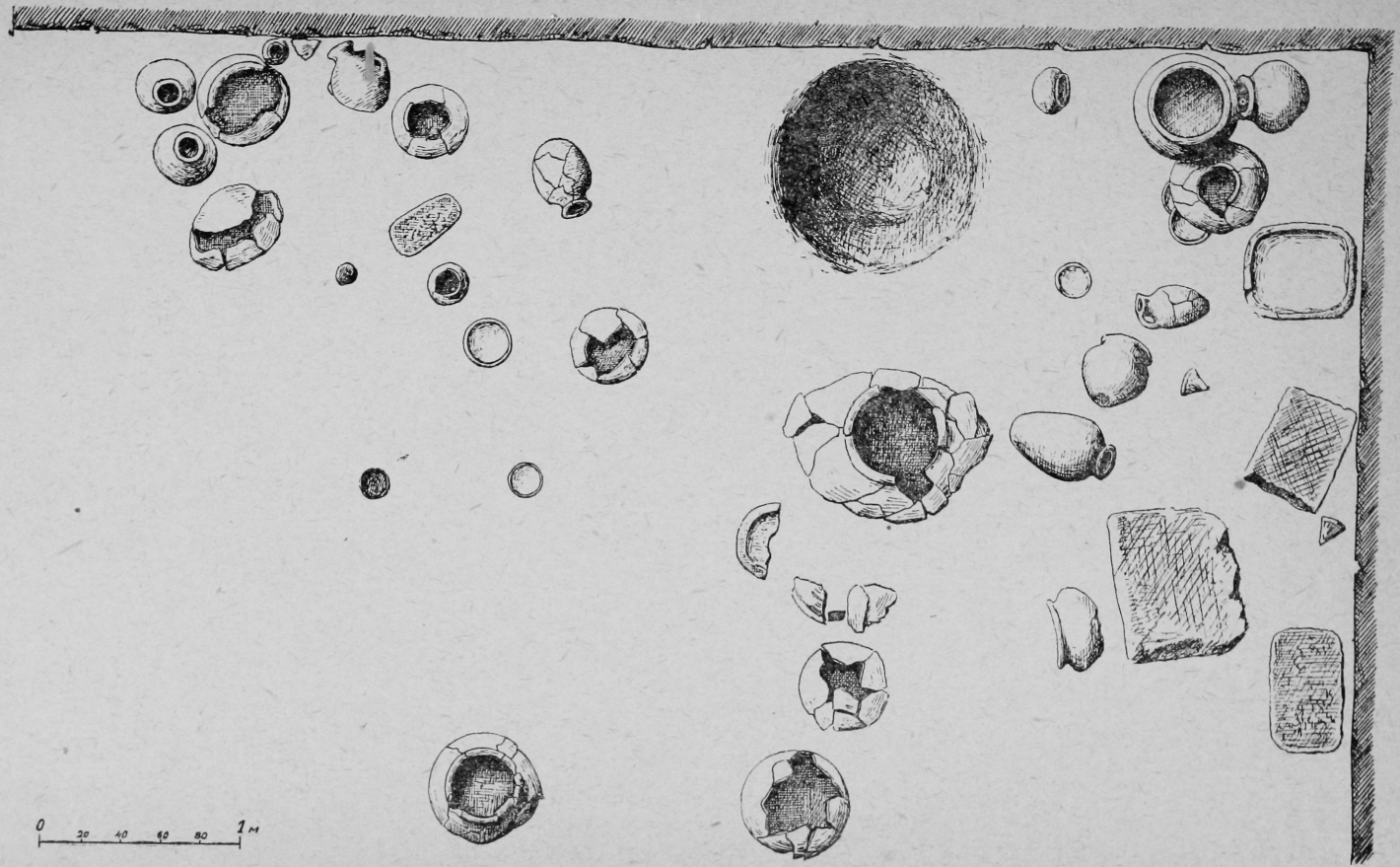

Рис. 5. План жилища у угловой сев.-зап. башни дворца.

Надпись на каменной стеле Русы, сына Аргишти, найденная при раскопках звартноцского храма и хранящаяся ныне в храме Рипсимэ в Эчмиадзине, рассказывает о больших работах, произведенных урартами на правом берегу р. Занги, в долине Кутурлини, расположенной между вы-

Рис. 6. Общий вид жилища у угловой сев.-зап. башни дворца.

сокими холмами напротив Кармир-блура и Эчмиадзином. Привожу выдержки из этого весьма интересного для нас текста (пользуюсь переводом Г. А. Меликишвили): «Руса, сын Аргишти, говорит: (в) долине страны Кутурлини обработанной земли там никогда не существовало. По приказу бога Халда я этот виноградник развел, поля с посевами, плодовые сады кругом устроил я там, города я ими окружил. Канал из реки Ильдаруниа я провел. Умешини имя его». Далее идет предписание о принесении жертв богам в честь пуска воды в канал. Из этого текста видно, какое большое значение придавали урартские цари ирригационным работам, и красноречивым свидетелем большого размаха этих работ является канал Умешини, сохранившийся до наших дней. Это большой тоннель,

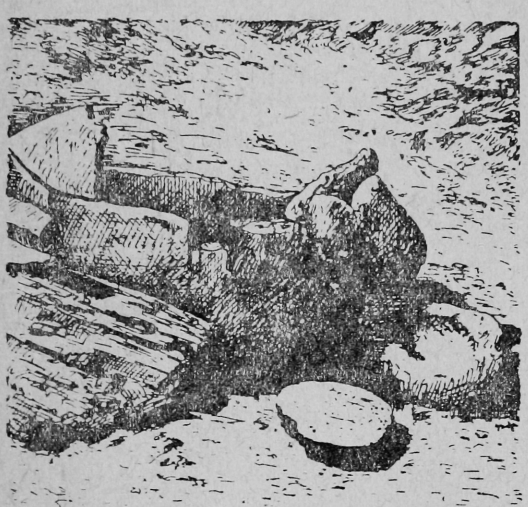

Рис. 7. Очаг в жилище у западного фасада дворца.

пробитый в толще андезито-базальтовых скал, по которому и теперь течет вода Эчмиадзинского канала. Тоннель этот подвергался неоднократным переделкам, но все же в его основе лежит тоннель, пробитый урартами около 2600 лет тому назад. О большом значении для урартов этого сооружения можно судить и по заключительным строкам надписи: «Руса, сын Аргишти, говорит: кто эту стелу разрушит, кто осквернит, кто с места удалит, кто в землю зароет, кто в воду бросит, кто другой скажет—я создал, кто (мое) имя разрушит (и) свое имя поставит, будет ли он из Биаины, или из вражеской страны, пусть Халд, Тейшеба, бог Солнца, (все) боги, ни его имя, ни его семя, ни его потомство на земле не оставят». Строки подобной формулы проклятия сохранил и камень с клинописью, найденной в 1936 г. на Кармир-блуре.

О высоком уровне урартского земледелия говорят также зерновые остатки, происходящие в громадном количестве из раскопок на Кармир-блуре и изученные М. Г. Туманяном и В. А. Петровым.

Ассирийские источники постоянно рассказывали о том, что в крепостях хранились значительные запасы зерна. Так, при описании похода Саргона в 714 г. в Урарту указывается, что в крепость Панзиш, пограничную крепость между странами Зикирту и Анди, было погружено зерно, масло, вино и оружие. Тот же текст рассказывает об обнаружении во многих урартских крепостях восточного побережья оз. Урмия полных закромов с ячменем, которые отдавались ассирийским воинам на разграбление.

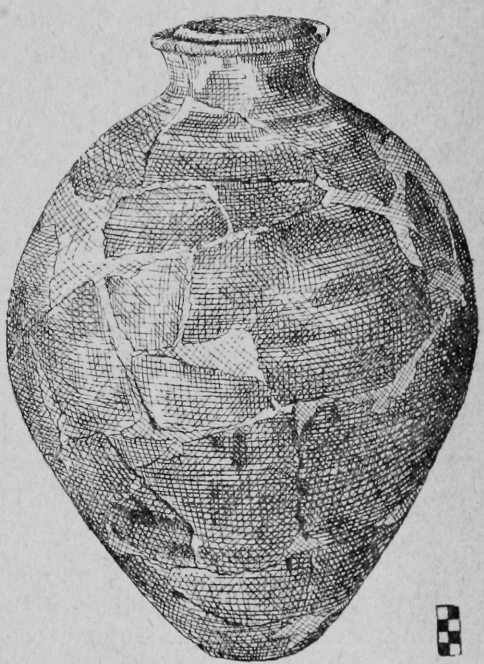

Рис. 8. Глиняный сосуд для ячменя.

Цитатель города Тейшебаини также являлась местом, где хранились запасы зерна, собранного на землях вокруг города и поступившего в виде дани.

Среди хлебных злаков особое место занимали мягкая пшеница (Triticum vulgare vill.) и многорядный ячмень (Hordeum vulgare L.), различных сортов, связанных с аборигенными формами этих злаков (рис. 8) При исследовании этих зерновых остатков М. Г. Туманян отмечает отсутствие сорных семян, чистоту и сравнительную однородность зернового материала. Встречаются также круглозерные сорта пшеницы и ячменя, особенно высокого качества. Большие запасы пшеницы хранились не только

в зерновых ямах, карасах и мелких сосудах; во дворце раскопками 1946 г. была открыта целая комната, засыпанная пшеницей, при обработке которой были обнаружены остатки древних амбарных вредителей—долгоносиков.

Обильны были также на Кармир-блуре и запасы ячменя, в некоторых случаях ячмень извлекался из хранилищ целыми ведрами, а в одном случае был найден сосуд, в котором приготовлялось ячменное пиво. Сосуд этот большого размера, имел удлиненную форму и отверстие на дне. Он был заполнен хорошо сохранившимися, с явными следами солодования, зернами ячменя, причем нижняя его часть у дна была заполнена своеобразным фильтром из соломы и сучьев. Эта замечательная находка является не только свидетельством существования у урартов ячменного пива, но дает представление и о способе его приготовления.

Кроме пшеницы и ячменя на Кармир-блуре М. Г. Туманяном обнаружены также запасы ржи (Secale L.), встреченные в значительно меньшем чем другие злаки количестве.

Весьма распространенной зерновой культурой в Урарту было просо, которое в Закавказье не засвидетельствовано до настоящего времени находками, относящимися к доурартскому периоду. Среди сортов проса наиболее богато представлено итальянское просо или гоми (Setaria italica), найденное как в виде ококсовавшихся, плотно спекшихся кусков, так и в виде необугливших, сохранивших даже свой цвет, остатков зерна, наполнявшего большие сосуды и зернохранилища.

В одном из жилищ, раскопанных у западного фасада дворца был обнаружен серый сосуд, украшенный гребенчатым орнаментом и наполненный хорошо сохранившимся просом. При изучении зерна в нижней части сосуда В. А. Петров нашел небольшую урартскую керамическую печать с обломанным ушком. На печати вырезано изображение идущей птицы с веткой во рту и полумесяц в верхней части. По всей вероятности, при опечатывании зерна у этой печати обломилось ушко, она упала в зерно и вследствие ее желтоватого цвета не была найдена, что указывает также и на то, что ею опечатывалось большое количество зерна.

В 1948 г. при раскопках одного из дворцовых помещений северо-западного угла здания, среди большого количества пищевых запасов были найдены остатки хлеба, выпеченного из просяной муки крупного помола (определение В. О. Гулканяна). Хлеб этот имел овальную форму, с утолщенными краями и отверстием посредине (рис. 9). Такая форма хлеба доживает в Закавказье и до наших дней. На Кармир-блуре обнаружены также остатки сваренной пшенной каши и выпеченные лепешки из непромолотого зерна проса.

Просо применялось также и для приготовления пива. В жилище около западного фасада стены в 1940 г. был найден большой сосуд удлиненной формы, аналогичный по форме тому, в котором был найден солодованный ячмень (рис. 10). И в этом сосуде просо носило явные следы солодования, чешуйки зерна были растопырены и слабо удерживали зерно.

На дне сосуда также находился фильтр из соломы, служившей для удержания зерна внутри сосуда при обдавании осоложенного зерна кипятком.

Этот сосуд для приготовления пива из проса обнаружен в целом, хорошо сохранившемся в углу жилища, комплексе сосудов. У стенки стояли два карася с пшеницей, около которых находились мелкие сосуды, которыми черпалось зерно. Перед карасами стоял красный лощеный сосуд с ручкой и урартским иероглифическим клеймом под ней, предназначенный для какой-то жидкости. В одном из сосудов, находившихся около него, оказался запас семян масличного крестоцветного Camelina microcarpa, а слева от карасов, в обломке сосуда, в чашке, сделанной из разбитой нижней части горшка, были обнаружены рубленные листья и стебли одного из видов закавказского чабреца—Thymus (определение В. А. Петрова). Это растение в сушеном виде и до настоящего времени употребляется в Закавказье как пряность и примешивается в сыр или кислое молоко; употребляют его также и для приготовления настойки.

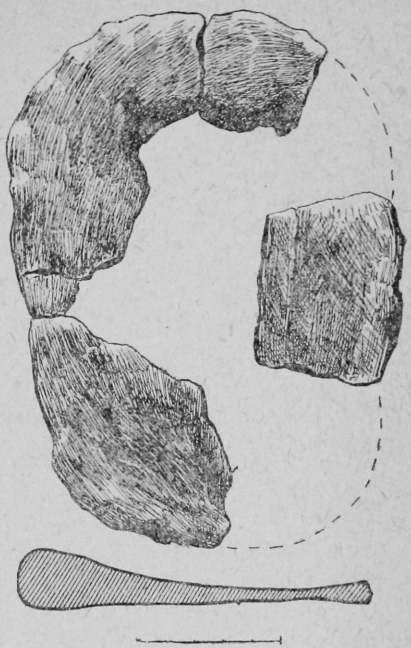

Рис. 9. Остатки хлеба из просяной муки.

В Урарту, как и в Ассирии, широкое распространение получила культура кунжута (Sesamum [illegible]), из которого приготовлялось растительное масло. Запасы кунжута были обнаружены в четырех карасах, поставленных в небольшой крайней северной кладовой дворца, а также в одном из карасов большой кладовой (№ 25). Кунжутные жмыхи, обнаруженные в громадном количестве в помещении № 2, бесспорно свидетельствуют о производстве в большом количестве кунжутного масла в пределах самой крепости. Надо заметить, что техника производства кунжутного масла в Урарту мало чем отличалась от современного кустарного способа изготовления кунжутного масла в Закавказье. Кунжут найден был также и в смешанном запасе зерна, среди ячменя и семян двух видов бобовых—нута (Cicer arietinum) и чечевицы (Ervum Lens.). Повидимому, эти поджаренные зерна и семена составляли лакомство, на что указывают и этнографические параллели.

Таким образом, мы видим, что раскопки на Кармир-блуре дали богатейший и весьма определенный материал, документирующий древнее земледелие. Нам хорошо известно, что урарты не только жестоко эксплоатировали области южного Закавказья, но создавали там свои административные центры, содействовали развитию земледелия, улучшая и расши-

ряя ирригацию, что являлось необходимым условием для поднятия плодородия. В районе Армавира, древнего Аргиштихинили, сохранилось много остатков урартских каналов, которые неоднократно упоминаются и в клинообразных надписях, а одна клинопись, повествующая о проведении канала Аргишти, сыном Менуа, была высечена на скале над каналом (Каракала). О заботливом отношении урартов к ирригации красноречиво рассказывает также текст Саргона, описывающий захват города Улху, на северо-восточном побережье озера Урмии. „Царь Урса (Руса), правитель их, по желанию сердца своего... указал выход вод, он вырыл канал, несущий проточную воду... (воду) изобилия, как Евфрат, он заставил течь. Он вывел бессчетные арыки от его русла и... воистину оросил нивы... как дождь пролил плоды и виноград". То же самое, что было выполнено царем Русой I в окрестностях города Улху, было выполнено в округе Тейшебаини его внуком Русой II.

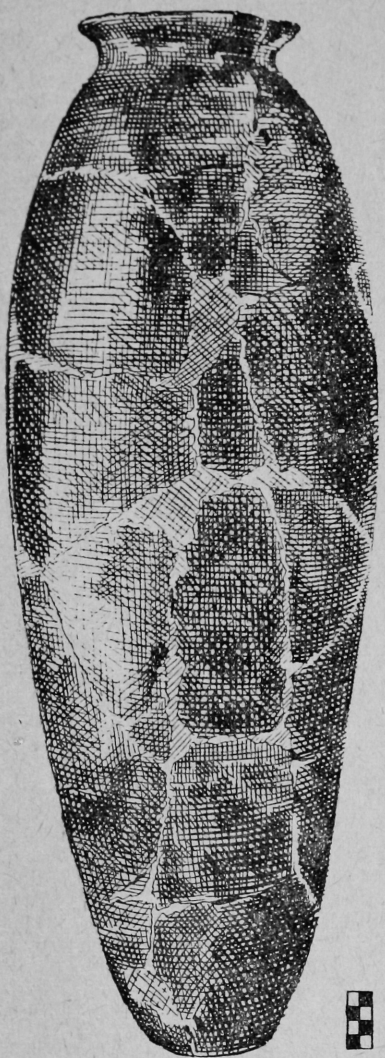

Рис. 10. Сосуд для приготовления пива.

Урартская земледельческая техника была весьма высокой. Основные земледельческие орудия, найденные на Кармир-блуре, изготовлялись из железа, при раскопках города, в 1949 г., в одном из помещений был найден железный наконечник мотыги или сошника, совершенно тождественный найденным на Топрах-кале, около Вана. До нас дошли в большом количестве также железные серпы и железные вилы, иногда весьма крупного размера. Все эти земледельческие орудия имеют свое соответствие в материале из раскопок в Ване и нет сомнения в их урартском происхождении, закавказские земледельческие орудия по формам существенно отличаются от найденных на Кармир-блуре. Таким образом, мы видим, что земледельческая культура урартов представлена большим материалом, добытым раскопками.

Садоводство же представлено меньшими данными. Урартские клинообразные тексты говорят о широком распространении виноградарства.

Надписи из центральной части Урарту и из окраинных областей постоянно рассказывают о разведении виноградников. Летопись Сардура, сына Аргишти, упоминает громадное количество вина, около 15 тысяч литров, поступившее в виде дани. В урартских крепостях и дворцах существовали кладовые, в которых хранились карасы с вином. В 1949 г. такая кладовая была открыта и во дворце на Кармир-блуре. В большом помещении, площадью около 300 кв. м., было установлено 82 караса, наполовину врытых в пол, причем каждый из них имел обозначение емкости клинописью или же иероглифами (кружками и линиями, образующими углы и перекрестия). Емкость этих карасов была различной—от 250 до 1500 литров. Так как крепость на Кармир-блуре погибла в первой половине августа, то и карасы этой кладовой оказались порожними, без всяких следов вина, по-видимому, вино, хранившееся в них, было уже израсходовано и они были подготовлены для заполнения вином от нового урожая. Этим и следует объяснить тот факт, что в одном порожнем карасе было сложено 97 металлических чаш с именами урартских царей.

Виноградники были и около Кармир-блура, во всяком случае надпись Русы, сына Аргишти, найденная в Звартноцском храме, описывающая благоустройство долины Кутурлини, на правом берегу реки Занги, напротив Кармир-блура, рассказывает о разведении виноградников и насаждении плодовых деревьев. Раскопки дали большое количество углей виноградной лозы, но остатков винограда было найдено мало. Лишь в двух местах, в жилище около сев.-западных ворот крепости и в одном дворцовом помещении, раскопанном в 1948 г. около северо-западного угла крепости, было найдено незначительное количество виноградных косточек. Повидимому, виноград еще не созрел и найденные косточки принадлежали, вероятно, или изюму или же случайно попавшим, еще не совсем зрелым гроздям. Эти косточки оказались принадлежащими к культурному винограду Vitis vinifera, к чрезвычайно распространенному и по сей день в Армении сорту Воскехат (харджи) или же близкому к нему сорту Гаран-дмак (определение С. Г. Погосяна).

Остатков плодов найдено незначительное количество. В одной кладовой (№ 14) была обнаружена втоптанная в пол косточка сливы—алычи, а в сосуде из помещения около северо-западного угла крепости (раскопки 1948 г.) оказались остатки плодов граната (определение А. М. Вермишян). Там оказались куски корки плода с ячейками и прилегающими к ним косточками. Особенно характерен кусок верхушечной части граната, на котором ясно видно место прикрепления столбика и чашелистиков.

Найдены также семена арбуза и люфы.

Надо надеяться, что дальнейшие раскопки дадут нам еще новые материалы, касающиеся урартского садоводства и огородничества.

Животноводство:—наряду с развитым земледелием и садоводством в хозяйстве Тейшебаини, этого крупного урартского административного центра в южном Закавказье, важное место занимало и **скотоводство.** Остеологический материал из раскопок Кармир-блура, детально обработанный С. К. Далем, представляет совершенно исключительный интерес

для истории скотоводства. Материал этот велик и он делится на три группы: 1) комплектные костяки животных, погибших при пожаре дворца; 2) отдельные кости—остатки мясной пищи и 3) сильно пережженные кости—остатки жертвоприношения.

Во время пожара дворца, возникшего при штурме крепости скифами, на крыше дворца находились животные, крупный рогатый скот, лошади и ослы, поднятые туда во время осады. Когда деревянные кровли дворцовых помещений были объяты пламенем, обезумевшие животные оторвались от привязи и метались среди огня, они попадали на перегоревшие перекрытия и вместе с ними обрушивались вниз. С. К. Даль, изучавший эти костяки во время раскопок, неоднократно устанавливал факт падения животных с большой высоты, на что указывали положение скелетов и сильные повреждения костей. От животных (рис. 11), погибших во время пожара, сохранились не только костяки, но и ошлакованные остатки мяса и кожи, а также некоторые внутренности. В одном случае из черепной коробки был извлечен высохший мозг, а в целом ряде случаев сохранилось содержимое желудков животных. В частности, косточки арбуза происходят именно из одного такого желудка коровы.

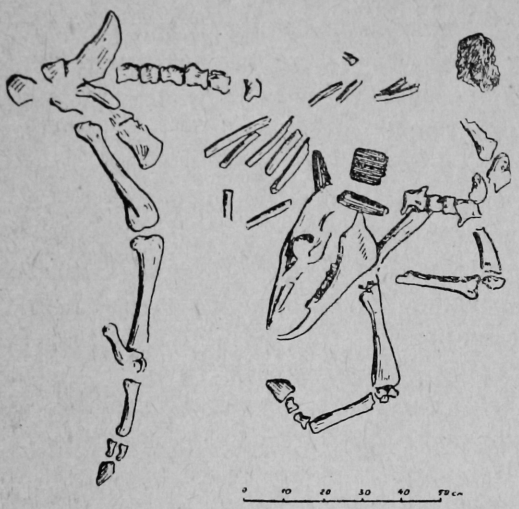

Рис. 11. Скелет коровы из помещения № 11.

Крупный рогатый скот, представленный несколькими костяками, изученными на месте раскопок, был по типу весьма близок к Bos primigenius.

Данные о лошади из раскопок на Кармир-блуре опубликованы С. К. Далем в Известиях Академии наук Армянской ССР в 1947 г. (№ 10, серия естественных наук). Урартская лошадь оказалась представителем определенной выведенной породы, она была небольшого роста (высота холки 1,25 м.), ниже скифской лошади из курганных погребений на юге СССР.

В Урартском государстве лошадь была весьма распространенным, но дорого ценившимся животным. В перечнях добычи лошади упоминаются в первую голову, и их число значительно меньше числа угнанного рогатого скота. Текст ассирийского царя Саргона, рассказывающий о походе против Урарту, отмечает, что в провинции Суби, на восточном побережье оз. Урмия, специально разводились верховые лошади и оттуда доставлялись жеребцы для урартской конницы. На бронзовом шлеме и колчанах с клинообразными надписями Сардура, сына Аргишти, изображены верховые лошади и лошади, запряженные в боевые колесницы. Раскопки на

Кармир-блуре дали также несколько экземпляров удил, бронзовые удила из раскопок 1940 г. были ассирийского типа, найдены также железные удила и части уздечки скифского типа.

Кости ослов, по заключению Н. О. Бурчак-Абрамовича («Природа», 1948, № 2), по размерам, пропорциям и внешнему виду не отличаются от костей современной аборигенной породы ослов, широко распространенной в Закавказье. На основании изучения зубов осла урартского времени С. К. Даль приходит к выводу об участии кулана (Equus hemionus) в образовании того вида осла, который представлен остатками из раскопок на Кармир-блуре.

В момент гибели крепости мелкий рогатый скот находился еще на горных пастбищах, этим объясняется и небольшое количество костных его остатков. Лишь в помещении около северо-западного угла крепости в 1948 г. был обнаружен скелет козы, находившейся в момент пожара внутри помещения. Около этого костяка был обнаружен также сильно разрушенный обвалившимся потолком скелет домашней свиньи. Большая часть остеологического материала, относящегося к мелкому рогатому скоту, происходит из пищевых остатков. С. К. Даль различает овец (Ovis aries) двух типов: один является древней тонкорунной овцой (меринос), другой же отличается крупными размерами. Козы, кости которых встречены на Кармир-блуре, сравнительно в незначительном количестве, по структуре черепа не отличались от современной местной породы (Capra domestica).

Весьма интересные результаты дали раскопки помещения № 26 (1949 г.). Эта небольшая изолированная кладовая была завалена толстым слоем пережженных костей животных. При обработке этих костей С. К. Далем (просмотрено свыше 35.000 штук) оказалось, что все они принадлежали крупному и мелкому рогатому скоту, причем среди них совершенно отсутствовали кости головы и нижних частей конечностей крупного рогатого скота и встречаются только единичные экземпляры костей верхней части головы с рогами мелкого рогатого скота. Обращает на себя внимание значительное количество костей совсем молодых ягнят и телят. Отмеченные обстоятельства наводят нас на мысль о том, что в комнате № 26 были сложены кости, убиравшиеся с жертвенников после жертвоприношения. На это указывает сильный обжиг костей, а также своеобразный отбор частей мяса, к которым эти кости относились. Мы хорошо знаем, что при жертвоприношении особое значение имела шкура быка и других животных, отделенная вместе с головой и конечностями, именно теми частями, кости которых отсутствуют в громадной куче остатков костей в комнате № 26, с другой стороны, известно также, что урартские клинообразные надписи, относящиеся к культу, часто отмечают необходимость принесения тому или иному богу именно ягнят или телят.

Этот большой материал, содержавший кости рогатого скота, оставшиеся от жертвоприношения, является весьма ценным дополнительным материалом к изучению комплектных скелетов и пищевых остатков, обнаруженных на Кармир-блуре.

Летописи урартских царей Аргишти и Сардура (VIII в. до н. э.), списывающие победоносные походы в страны Передней Азии, в перечнях добычи дают громадные цифры скота, угнанного в центральную часть Ванского царства, причем в этих текстах явно выступает значительное преобладание мелкого рогатого скота над крупным. Согласно сохранившемуся тексту летописи, за все отмеченные походы Сардур пригнал в Биайну, центральную часть Урарту, 110 тысяч голов крупного и около 200 тысяч голов мелкого рогатого скота, только за два похода в Закавказье из страны Эриах, расположенной к юго-западу от горы Арагац, было угнано 23194 головы крупного и 63420 голов мелкого рогатого скота.

Ремесло:—разведение овец давало урартам не только мясную и молочную пищу, но и шерсть. Шерстяные ткани широко применялись в быту. Раскопки на Кармир-блуре дали много образцов тонкой шерстяной ткани, в одном случае плотная толстая ткань имела ворсистую поверхность наподобие бархата (обработка тканей из Кармир-блура производится В. Н. Кононовым). В кладовой № 13 было обнаружено большое количество пряжи, хорошо сохранились клубки очень тонких шерстяных ниток, а в одном случае такие нитки оказались намотанными на деревянное веретено (рис. 12). Установить наличие окраски шерстяных ниток, о чем упоминают клинообразные тексты, на образцах из Кармир-блура не удалось. Там же была найдена сетка, сплетенная из ниток. изготовленных, повидимому, из волокон кунжута. Из такой же растительной пряжи была выткана ткань грубого мешочного типа, обнаруженная рулоном при раскопке центральной комнаты северо-западного выступа дворца в 1940 г. Она представляла собой, вероятно, дорожку, которая застилалась через все помещение, во всяком случае сохранившаяся часть определяет длину ткани рулона в 15—20 метров.

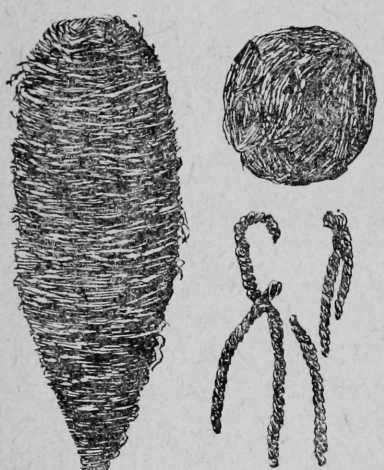

Рис. 12. Клубок шерстяных ниток, веретено и обрывки веревок из волокна травы.

При раскопках на Кармир-блуре как в дворцовых помещениях, так и в жилищах, расположенных во дворе цитадели, найдено большое количество хорошо сохранившихся **деревянных предметов.** В 1940 г. в жилищах у западного фасада дворца найдены деревянная ложка (дл. ок. 35 см.), имевшая на конце крючок для подвешивания, прясловидные пуговицы, иногда украшенные орнаментом в виде кружков, лукошки, украшенные резьбой в виде треугольчиков, и обломки крупных ковшей-совков, напоминающих по форме современные лабазные. В 1948 г. в кладовой № 13 обнаружен небольшой деревянный сосудик, с явными признаками его изготовления на токарном станке, деревянные части мебели с инкру-

стацией из рога, многочисленные части деревянных предметов и среди них рукоятка с изображением головки барана рис. 13. Найдены также остатки деревянного колчана, покрытого кожей.

Керамика, встреченная при раскопках на Кармир-блуре, весьма разнообразна. Особо выделяется керамика урартского образца—красная лощеная, чрезвычайно выработанных форм: кувшины с одной ручкой, профилированные чаши и небольшие двойные сосуды. От керамики из центральной части Урарту кармир-блурская отличается меньшей интенсивностью лощения. Кувшины с ручками обычно имеют горло энохои и иногда под ручкой клеймо с урартскими иероглифическими знаками (рис. 14). Два таких клейма (см. Б. Б. Пиотровский, История и культура Урарту, стр. 181, рис. 44) представлены на пяти экземплярах керамики. На сосудах встречаются также иные мелкие клейма и выдавленные знаки в виде кружков с отходящими от них линиями, перекрещенных линий, изображений ветки и др.

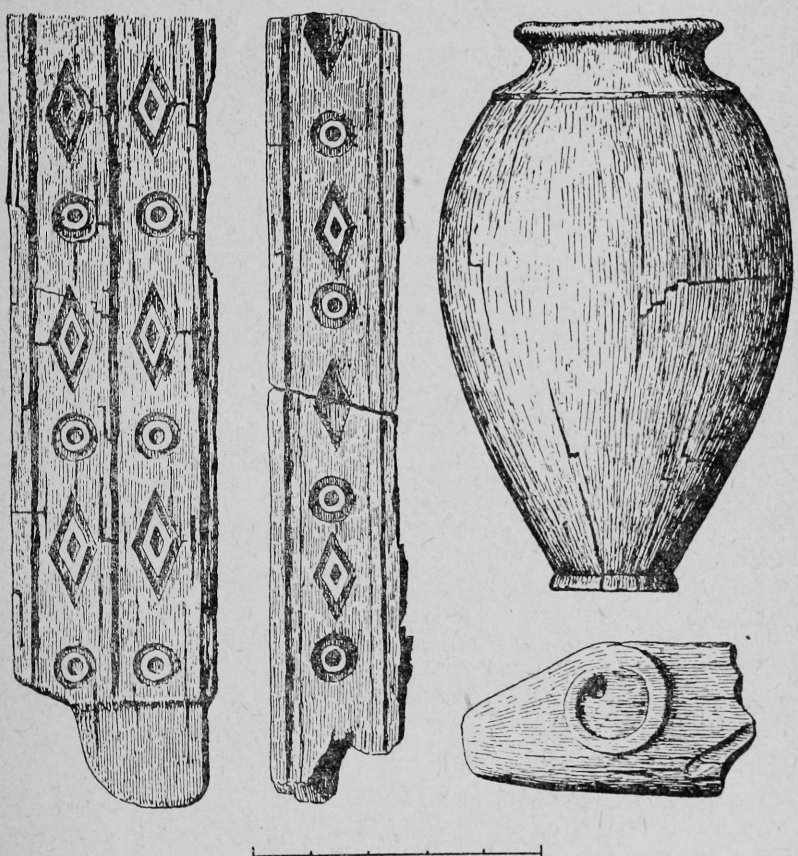

Рис. 13. Деревянные изделия из помещения № 13.

Вторую большую группу кармир-блурской керамики составляют образцы местного изделия и типа (рис. 15). Это грубые сосуды черного цвета, часто в форме горшков с широкой горловиной, украшенные под венчиком елочным гребенчатым узором, семячковым или волнообразным орна-

ментом. Встречаются грубые сосуды и без всякой орнаментации. Местное изготовление керамики в городе Тейшебаини устанавливается найденным там при раскопках 1949 г. керамическим гончарным кругом. Третью группу составляет керамика, имеющая аналогии в закавказских могильниках VII—VI вв. до н. э. Это кувшины темно-серого или красного цвета с узо-

Рис. 14. Урартские сосуды.

ром, выполненным лощением и рельефом. Ручки кувшинов этой группы имеют характерное украшение в виде ряда глубоко вдавленных треугольников, которые заходят друг на друга вершинами. Такие же сосуды происходят из раскопок Ж. де Моргана по ущелью р. Дебед (могильник Шайтан-даг), из раскопок Е. А. Лалаяна в Севанском районе и из могильников урартского времени, раскопанного в сел. Головино. Крупные сосуды этого типа, с характерными ручками и узором, выполненным лощением, имеются из дворцовых помещений в нескольких экземплярах, обломки такого же кувшина, но меньшего размера, были найдены и при раскопках города.

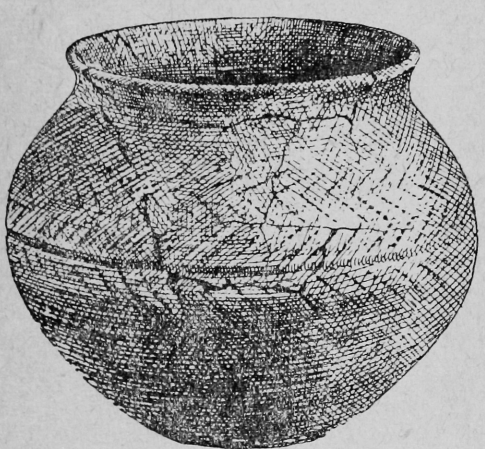

Рис. 15. Грубый сосуд с узором, выполненным гребенчатым штампом.

Особую группу керамики представляют большие карасы различных форм и качества изготовления. В помещении № 25 были обнаружены крупные карасы, типа, встреченного и в других помещениях, а также в жилищах, расположенных во дворе цитадели и в городе. Они украшены рельефным пояском, а менее крупные

карасы, найденные вне этой кладовой, имеют еще волнистый орнамент и узор, выполненный штампом.

Остатки гончарных мастерских на Кармир-блуре еще не обнаружены.

Из мелкой глиняной скульптуры найдены две небольшие грубые фигурки, изображающие лошадь и бычка, а также части пяти статуэток богов, найденных в 1949 г. в кладовой № 25. Боги изображены в виде мужских бородатых фигур, с накинутыми на спину рыбьими шкурами, окрашенными в ярко голубой цвет.

При раскопках Кармир-блура обнаружено значительное количество **металлических предметов,** среди которых преобладали **железные.** Эти предметы подтверждают предположение о том, что в Закавказье железо распространялось под влиянием урартов. Все железные предметы, найденные на Кармир-блуре, обнаруживают полное сходство с таковыми же из центральной части Урарту, в то время как бронзовые существенно отличаются от урартских и примыкают к местной закавказской металлургической традиции (рис. 16).

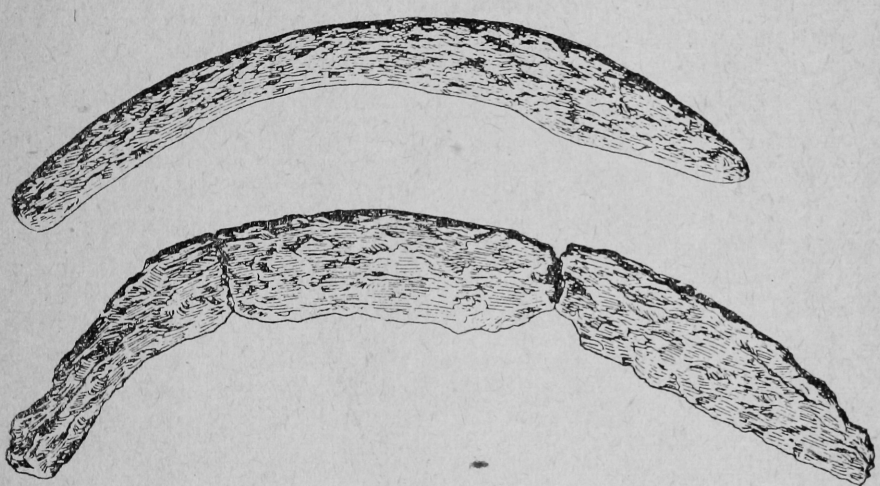

Рис. 16. Железные серпы.

В зерновых ямах жилищ во дворе цитадели и в дворцовых помещениях часто встречаются железные изогнутые серпы, такие же, какие были найдены при раскопках на Топрах-кале, около Вана. Такое же полное сходство с урартскими изделиями обнаруживают и изогнутые ножи с острым вогнутым краем и гвоздиками на рукоятке для прикрепления деревянной или костяной накладки (рис. 17). Эти ножи с конца VII в. до н. э. становятся характерными предметами инвентаря закавказских могильников.

Некоторое своеобразие имеют железные кинжалы различной формы, они не дают такого выработанного стандартного типа, как ножи (рис. 18). Кинжал интересной формы, с деревянной или костяной накладкой на рукоятке, имеет аналогию не только с подобным кинжалом из самтаврского могильника, но и из скифского погребения, раскопанного М. Граппом около Гудаути.

Железные мечи дают два типа (рис. 19). Первый—это короткий меч с расширением в нижней части клинка, напоминающий скорее крупный кинжал. Таких меча было найдено два, один в жилище у западного фасада дворца, другой подле шлема Сардура в помещении № 10. Они имеют фигурную рукоятку с приподнятыми краями и гвоздями для прикрепления накладки.

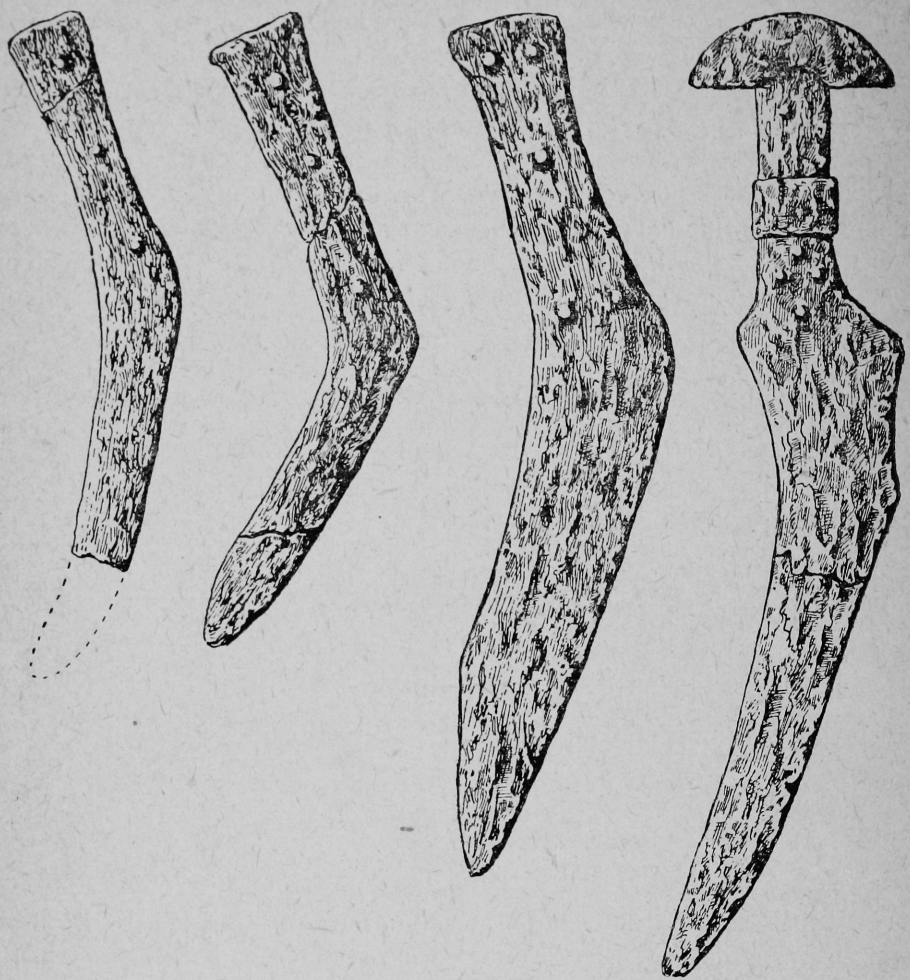

Рис. 17. Железные ножи.

Второй тип меча отличается значительной длиной. В помещении № 13 обнаружен такой меч, достигающий по длине 72 см., он был вложен в ножны, от которых сохранился только бронзовый наконечник нижней их части. Рукоятка, близкая по форме мечам первого типа, имеет бронзовую обойму в нижней своей части и бронзовую обкладку по краю. Мечи близкой формы известны по раскопкам Ж. де Моргана по ущелью реки Дебед, совершенно подобный меч происходит из раскопок Н. Я. Марра на Ворнакском могильнике в 1893 г. (ныне сел. Акнер).

Из числа железных предметов, найденных на Кармир-блуре, следует отметить железные вилы—трезубцы (рис. 20), наиболее крупный образец которых достигает 83 см., и большого размера наконечники с загнутым крючком острием. Трудно решить являлись ли эти предметы орудиями, употреблявшимися в хозяйстве или же оружием.

Обнаружено несколько тесловидных предметов различной величины. Из железа изготовлялись также части запоров, в частности, накидные петли, известные и в бронзе. При раскопках ряда помещений найдены были железные лопаты. Изображенная на рисунке лопата происходит из жилища, раскопанного у южного фасада дворца, но подобные лопаты были встречены и в дворцовых помещениях, притом в верхних слоях их заполнения. Это обстоятельство наводит нас на мысль, что указанные лопаты принадлежали скифам, перекапывавшим пожарище, следы такого перекапывания средних частей некоторых из помещений выступают весьма явно.

Рис. 18. Железный кинжал.

Найдено также несколько экземпляров крупных железных наконечников копий (рис. 21) и большое число железных наконечников дротиков или стрел (рис. 22). Последние весьма близки к найденным в центральной части Урарту (раскопки на Топрах-кале) и существенно отличаются от бронзовых закавказского типа. Это крупные наконечники миндалевидной формы с длинными стержнями для насадки на древко. Бронзовые наконечники стрел закавказского типа также имеют длинный стержень для насадки, но их лезвийная часть отлична от железных и имеет, характерные для закавказских образцов, боковые, опущенные вниз выступы. В помещении № 13, около остатков дере-

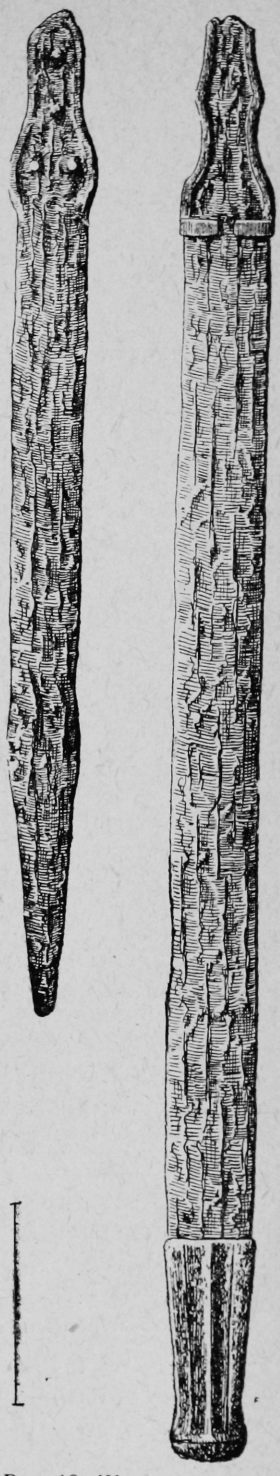

Рис. 19. Железные мечи.

вянного колчана был найден один такой бронзовый наконечник с остатками древка из тростника.

Железные предметы, найденные на Кармир-блуре, имеют большое значение не только для исследования вопроса о проникновении железа в Закавказье, но и еще дальше, в Скифию.

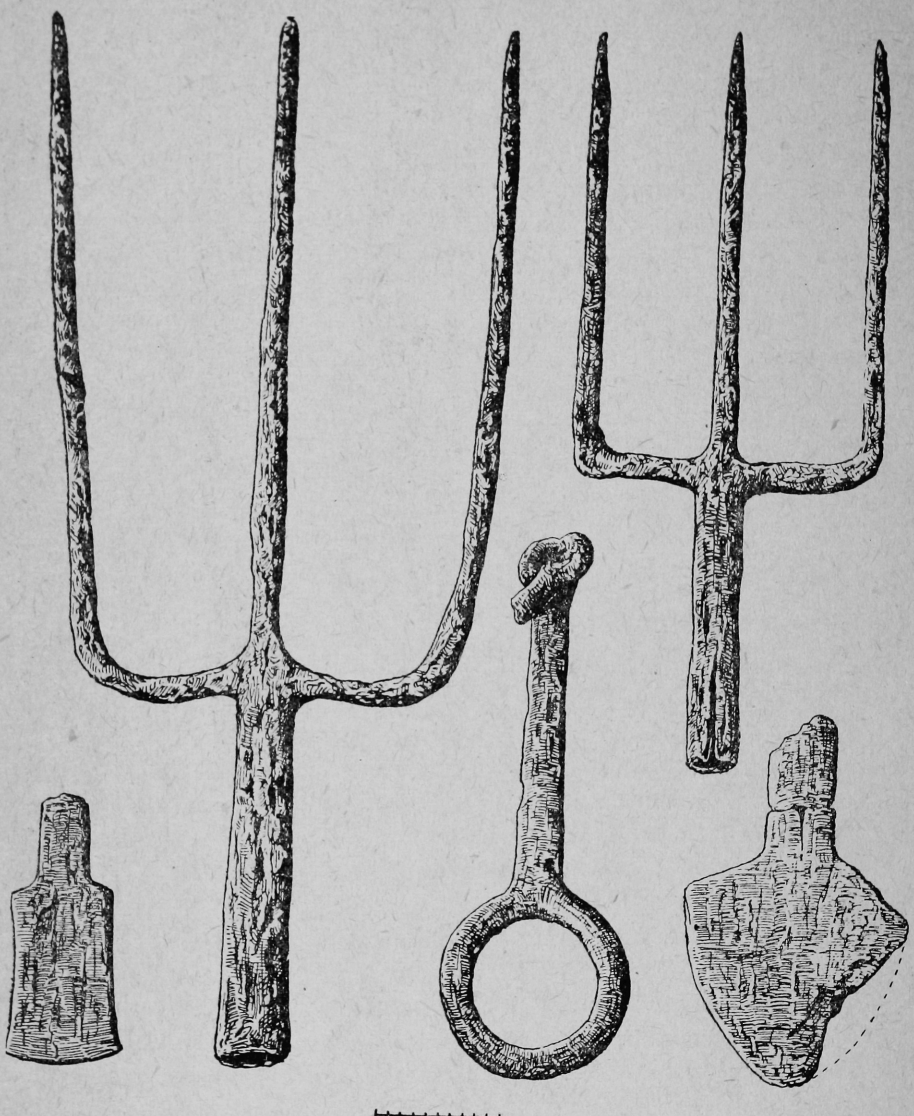

Рис. 20. Железные изделия, найденные в дворцовых помещениях.

Бронзовые предметы на Кармир-блуре представлены сравнительно небольшим количеством. Надо особо отметить несколько бронзовых слитков, близких по форме, но различных по весу, представлявших собою «заготовки» металла. Медная руда или бронзовые предметы, доставлявшиеся в Тейшебаини в качестве дани, вероятно, подвергались там же плавке и переплавке в болванки стандартной формы, которые и отправлялись далее в центральную часть царства.

Рис. 21. Железный наконечник копья.

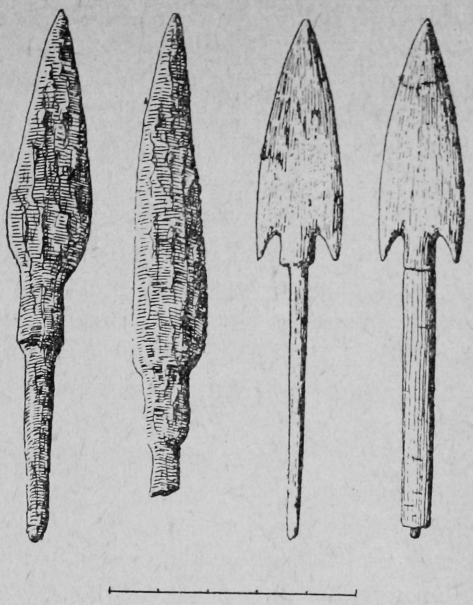

Рис. 22. Железные и бронзовые наконечники стрел.

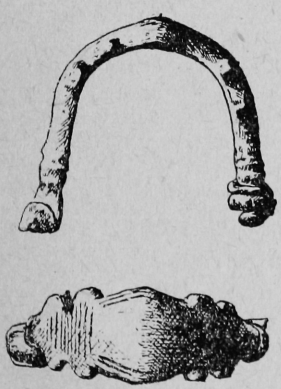

Рис. 23. Бронзовая фибула.

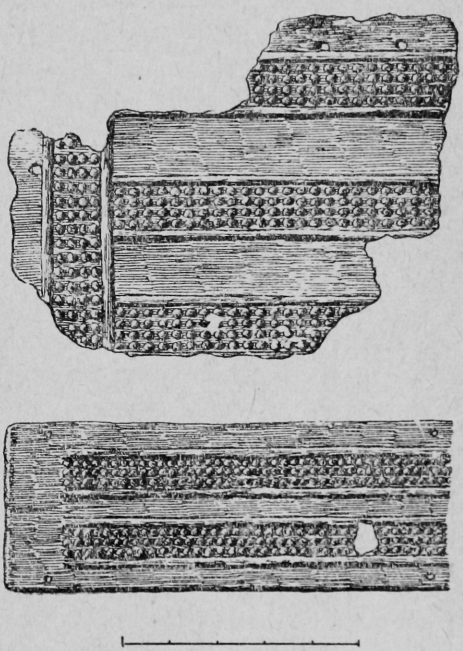

Рис. 24. Обломки бронзовых поясов.

Из бронзовых изделий следует отметить браслет, украшенный утолщениями с перетяжками, большое количество фибул с утолщенной или плоской дужкой, первые примыкают к местным закавказским типам, а вторые, повидимому, являются урартскими изделиями (рис. 23). Фибула, близкая ко второму типу, была найдена С. И. Макалатия при раскопках Дванского могильника в Западной Грузии, относящегося к скифскому времени.

Весьма интересны бронзовые пояса, обнаруженные при раскопках. Два из них (из помещений № 4 и 13), украшенные полосами, заполненными точечным узором, весьма характерны для закавказских могильников урартского периода (рис. 24). Такие пояса, в частности, были найдены в могильнике в сел. Головино и в урартском могильнике, раскопанном у сел. Малаклю, около Игдыра (раскопки П. Ф. Петрова в 1914 г.) Обломки поясов другого типа, украшенные чеканными фигурными изображениями, дают богатый материал для установления связей закавказского искусства, с одной стороны, с древневосточным, а с другой стороны, со скифским.

Раскопки на Кармир-блуре доставили много чрезвычайно интересных данных для исследования весьма важных вопросов истории древнейшей культуры Закавказья.

РАСКОПКИ ЦИТАДЕЛИ

Уже в 1939 г., в первом году раскопок, было установлено, что на холме Кармир-блур находятся остатки громадного, хорошо сохранившегося здания. Исследование северо-западной его части было облегчено случайным обстоятельством. В самом начале работ, после одного сильного ливня удалось заметить, что поверхность холма высыхала неравномерно, причем при высыхании определенно вырисовывались части плана древнего здания. Это объясняется тем, что стены, сложенные из сырцового кирпича, задерживали влагу дольше, чем грунт, заполнявший помещения. Таким образом, еще до раскопок можно было частично вычертить план здания и этим планом, полученным в 1939 г., экспедиция руководствуется до самого последнего времени.

Раскопки 1945—47 г.г. были направлены на выяснение контура здания, занимавшего поверхность Кармир-блура и условно называемого дворцом урартского правителя или цитаделью. Громадная постройка занимала площадь около 16000 кв. метров и имела около 120 помещений. В настоящее время, примерно на $^1/_4$ части ее площади раскопано 30 помещений. Траншея, заложенная вокруг здания для выяснения его контура, имела общую протяженность около 1500 метров. Северный и восточный фасады здания, примыкавшие к обрывистым склонам холма, имели неправильную в плане, уступчатую форму, соответственно контуру поверхности Кармир-блура. Западный фасад выходил на просторный, огражденный крепостной стеной, двор, имевший два входа—один в южной части, а другой в северо-западной. Основной вход представлял собою хорошо укрепленные ворота с двумя большими башнями по сторонам въезда и внутренним помещением, а второй, расположенный у северо-западного угла цитадели, состоял из небольших ворот, через которые могла проехать повозка, и узкой калитки для пешеходов. Первые ворота были вымощены громадными, неправильной формы, каменными плитами, а вторые булыжником и галечником.

Стены дворца, возведенные с преувеличенным запасом прочности, сложены из крупных сырцовых кирпичей с примесью рубленной соломы (основной размер: 52 х 35 х 14 см.) на цоколе высотою около 2 м., сооруженном из громадных грубообработанных камней. Камни цоколя, уложенные без раствора, были покрыты сверху глиняной обмазкой. Толщина внешней стены достигала 3,5 м., т. е. возводилась в 10 рядов кирпичей, а внутренней—2,1 м., т. е. равнялась 6 рядам кирпичей. В настоящей ра-

боте я не останавливаюсь подробно на архитектуре Кармир-блура, так как этот вопрос является темой специальных исследований архитектора К. Л. Оганесяна.

Здание соответственно строительному материалу имело прямолинейные формы, линия фасада разбивалась контрфорсами, а углы дворца имели массивные башни. Не все части этой громадной постройки были одновременными и раскопки будущих лет несомненно выявят хронологическое соотношение его отдельных частей.

В некоторых помещениях средней части холма высота их стен достигает 7 м., что дает нам право считать первоначальную высоту помещений, превышающей 10 м. Помещения, как правило, имели удлиненную форму, достигая иногда 30 м. длины, по ширине редко более 4 м., что определялось системой их перекрытия. Потолочные перекрытия были плоскими и для них использовались балки сосны, тополя, дуба и редко бука (определения А. А. Яценко-Хмелевского). На основании материала из раскопок К. Л. Оганесяну удалось установить две системы древнего перекрытия, доживающие в Армении до наших дней. Потолок первого типа состоял из стесанных с одной стороны балок, плотно положенных друг подле друга, поверх которых укладывались слой камыша, затем сучья и еще второй слой камыша; верхняя часть потолка, т. е. поверхность крыши, состояла из плотно утрамбованной земли. Потолок второго типа отличался от первого только тем, что в нем сплошное бревенчатое перекрытие было заменено клеткой из поперечных балок и продольных жердей, через которую был виден нижний слой тростника. Такой потолок устанавливается для помещений, служивших кладовыми.

Пол исследованных помещений, в большинстве случаев, был земляным, утрамбованным. Для нивелировочной засыпки пола брался грунт культурного слоя ранее существовавшего на этом месте поселения и при раскопках пола часто можно встретить обломки глиняных сосудов доурартского периода. В нескольких помещениях (№ 1, 2, 3, 6) были обнаружены полы, сложенные из крупных сырцовых кирпичей, покрытых сверху толстым слоем глины. В помещении № 1 на поверхности слоя глины отчетливо заметны отпечатки пальцев людей, выравнивавших глиняную обмазку пола.

Стены внутренних помещений были покрыты толстым слоем (до 1,5 см.) обмазки, иногда из глины с примесью рубленной соломы, а иногда из хорошо отмученной глины. В последнем случае на поверхности стены прочерчивались контуры кирпичной кладки. Клейма на кирпичах не обнаружены, лишь в одном случае известен один знак, прочерченный пальцем, напоминающий клинописную цифру 6.

Окна устраивались в верхней части стены, под самым перекрытием, как это видно и на ассирийских изображениях урартских зданий (рельеф из дворца Саргона с изображением Мусасира). Помещения располагались на разном уровне, что было связано со склоном холма и смежные комнаты постоянно сообщались друг с другом путем лестницы, сооруженной из сырцового кирпича (помещение № 6) или дерева (помещение

№ 23), а чаще всего пандусом, т. е. земляной наклонной насыпью. Таким образом, дворец имел вид монументального уступчатого здания, его помещения располагались на различном уровне и окна комнат одного уступа выходили на крышу комнат второго уступа. Кроме того, для лучшего освещения центральных комнат устраивались также световые колодцы, т. е. комнаты без потолков, встречающиеся и в ассирийских дворцах.

Раскопанная часть здания, повидимому, была одноэтажной, так как в исследованных помещениях совершенно отсутствуют следы междуэтажных перекрытий, но вполне возможно, что на крыше располагались сооружения более легкой конструкции, павильонного типа. Во всяком случае, на эту мысль наводит целый ряд находок, свидетельствующих об их падении сверху. Центральная часть дворца, как показали раскопки 1949 г., была явно двухэтажной.

В некоторых частях, возможно поясами, здание имело каменный карниз и зубцы, из подобных камней складывались также небольшие по размерам башни. Это вполне соответствует изображениям урартских крепостей и зданий на рельефах во дворце Саргона. Бронзовая модель урартского здания, найденная на Топрак-кале, около Вана, в верхней своей части имеет зубцы, а в крепости на Ванской скале сохранились даже подлинные каменные зубцы с закругленным верхом. Зубцы на Кармир-блуре неизвестны, но отсутствие каких бы то ни было их следов свидетельствует, возможно, о том, что они сооружались так же, как и вся кладка, из сырцового кирпича. Так, верхние части стен города Ашура имели зубцы из сырцового кирпича, но иногда для них применялся и цветной поливной кирпич, голубой с желтой каймой.

На Кармир-блуре в ряде комнат были обнаружены хорошо обтесанные блоки базальта, высотою ок. 52 см., их положение, на полу комнат или в верхней части упавшей, но нерассыпавшейся стены (комната № 4), указывает на то, что эти блоки находились в верхней части здания. Раскопками 1949 г. в одном помещении, примыкавшем к центральной части дворца, обнаружено шесть упавших, но сохранивших расположение камней башен из прекрасно обтесанных блоков базальта. Эти башенки были сложены из трех рядов кладки и имели декоративное значение (рис. 25).

Верхние части внешних стен, сложенных из сырцового кирпича, украшались также базальтовыми, прекрасно обтесанными плитами прямоугольной формы с выступающей рамкой. Две такие плиты были обнаружены лежащими рядом друг подле друга, в верхнем слое помещения № 19.

По своим архитектурным формам здание, раскапываемое на Кармир-блуре, оказывается весьма близким к памятникам древне-восточной, в частности ассирийской архитектуры, отличаясь от последней отсутствием внутренних дворов.

Раскопки 1939—49 гг. исследовали лишь северную часть дворца, возможно, пристроенную во времена урартского царя Русы, сына Аргишти, повидимому, к более раннему зданию. Во всяком случае раскопки пока что открыли нам помещения хозяйственного назначения и кладовые, ис-

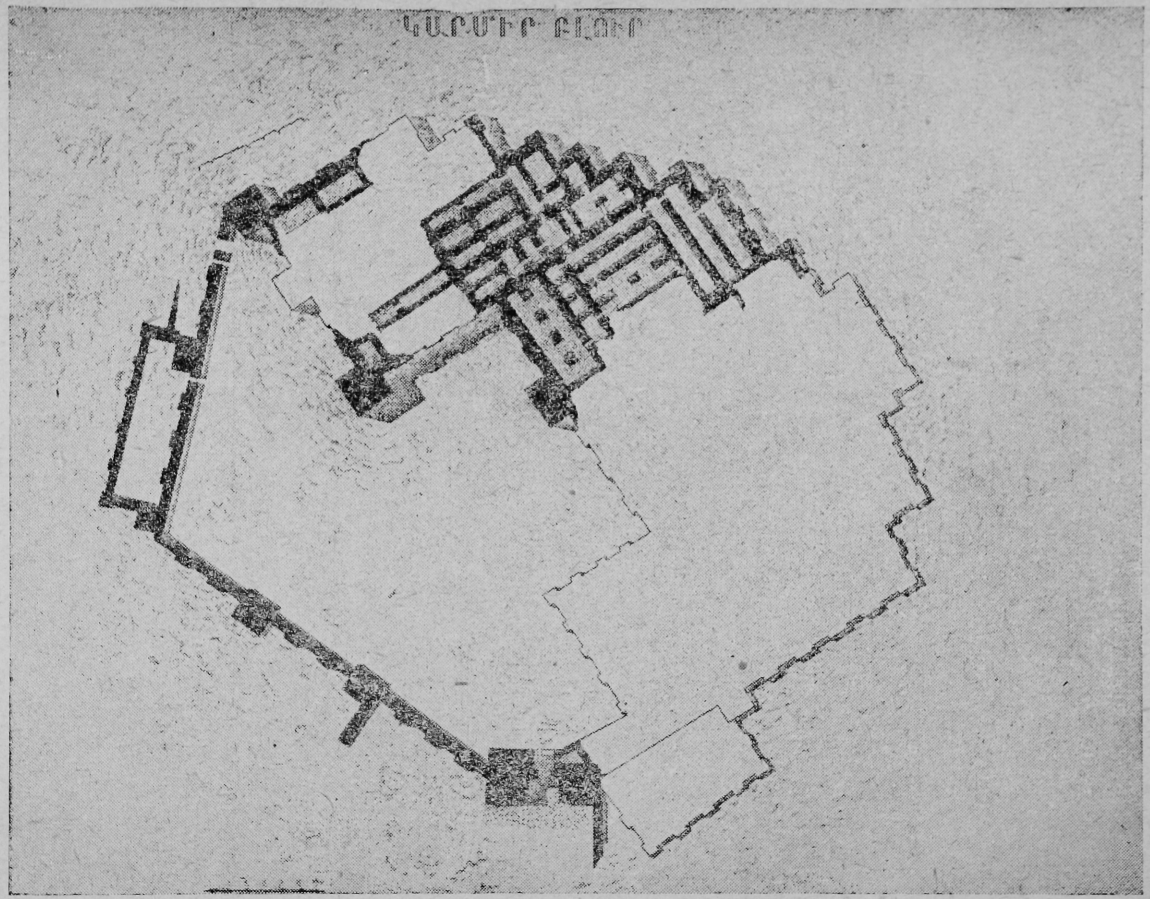

Рис. 25. Общий план цитадели на холме Кармир-блур. 1949 г.

следование центральной части холма несомненно откроет нам комнаты иного назначения.

Помещение № 1 расположено в северо-восточной части дворца по оси СЗ—ЮВ и является последним из трех, связанных друг с другом комнат (дл. 22,5 м., шир. 4,73 м.) (рис. 26). Стены его были покрыты слоем глиняной обмазки с примесью рубленной соломы, а пол сложен из крупных кирпичей квадратной формы. В толще южной стены, на уровне человеческого роста, устроены два слуховых канала, соединяющих помещение № 1 с другим, еще нераскопанным. Кроме обломков глиняных сосудов в этом помещении ничего найдено не было. (Раскопки А. О. Мнацаканяна 1939, 1940).

Помещение № 2 (дл. 30,9 м., шир. 4,10 м.)—большое помещение удлиненной формы (рис. 27). Стены северной половины были покрыты глиняной обмазкой с прочерченными на ней контурами кирпичной кладки, в южной же половине обмазка стен не имела этого приема декоровки. На полу помещения обнаружено большое количество жмыхов кунжута, отходов от производства кунжутного масла, излюбленного растительного масла на древнем Востоке. В зимнее время жмыхи шли на корм скота или как топливо. В северной части комнаты были обнаружены каменные терки и громадная ступка с пестом. На стене около двери в помещении № 3 находился большой бронзовый щит круглой формы, с конической средней частью и широким бортом. Он был найден в сильно разрушенном состоянии, вдавленным в стену внутренней стороной наружу. Кроме того в помещении обнаружено большое количество обломков глиняных сосудов. (Раскопки А. О. Мнацаканяна, 1940, 1947).

Помещение № 3 (дл. 30,9 м., шир. 3,9 м.), непосредственно связанное с предыдущим, было предназначено также для изготовления кунжутного масла (рис. 28). В нем, около западной стенки была установлена крупная ванна, высеченная из одного куска туфа, от которой шел каменный желоб, отводивший отработанную жидкость за пределы крепости, над желобом был устроен слуховой канал. Эта ванна служила для размачивания кунжутных зерен до обработки. Описания кустарного промысла добычи кунжутного масла в Закавказье помогают нам реконструировать древнее производство масла во всех деталях, до того схожи этнографические сведения об этом ремесле с тем, что нам дали раскопки. Количество кунжутных жмыхов и размеры чана-ванны для размачивания зерен свидетельствуют о большом количестве кунжутного масла, добывавшегося в урартском административном центре. В помещении обнаружено также много обломков разбитой глиняной посуды. Среди глиняных изделий из этих трех комнат особый интерес представляет крупный сосуд бомбовидной формы с горлышком и ручкой, украшенной вдавлениями треугольной формы. Туловище сосуда украшено лощеным орнаментом и рельефными поясками. Этот сосуд оказывается весьма близким к сосудам подобного же типа, обнаруженным в других местностях Армении и Нагорного Карабаха (Шайтан-даг, по р. Дебед, курганы побережья оз. Севан, Арчадзор и др.), которые являются образ-

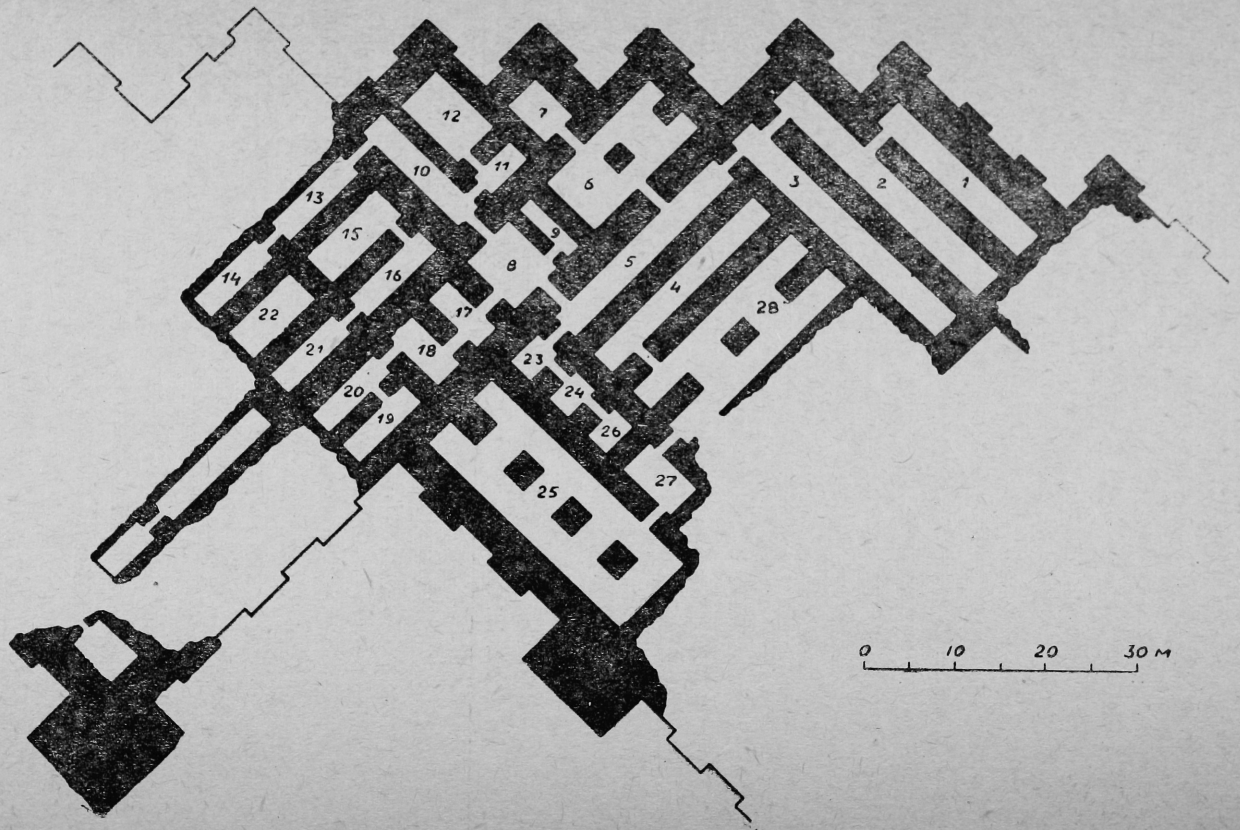

Рис. 26. Раскопанная часть дворца урартского наместника.

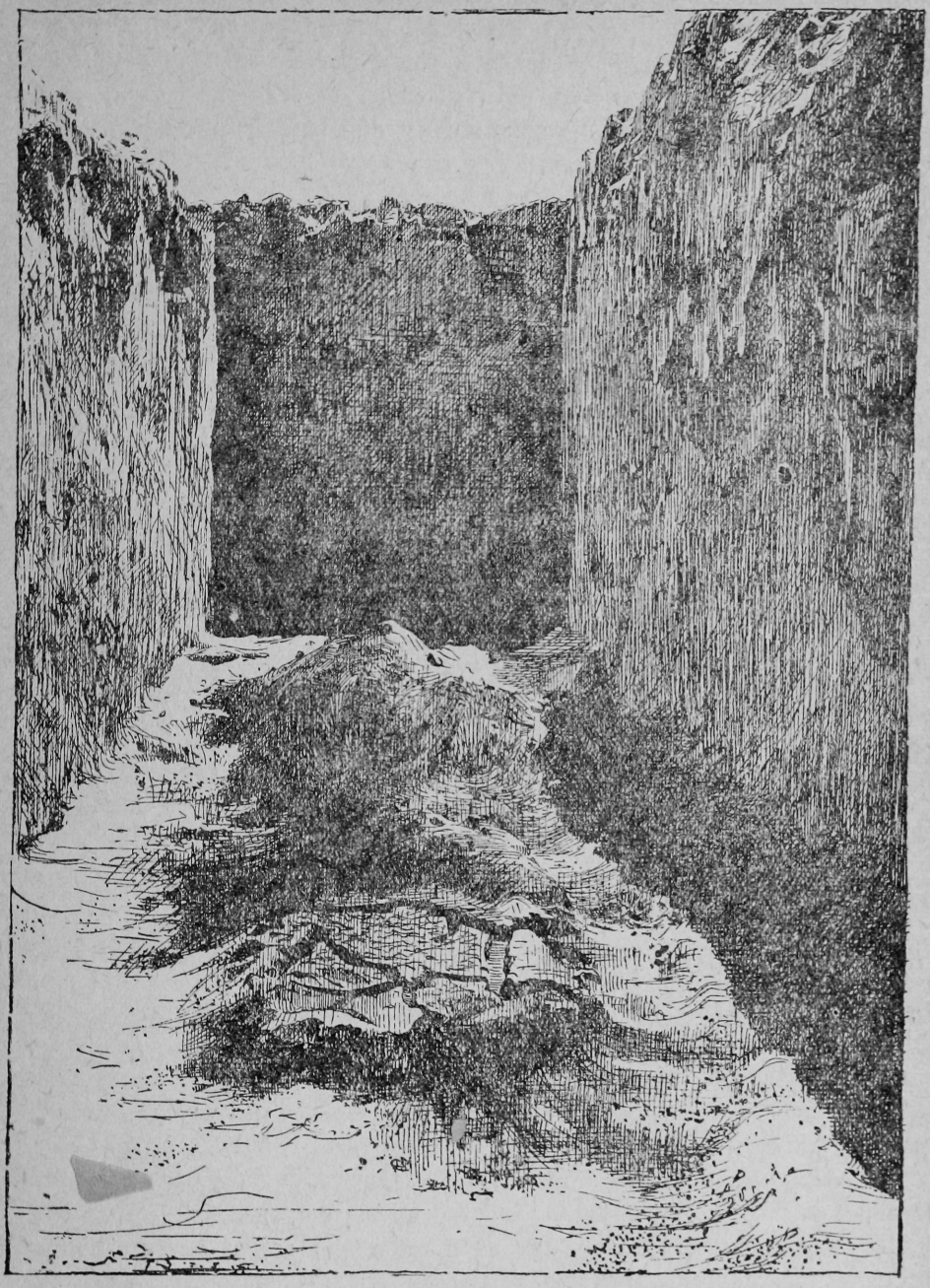

Рис. 27. Помещение № 2 с кунжутными жмыхами на полу.

UNIVERSITY
OF
PENNSYLVANIA
LIBRARIES

цами местной закавказской, высококачественной керамики VII—VI вв. до н. э.

В северной части комнаты, на месте обрушившейся и оползшей стены найден бронзовый декоративный щит с посвятительной надписью богу Халду урартского царя второй четверти VIII в. до н. э. Аргишти, сына Менуи. По форме этот щит оказался близким к тем, которые были найдены на Топрак-кале, около Вана, и отличается от них лишь отсутствием изображений львов и быков. Близки к нему и бронзовые щиты, найденные Лэйярдом в одной из кладовых Куюнджикского дворца.

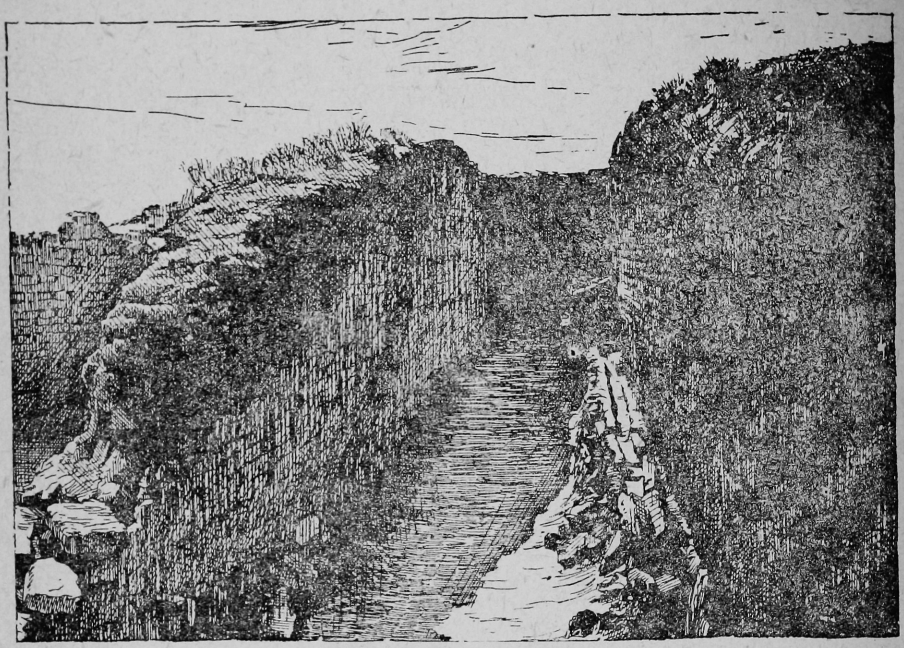

Рис. 28. Помещение № 3 с каменным чаном.

(Раскопки А. О. Мнацаканяна, 1940 и А. А. Арутюняна, 1947).

Помещение № 4 (дл. 27,0 м., шир. 3,6 м.). Длинная комната, расположенная по оси З-В, дверь находится в юго-западной ее части. В восточной половине в центре комнаты находится каменный чан, от которого отходит каменный желоб, выходящий через помещение № 5 и 6 наружу. Около чана обнаружен большой глиняный сосуд, поставленный вверх дном. Во всей этой половине комнаты было очень мало находок, среди которых следует отметить урартскую гиревидную печать, с сильно стертыми изображениями. В западной части комнаты, около узкой стены было обнаружено значительное количество древних предметов. Тут лежали в обломках несколько крупных сосудов для зерна, много совершенно перержавевших железных изделий (вилы, ножи), бронзовый листовой пояс, с двумя продольными лентами, украшенными точечным узором и группа пиленых кусков рога, служивших заготовками для изготовления роговых изделий. Рядом с кусками рогов была обнаружена железная пилка, кото-

рой распиливались куски рогов (рис. 29). Тут же были найдены и предметы, изготовленные из рога—маленькая головка грифона, о которой речь будет ниже, и несколько мелких инкрустаций в виде прорезных ромбиков, капли и кружков. Такой роговой инкрустацией украшались части деревянной мебели. В помещении обнаружено большое количество хорошо обтесанных базальтовых блоков, которые, как будто, находились в верхней части южной стены. (Раскопки Р. М. Джанполадян, 1941, 46 и А. П. Султан-шах, 1948).

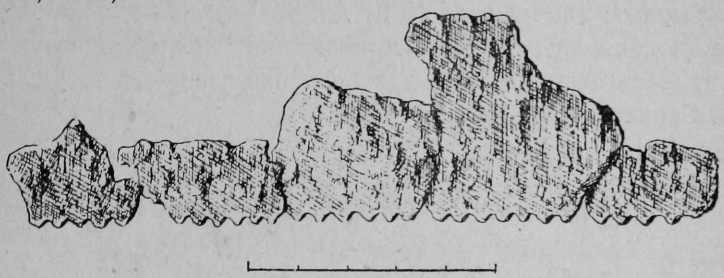

Рис. 29. Железная пила для распилки рогов.

Помещение № 5 представляло собою длинный коридор (длина 27,0 м., шир. 3,6 м.), идущий параллельно помещению № 4 и имеющий четыре двери. Раскопки этого коридора дали целый ряд весьма интерсных предметов. В восточной его части был обнаружен в 1940 г. бронзовый колчан, украшенный 8 полосами с изображениями урартских боевых колесниц и всадников. В средней части была найдена бронзовая статуэтка бога Тейшебы, служившая, повидимому, навершием штандарта, а в западной части оказалось большое количество различных бус, среди которых находились также ассирийские цилиндрические и урартская гиревидная печать.

Только через этот коридор можно было попасть в две группы изолированных помещений, в 1—3 и 6, 7. (Раскопки Р. М. Джанполадян, 1941 и А. П. Султан-Шах, 1946).

Помещение № 6 (дл. 18,1 м., шир. 8,1 м.) расположено ниже уровня пола помещения № 5 и было с ним связано лестницей, сложенной из сырцовых кирпичей, пол комнаты был также выложен кирпичами. В середине комнаты был устроен массивный столб из сырцовых кирпичей на каменном цоколе, служивший для поддержки деревянной кровли. В восточной части помещения находились два маленьких помещения, через которые шел отводной каменный желоб из помещения № 4. У северной стены помещения был устроен каменный чан с каменным желобом, который соединялся с основной системой канализации. Западная часть помещения оказалась засыпанной пшеницей. (Раскопки А. П. Султан-Шах, 1946).

Помещение № 7 (дл. 6,1 м., шир. 4,25 м.). При раскопках 1946 г. в этой комнате было обнаружено шесть обломков нижних частей глиняных карасов с кунжутным зерном. Карасы стояли на слое древнего мусора, в котором обнаружены обломки керамики и мелких бронзовых предме-

тов (бесформенные пластинки, куски обожженной глины). В этом слое мусора оказались также три обломка глиняных табличек с клинописью, являвшихся обломками документов урартского архива. (Раскопки А. И. Погосяна, 1946).

Помещение № 8, 9 (дл. 8,25 м., шир. 6,05 м.) так же, как и № 6, было связано с коридором лестницей из сырцового кирпича или же пандусом (рис. 30). Оно являлось проходным и никаких предметов в помещении найдено не было; в восточной его стене была устроена дверь в маленькую узкую кладовую (помещение № 9) дл. 8,20 м., при ширине 2,05 м. Эта кладовая носила следы чрезвычайно сильного пожара, настолько сильного, что от жара ошлаковались даже черепки глиняных сосудов. (Раскопки С. Х. Саркисяна, 1947).

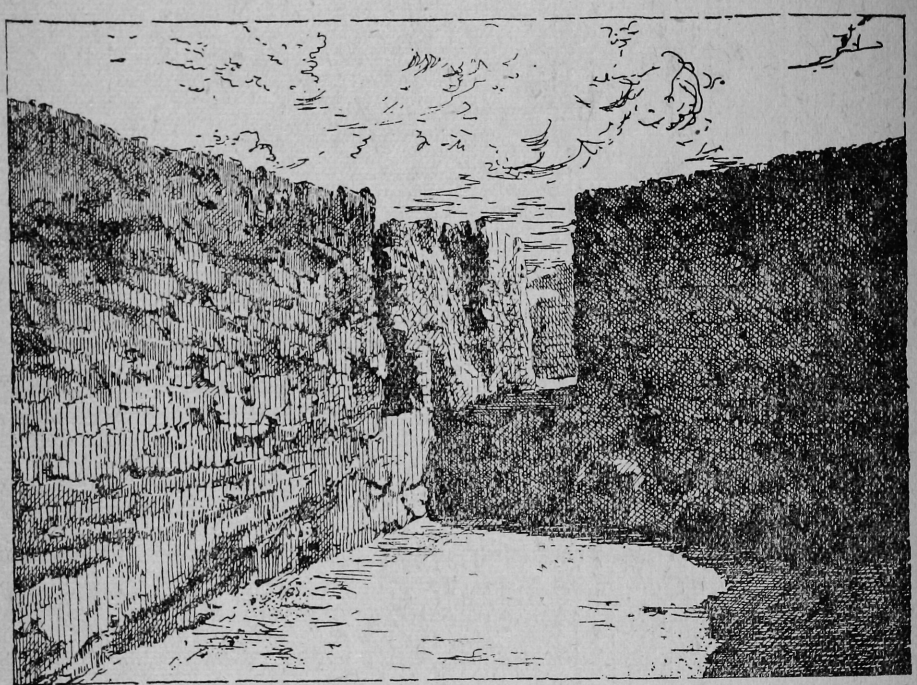

Рис. 30. Общий вид помещения № 8.

Помещение № 10 (дл. 15,0 м., шир. 3,55 м.) примыкало с севера к помещению № 8 и было с ним связано деревянной лестницей или пандусом. При раскопках этой комнаты было найдено большое количество бытовых предметов (сосуды с зерном, ступки, зернотерки, обломки керамики, железные и бронзовые орудия), указывавших на то, что эта кладовая во время осады крепости служила жильем для населения, укрывшегося в цитадели. В северной части помещения обнаружено большое количество железных ножей, железный меч, длиною ок. 50 см., и несколько точильных камней. Тут же в разломанном виде лежал бронзовый шлем, украшенный изображениями божеств перед священными деревьями, боевых урартских колесниц и всадников и имеющий посвятительную клинообразную надпись царя Сардура, сына Аргишти (сер. VIII в. до н. э.). Около

шлема лежала фаянсовая ассирийская цилиндрическая печать с изображением борьбы коленопреклоненного человека с мифическим четвероногим существом с крыльями и человеческой головой. (Раскопки А. П. Султан-Шах, 1947).

Помещение № 11 (дл. 6,25 м., шир. 3,65 м.) было связано дверью с помещением № 10 и в свою очередь имело дверь в изолированную кладовую у северной стены дворца. Около дверного проема была найдена часть бронзового замка (накидная петля) с клинообразной надписью, содержащей имя строителя крепости и название города. (Раскопки А. И. Погосяна, 1946)

Помещение № 12 (дл. 9,35 м., шир. 3,25 м.). Эта кладовая была засыпана пшеницей, сохранившейся сплошным слоем, толщиною 0,25—0,45 м. Общее количество пшеницы, хранившейся в кладовой было примерно около 20.000 литров. М. Г. Туманяну при изучении зерна удалось обнаружить также остатки древних амбарных вредителей—жучков долгоносиков. В южной части помещения, повидимому, на деревянном помосте, лежала группа бронзовых изделий—части мебели (рис. 31), гладкие чаши, фиалы ассирийского типа, браслеты, колокольчики, обломки бронзового пояса. На плохосохранившихся обломках пояса можно было различить часть фигуры бычка, орнаментальный узор и стилизованное изображение священного дерева в картуше. Одно бронзовое ведерко было украшено скульптурными головками бычков, обычного урартского типа, а в гладкой чаше оказались небольшие золотые серьги очень тонкой работы. (Раскопки А. И. Погосяна, 1946).

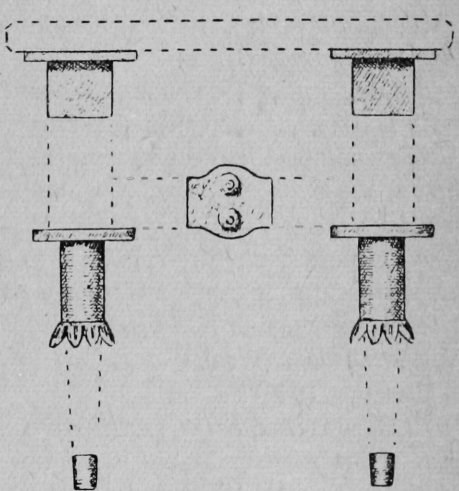

Рис. 31. Бронзовые части табурета из помещения № 12.

Помещение № 13 (дл. 12,05 м., шир. 3,10 м.) примыкает под углом к северо-западной части комнаты № 10, в которой был обнаружен шлем с посвятительной надписью царя Сардура, сына Аргишти. Эта комната, являвшаяся кладовой, также служила во время осады крепости жильем. В ней найдены остатки очагов, бытовая утварь, сосуды с зерном, ступки, зернотерки. В комнате сохранилось большое количество предметов, которые редко встречаются в археологической практике. Найдено несколько деревянных предметов, сосудик, выточенный на токарном станке, рукоятка в виде головки барана и части мебели, украшенные инкрустацией из рога. Инкрустация составлялась из тонких пластинок в виде прорезных ромбов, кружков, капель, треугольников, квадратов, фигур в форме «ласточкиного хвоста» и др. Найдены также обрывки шерстяных тканей и три клубка тонких шерстяных ниток, найдено также пряслице с намотан-

ной на него пряжей, обрывки сетки и веревок. На полу помещения сохранились остатки циновки, сплетенной из травы. Исследование этих замечательных археологических находок еще не закончено.

В комнате найдено громадное количество бронзовых и железных предметов. Бронзовые тарелки (музыкальный инструмент), по форме ничем не отличающиеся от современных, обломки пояса из листовой бронзы, украшенного полосами с точечным узором, бляха с лунницей, фибулы, булавки, браслеты. Из железных предметов следует упомянуть длинный железный меч закавказского типа с бронзовой обоймой рукоятки и бронзовым наконечником ножен, кинжалы, ножи и серпы различной формы (рис. 32), лежавшие группами. Найдено большое количество разнообразных бус: массивных железных, каменных, пастовых и костяных. В качестве бус употреблялись также позвонки мелких рыб. В одном комке ткани сохранилась низка бисерных бус, нанизанных на жилку. Среди бус оказались две урартские печати и одна пастовая бусина скифского происхождения, полушаровидная с рубчиками того типа, который постоянно встречается в архаических скифских погребениях.

Найдена также небольшая, вырезанная из мягкого камня (стеатита) головка льва, служившая, повидимому, навершием какого-то предмета, возможно жезла.

Около дверного проема в соседнюю комнату был обнаружен бронзовый колчан, подобный найденному в 1940 г. в комнате № 5. На нем в восьми полосах также изображены урартские боевые колесницы и всадники, а у верхнего края сохранилась клинообразная надпись, рассказывающая о том, что этот колчан был поднесен богу Халду царем Сардуром, сыном Аргишти (сер. VIII в. до н. э.). Около колчана лежала фаянсовая ассирийская печать в виде цилиндра с изображением сцены охоты.

В помещении № 13 так же, как и в № 10, было найдено большое количество базальтовых, хорошо обтесанных блоков. (Раскопки А. О. Мнацаканяна, 1948).

Помещение № 14 (дл. 10,65 м., шир. 3,70 м.). В этом помещении, расположенном по одной оси с предыдущим, был найден железный светильник—треножник, высотой в 1,45 м. Комната плохо сохранилась ввиду оползания стен. (Раскопки А. О. Мнацаканяна, 1948).

Помещение № 15 (дл. 12,10 м., шир. 4,25 м.) расположена параллельно помещению № 13. Оно служило для производственных целей. Дверь в нее из комнаты № 16 располагалась на значительной высоте от пола. На полу был помещен каменный чан, от которого отходил желоб (через помещение № 13); над этим чаном, повидимому, на деревянной конструкции находилась каменная воронка больших размеров, диам. 0,75 м. Около остатков этого сооружения найдена железная лопатка с длинной рукояткой, имеющей кольцо, и глиняный сосуд, в котором оказались зерна ячменя и фильтр из соломы и сучьев в нижней его части. Нет сомнения, что этот сосуд, имеющий в нижней части своей отверстие, служил для приготовления ячменного пива. В 1940 г. в жилище во дворе дворца был обнаружен подобный же сосуд, но с просом. Пиво из проса также из-

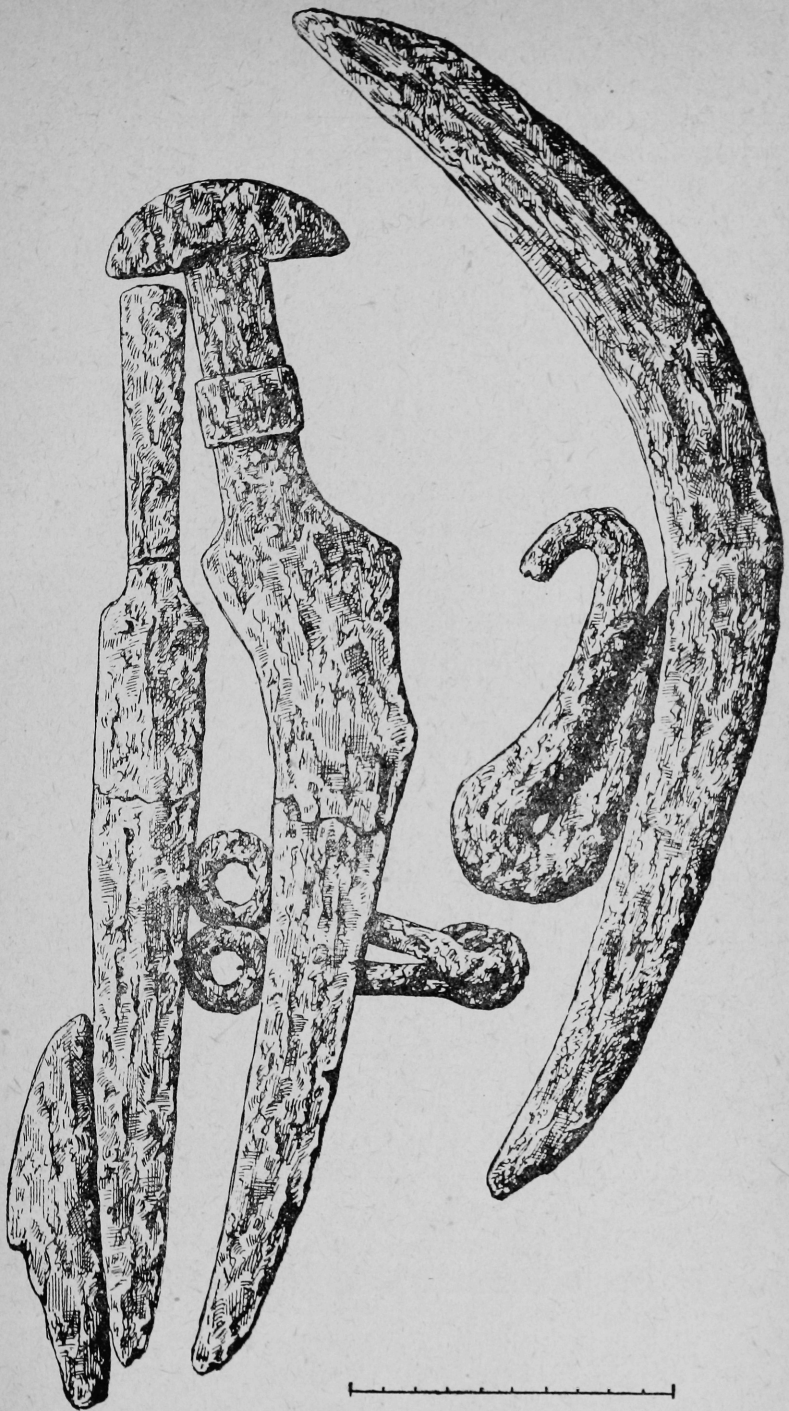

Рис. 32. Группа железных предметов из помещения № 13.

вестно по ассирийским клинописным документам. (Раскопки А. А. Мартиросяна, 1948).

Помещение № 16 (дл. 12,20 м., шир. 3,15 м.), расположенное рядом с предыдущим, носило следы сильного разграбления, по всему полу были разбросаны обломки глиняных сосудов. Среди них удалось собрать ряд высококачественных обломков черного сосуда, украшенного росписью и скульптурными головками быков. Повидимому, в этом роскошном сосуде хранилось пиво, приготовленное в рядом расположенной комнате. В обе эти комнаты можно было попасть только из комнаты № 9, через соседнюю ей комнату № 17. (Раскопки А. П. Султан-Шах, 1947, 48).

Помещение № 17 (дл. 8,25 м., шир. 3,70 м.), расположенное под углом к предыдущему, оказалось пустым, в нем найдена лишь часть железного замка (накидная петля) и несколько звеньев железной цепи. (Раскопки А. И. Погосяна, 1948).

Помещение № 18 (дл. 8,30 м., шир. 4,20 м.), расположенное параллельно предыдущему, дало большое количество разнообразных предметов. В нем был найден бронзовый шлем ассирийского типа, украшенный в нижней части четырьмя выпуклыми полосками (рис. 33). Лобная часть

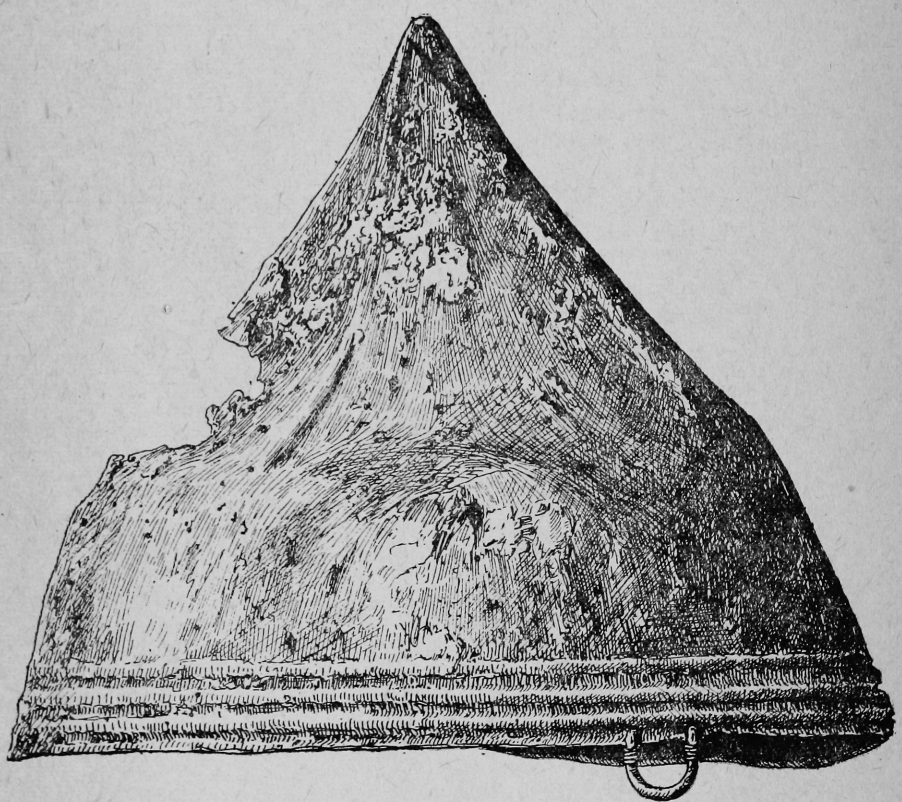

Рис. 33. Бронзовый шлем из помещения № 18.

шлема отмечена одной вертикальной полосой, а на височных частях сохранились два ушка для ремней. В комнате было найдено также много бронзовых и железных предметов: 6 разнообразных бронзовых чаш (рис.

34), два бронзовых диска, две железные вилы (размером в 0,83 м. и 0,54 м.), кинжал, ножи разнообразной формы, серпы и железная часть запора (накидная петля). Из предметов, найденных в этой комнате, особый интерес представляет конский убор скифского типа, состоящий из железных удил, плоских костяных псалий и четырех бронзовых пряжек для ремней в форме птичьего клюва и одной бронзовой пряжки в форме барабанчика с двумя накрест помещенными продольными отверстиями.

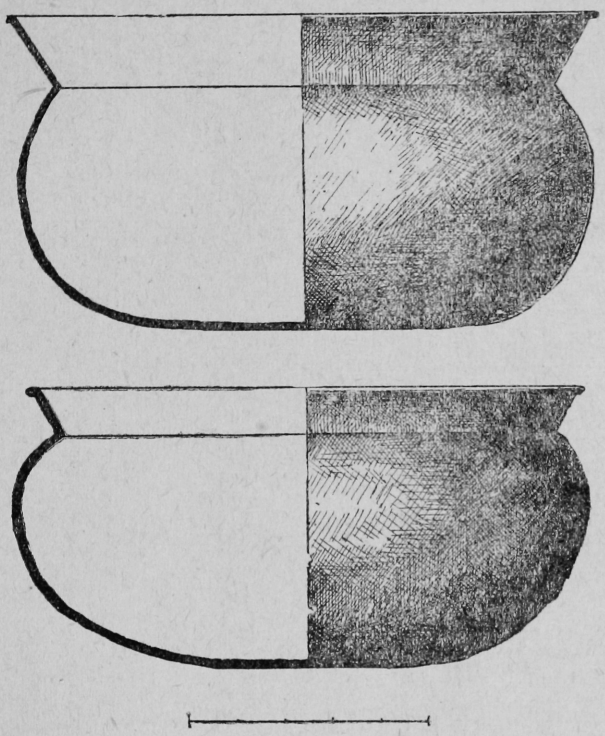

Рис. 34. Бронзовые чаши из помещения № 18.

Среди бус, найденных в этом помещении, оказались две пастовые пронизки овальной формы с египетскими иероглифами. (Раскопки А. А. Мартиросяна, 1948).

Помещения № 19, 20, 21 и 22, расположенные параллельно друг с другом, дали незначительный вещественный материал. В комнате № 19, примыкающей к юго-восточн. углу западного выступа дворца, около двери был найден своеобразный замок, состоящий из массивного стержня в виде буквы «п» и задвижки (рис. 35). В верхней части стержня отверстия для прикрепления печати. Устройство запора может быть реконструировано следующим образом. В деревянной двери просверливаются два отверстия для того, чтобы можно было бы в них задвинуть концы замка, зажав вместе с тем накидную петлю, закрепленную на косяке двери. После этого, через особую щель вырезанную в двери специальным ключом, по размеру точно пригнанным, производилось задвигание и выдвигание задвижки, обеспечивавшей запор.

В рядом расположенном помещении (№ 20) было обнаружено только 4 бронзовых гвоздя рис. 36), типа ассирийских «зигатти». (Раскопки А. И. Погосяна, 1948).

Из коридора № 4, как было уже указано, одна из дверей была устроена в узкой западной стене. Эта дверь оказалась заложенной. Вследствие этого три небольшие по размерам кладовые (№ 23, 24 и 26) оказались изолированными. Этим и объясняется, повидимому, то обстоятельство, что в двух из них (№ 23 и 24) было найдено много интересных предметов.

Рис. 35. Бронзовый замок из помещения № 19.

Рис. 36. Бронзовые гвозди „зигатти“ из помещения № 20.

Помещение № 23 (дл. 5,0 м., шир. 4,0 м.). Около заложенного дверного проема в коридор № 4 были найдены остатки деревянной двери, сколоченной из крупных досок, скрепленных поперечными брусками и деревянными гвоздями (рис. 37). Около двери лежала железная часть запора (накидная петля), а в стену была вставлена балка с отверстием для задвижки. Из комнаты № 23 дверь вела в другую небольшую, некогда также проходную комнату. (Раскопки А. П. Султан-Шах, 1948).

Помещение № 24 (дл. 5,0 м., шир. 3,55 м.). В ней также был найден бронзовый запор от двери (накидная петля). В комнате был обнаружен бронзовый шлем, подобный тому, который был найден в помещении № 18, только на лобной его части вместо одной линии был помещен сложный знак, возможно, символ бога Тейшебы (рис. 38).

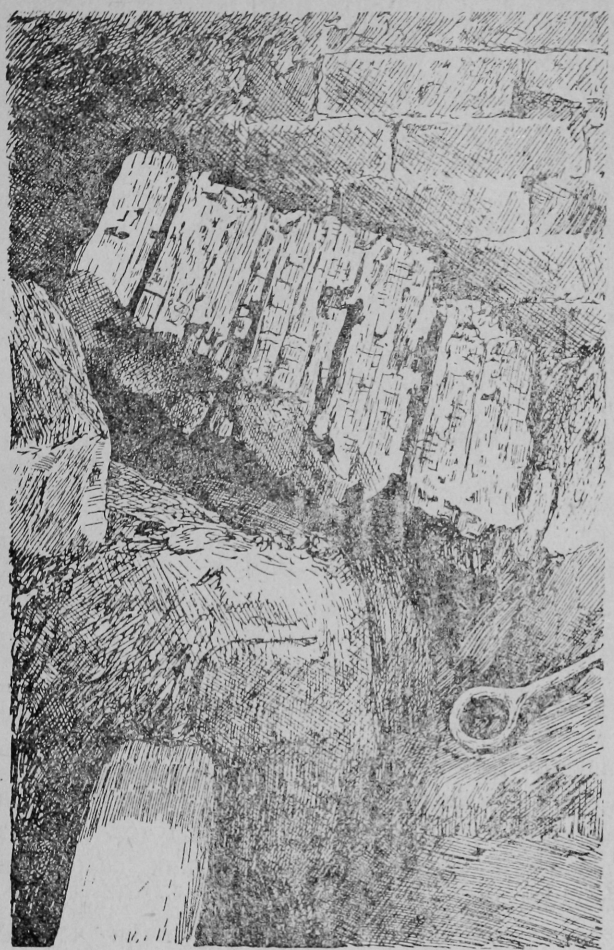

Рис. 37. Остатки деревянной двери в помещении № 23.

На полу комнаты были найдены следующие предметы: резная кость (рукоятки ножей?), хорошо сохранившаяся урартская печать с изображением божеств перед деревом жизни, бронзовые фибулы и два бронзовых наконечника стрел скифского типа, лишний раз свидетельствующих о том, что скифы при жизни крепости были в теснейшем с ней общении. (Раскопки А. П. Султан-Шах, 1948).

Помещение № 25 (дл. 31 м., шир. 10,30 м.). Большая кладовая с тремя столбами в средней части. В 1948 г. она была только начата раскопками. При работах 1949 г. в кладовой обнаружено 82 караса, до полови-

ны врытых в земляной пол. Все карасы имели обозначения емкости, на 20-ти из них—клинописью, а на остальных иероглифами (группами круглых углублений). Емкость дана в мерах акарки и хируси (теруси). В момент гибели крепости карасы, большинство которых предназначалось, по-видимому, для вина, были порожними и лишь некоторые из них были

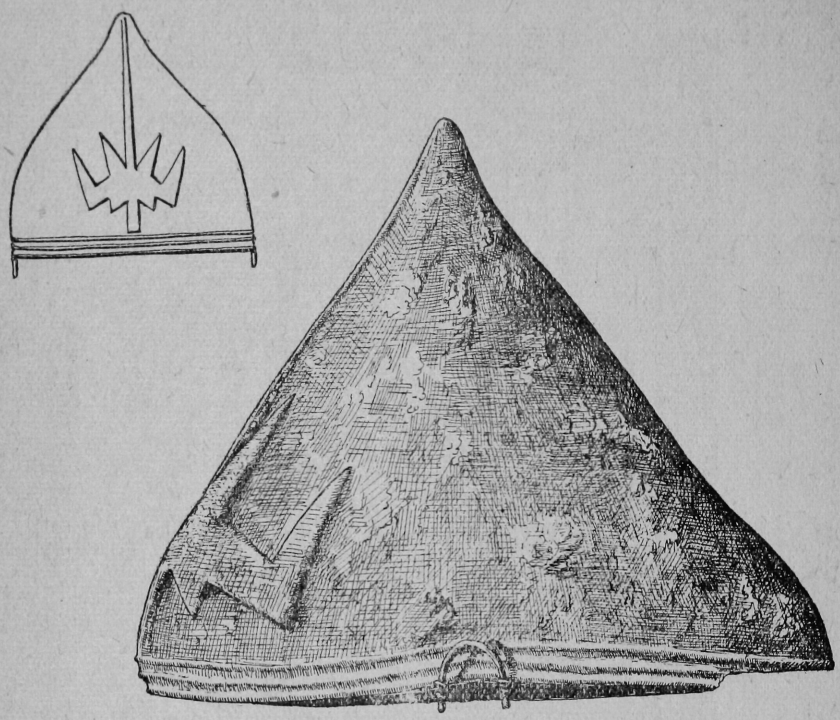

Рис. 38. Бронзовый шлем из помещения № 24.

заняты под пшеницу, ячмень и просо и кунжут. В одном из карасов обнаружено 97 чаш, вложенных одна в другую, что обеспечило удивительную сохранность этих предметов. Чаши изготовлены из бронзы, с большим приплавом олова. Многие из них сохранили не только свой золотистый блеск, но и звон. Все чаши имеют на дне клинообразные надписи, расположенные по кругу, с именами четырех урартских царей Менуи, Аргишти, Сардура и Русы, т. е. царей конца IX—VIII вв. до н. э.

6 чаш царя Менуи имеют надписи об их принадлежности царской крепости или дворцу, из 2 чаш царя Аргишти одна имеет надпись «принадлежащая Аргишти» и два иероглифических знака—голову орла и ромб, а другая надпись, аналогичную надписям на чашах Менуа.

83 чаши имели надписи царя Сардура, 14 с обозначением их принадлежности крепости, а 69 собственности царя. Наконец, 6 чаш относились к царю Руса, из них 5 с обозначением крепости Русы, а 1 с надписью «Русы город малый». На большинстве чаш Сардура и Русы, кроме клинописи, вычеканены еще изображения крепостной башни с деревом на ней и голова льва.

В центральной части кладовой обнаружен глиняный жертвенник со следами сожжения. Около него обнаружены курильница и 5 глиняных статуэток богов (от двух сохранились только подставки) в виде бородатых человеческих фигур с накинутыми на спины рыбьими шкурами. Столбы кладовой были украшены многоцветной росписью, выполненной прямо на глиняной обмазке. Вся роспись обнаружена опавшей, в мелких кусках, она изображала священное дерево с диском над ним и фигурами крылатых божеств около него.

В кладовой найдены также отдельные предметы: железные орудия, глиняные светильники, глиняная воронка и брошенная на пол глиняная подвесная булла с короткой клинообразной надписью и оттисками двух печатей. Раскопки кладовой велись по отдельным участкам А. А. Мартиросяном, З. Касабяном, А. П. Султан-Шах, А. О. Мнацаканяном и Г. Х. Саркисяном.

Материалы из раскопок этой кладовой будут опубликованы отдельным изданием.

Помещение № 26 (дл. 5,0 м., шир. 4,0 м.) связано дверью с помещением № 24. Все оно было заполнено громадным количеством пережженных костей крупного и мелкого рогатого скота, повидимому, остатками от жертвоприношения. В верхних слоях кладовой обнаружены бронзовые части деревянного табурета. Среди них, характерные для урартского искусства бронзовые украшения в виде венца из листьев.

В 1949 г. были начаты раскопками еще два помещения, примыкавшие к центральной части дворца. Одно из них, небольшое по размеру, было связано дверью с кладовой с карасами, другое же расположено рядом с помещением № 4. Широкое помещение имело в средней своей части два контрфорса, отходивших от узких стен и один столб, для поддержки кровли. Около западного контрфорса найдена сильно поврежденная глиняная табличка с клинописью. В этой комнате обнаружены рухнувшие вниз декоративные башенки, сложенные из хорошо отесанных базальтовых блоков. Над южной стеной помещения хорошо видны остатки рухнувших стен верхнего этажа. Кроме отмеченных помещений экспедицией в разное время с разведочной целью было раскопано еще четыре помещения в северо-западной части дворца.

Совершенно очевидно, что раскопки исследовали лишь служебные дворцовые помещения, кладовые и помещения хозяйственного назначения. Раскопки 1949 г. подошли уже вплотную к центральной части дворца, исследование которой несомненно даст еще больший материал, характеризующий урартскую культуру.

ПРЕДМЕТЫ, НАЙДЕННЫЕ ПРИ РАСКОПКАХ

ПРЕДМЕТЫ УРАРТСКОГО ИСКУССТВА

Раскопки Кармир-блура дали целый ряд высококачественных памятников урартского искусства.

Стены внутренних помещений дворца в цитадели украшались бронзовыми предметами, в частности, крупными бронзовыми щитами, диаметром около метра. Два таких щита были найдены в 1940 г. при раскопках помещений северо-восточной части дворца. Первый из них, чрезвычайно плохой сохранности, был обнаружен в помещении № 2, на западной ее стене, около двери, вдавленным в стену, внутренней стороной наружу. Второй щит был открыт в оползне стены в северной части помещения № 3, всего лишь на глубине нескольких сантиметров от поверхности земли. Щиты эти имели сильно выдающуюся вперед среднюю часть и широкий борт с отогнутым вверх краем. На борте второго щита (рис. 39) в

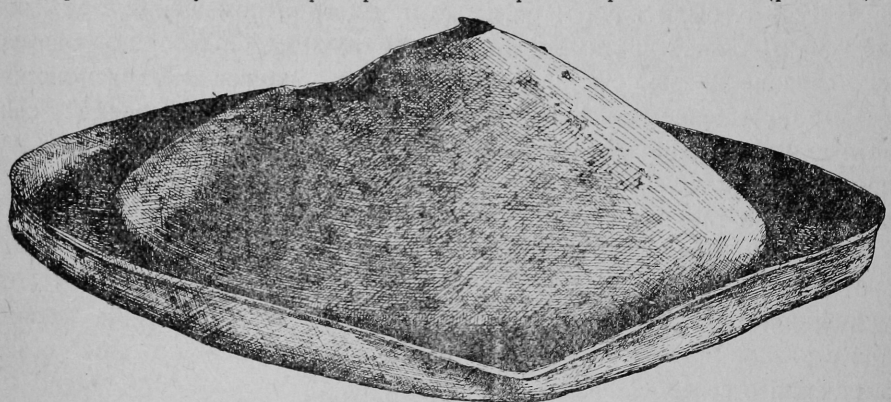

Рис. 39. Бронзовый щит с именем Аргишти, сына Менуи.

двух строках расположена клинообразная надпись следующего содержания: 1) «Из крепости (м. б. арсенала) Аргишти, сына Менуа, этот щит, Аргишти, сын Менуи, царь могучий, царь великий, царь страны Биайны, правитель города Тушпы», 2) «Богу Халду господину этот щит Аргишти, сын Менуа, подарил. Бога Халда величием Аргишти, сын Менуа, царь могучий, царь великий, царь страны Биайны, правитель города Тушпы». Таким образом, надпись свидетельствует, что этот щит относится к посвятительным дарам урартского царя Аргишти, сына Менуа (вторая четверть VIII в. до н. э.). Некоторые затруднения в переводе представляет

начало первой надписи, где имя Аргишти отделено от его отчества словом urišḫusini «оружие», но подобный случай встречается в надписи Ишпуина около Тавризских ворот в Ване. Там имя Ишпуина разделено от его отчества глаголом ali. Повидимому, такая расстановка слов, которую мы встречаем на нашем щите, вызвана желанием мастера имя царя поставить на первом месте. В древнеегипетских теофорных именах иероглиф бога постоянно стоит на первом месте.

Декоративные щиты этого типа из центра Урарту были известны уже давно. Еще в 1880 г. при раскопке О. Рассамом храма на Топрах-кале и позднее, при случайных раскопках были обнаружены обломки щитов с надписями по борту, содержащими имена урартских царей Русы, сына Аргишти и Русы, сына Эримены. Щиты были изготовлены из бронзового листа и украшены фигурами животных—быков и львов, расположенных в концентрических полосах. По всей вероятности, эти щиты украшали наружные и внутренние стены храма на Топрах-кале. Сходство их формы с формой щитов из раскопок на Кармир-блуре полное, причем совпадают даже детали, в частности, наличие трех ручек, одной большой, прикрепленной тремя характерными заклепками, и двух меньших ручек, закрепленных одной заклепкой с каждой стороны.

Урартские щиты известны нам также по рельефам из дворца Саргона и по тексту из Ашура, описывавшего восьмой поход Саргона, направленный против Ванского царства. На одном из рельефов дворца Саргона, имеется изображение разграбления урартского храма в Мусасире—фасад этого храма украшен щитами, по своей форме совершенно тождественными найденным на Топрах-кале и на Кармир-блуре: та же сильно выдающаяся средняя часть и широкий борт. Некоторые из щитов Мусасирского храма имеют еще умбоны в виде голов животных с оскаленными пастями. Текст описания восьмого похода Саргона рассказывает, что в храме бога Халда было взято «шесть щитов золотых, которые в его жилище (т. е. храме) справа и слева были повешены и сверкали ослепительно, из середины которых выступали головы оскаленных собак и которые весили 5 талантов 12 мин красного золота цвета пламени» (строки 370—371). Эти громадные золотые щиты, каждый из которых весил около 6,5 килограмм, имели золотые отлитые умбоны в виде голов собак. Кроме золотых щитов в храме Халда находились также «двенадцать щитов из серебра, на которых головы дракона, льва и тура украшали (диски)» (стр. 379).

Раскопки 1947 г. дали другой выдающийся памятник урартского искусства. В кладовой № 10, около северной наружной стены были обнаружены сложенные в углу кучей железный короткий меч, железные кинжалы и кривые ножи. Рядом с этими предметами лежал раздавленный землею бронзовый шлем, украшенный замечательными чеканными изображениями (рис. 40). Лобная часть шлема (рис. 40а) украшена одиннадцатью священными деревьями, размещенными в двух рядах. Около каждого дерева, по его сторонам стоят боги, в шлемах, украшенных рогами. Одни боги изображены бородатыми с большими крыльями (керубы),

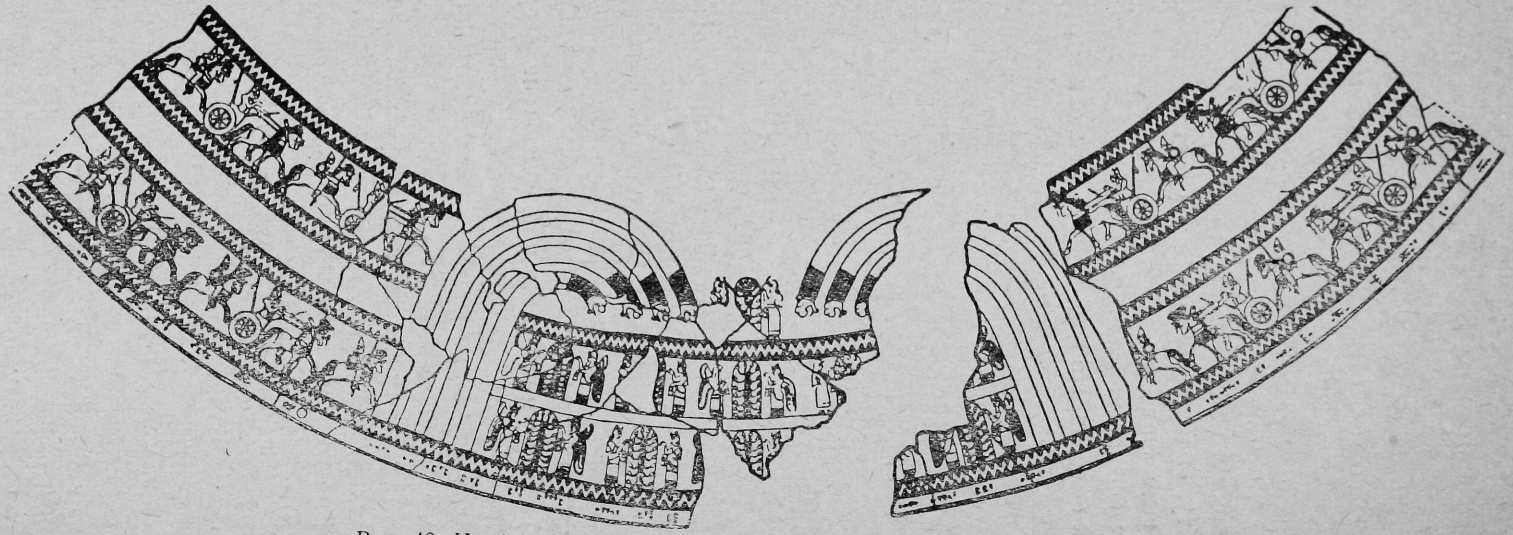

Рис. 40. Изображения на бронзовом шлеме царя Сардура (общий вид).

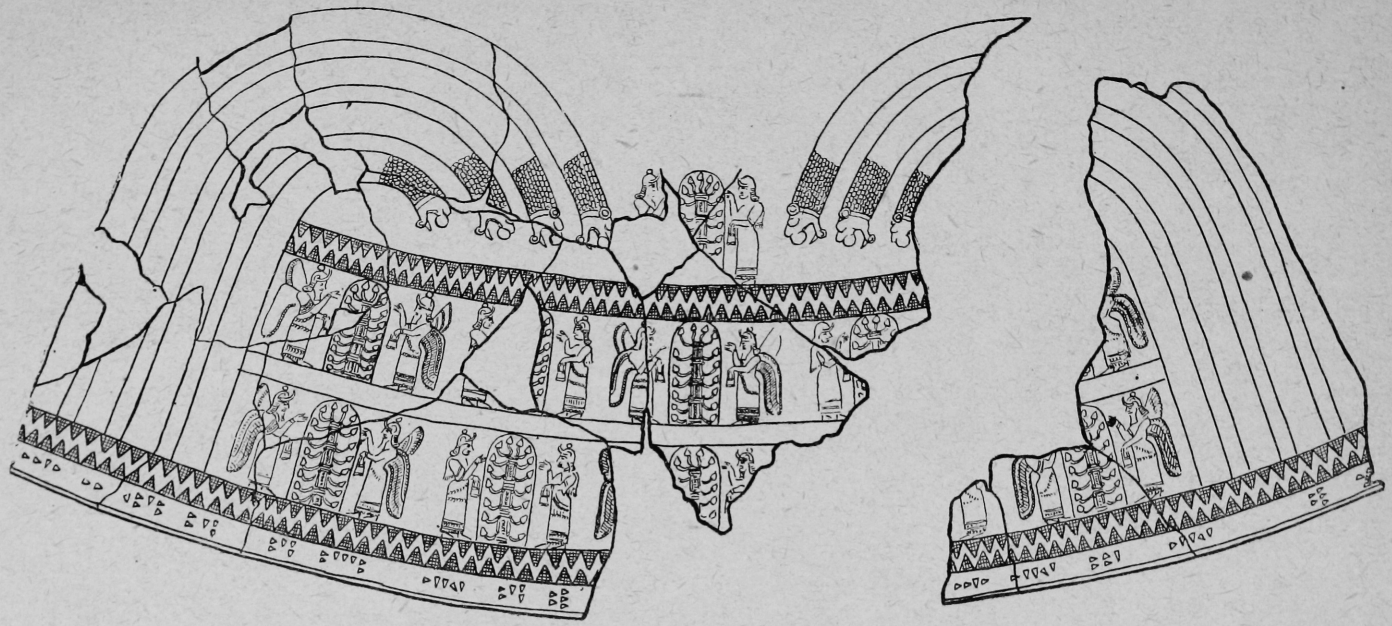

Рис. 40а. Шлем Сардура. Изображения на лобной части.

другие же безбородыми. Сами деревья, обнесенные рамкой, напоминающие стелу с закругленной верхней частью, находят себе полную аналогию в ассирийском искусстве.

Все одиннадцать священных деревьев с двух сторон обрамлены изображениями змей со львиными головами, по четыре с каждой стороны, представлявшими магическую защиту от злых сил. Затылочная и височная части шлема (рис. 40б и 40 в) украшены двумя рядами урарт-

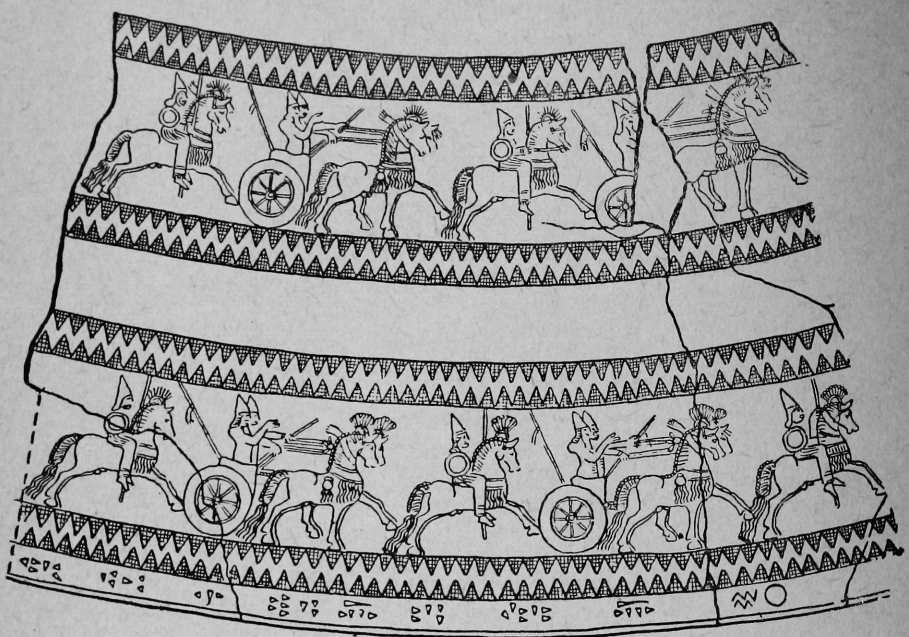

Рис. 40б. Шлем Сардура. Изображения правой половины.

ских боевых колесниц и всадников. Воины имеют шлемы, наподобие того, на котором они изображены, и круглые щиты. Все фигуры украшены тонкой гравировкой. Всего на шлеме помещено десять всадников и восемь колесниц. Колесницы урартского войска до раскопок на Кармир-блуре были известны лишь по упоминаниям в клинописных текстах и по одному, довольно плохой сохранности, оттиску печати, найденному на Топрах-кале. Урартские боевые колесницы, изображенные на шлеме, по своему типу очень близки к ассирийским. Следует также отметить, что бронзовые удила, найденные в помещении №№ 12 в 1940 г., также обнаруживают близкое сходство с ассирийскими образцами из раскопок в Кальху и Ашуре. Колеса урартских колесниц имеют по 8 спиц, облегченный кузов и легкое дышло без массивного скрепления конца дышла с кузовом колесницы. Все эти черты оказываются особенно характерными для ассирийских колесниц второй половины VIII в. до н. э. На колесницах помещено по две фигуры, одна безбородая, кучер, держащий в руках возжи, и кнут, а другая—бородатая, воин, чье копье укреплено на задке колесницы.

Каждая полоса изображений обрамлена двумя лентами, украшенными крупным зигзагообразным орнаментом.

На нижнем крае шлема сохранилась клинообразная надпись: «Богу Халду, владыке, (этот шлем) Сардур, сын Аргишти, подарил жизни ради», говорящая о том, что этот шлем является посвятительным даром урартского царя Сардура (сер. VIII в. до н. э.), ради благополучия. Позади надписи стоят два иероглифических знака, возможно, метка мастера.

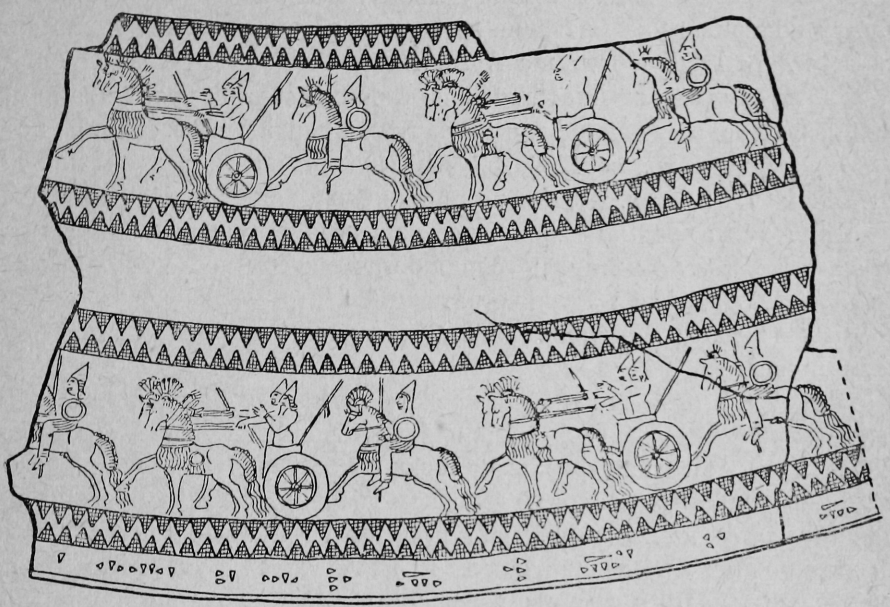

Рис. 40в. Шлем Сардура. Изображения левой половины.

Изображения всадников и колесниц, совершенно сходные с помещенными на шлеме Сардура, имеются еще на двух памятниках из Кармир-блура, на бронзовых, близких друг к другу колчанах, один из которых был обнаружен в 1940 г. неподалеку от бронзового щита с надписью Аргишти, а другой в 1948 г. в дверном проеме из помещения № 13 в помещение № 14; обломки третьего такого же колчана были найдены в 1949 г. в помещении № 25.

Оба колчана представляют собою трубку, длиной около 66 см., изготовленной из согнутой бронзовой пластины. Диаметр трубки около 10 см., в верхней и нижней частях колчана имеются приклепанные кольца для ремня. Как видно по рельефам из дворца Саргона, этот тип ассирийского колчана носился на ремне через одно плечо.

Каждый колчан украшен восемью полосами с фигурами всадников и боевых колесниц. В каждой полосе помещено по три изображения всадников и по два—колесниц, т. е. всего на колчане было двадцать четыре фигуры всадников и 16 колесниц. Так же, как и на шлеме, полосы изображений обрамлены двумя орнаментальными лентами с узором в виде зигзага. Такой орнамент встречен и на обломке бронзовой пластины из сел. Тазагюх, на которой сохранились небольшая часть орнаментального

пояса, ноги, длинное платье и концы крыльев божества, стоявшего, по-видимому, перед священным деревом или шествовавшего за царем (Государственный Исторический музей Армении).

Техника нанесения изображений на эти бронзовые предметы весьма интересна. Пластина отливалась с грубыми контурами фигур, которые затем разделывались чеканом и резцом, так что мелкие детали фигур всегда индивидуальны. На обоих колчанах в верхней части имеются короткие клинообразные надписи: «Богу Халду, владыке мира (этот колчан) Сардур подарил», указывающие на то, что и они относятся к посвятительным дарам Сардура, сына Аргишти.

Таким образом, замечательные по своему качеству урартские памятники искусства, имеющие надписи урартских царей VIII в. до н. э., почти на сто лет старше той постройки Русы, сына Аргишти (вторая четверть и середина VII в. до н. э.), в которой они были найдены. Можно предположить, что эти предметы хранились раньше в Аргиштихинили и были оттуда перенесены в цитадель города бога Тейшебы после того, как первоначальный урартский административный центр в Закавказье потерял свое былое значение. В кладовых Тейшебаини они и хранились до его последних дней.

В 1941 г. в помещении № 5, представляющем собою длинный коридор, идущий поперек здания, была найдена бронзовая статуэтка высотою в 24 см. (рис. 41). Она изображает стоящую безбородую фигуру с ниспадающими на плечи волосами, в головном уборе, украшенном рогами и в длинном платье, имеющем рукава до локтей. Платье украшено характерным для урартского одеяния узором из квадратиков и украшено бахромой в нижней части и у ленты, перекинутой через левое плечо, в правой, вытянутой вдоль тела руке фигура держит дисковидную булаву, а в левой, согнутой и прижатой к груди—боевой топор. Над головным убором находится дополнительная часть в виде барабана, украшенная тремя полосами, заполненными зигзагообразным узором, а под ногами фигуры помещен венец из листьев. В верхней части фигуры имеется массивная петля, а снизу был прикреплен железный стержень для ее насадки на древко.

Уже при первом взгляде не остается никакого сомнения в том, что перед нами характерный образец урартского искусства, что подтверждается и венцом листьев в ее нижней части. Атрибуты статуэтки и головной убор, увенчанный рогами, свидетельствуют о том, что она изображает божество, а именно, бога войны, бури и грома—Тейшебу, того бога, именем которого был назван урартами древний город около Кармир-блура. По стилю эта статуэтка очень близка к группе урартских бронзовых статуэток, частей роскошного трона, изображающих богов и фантастические существа, крылатых львов или быков с человеческими торсами или лицами.

Железный стержень для насадки на древко, сохранившийся в нижней части статуэтки, указывает на то, что она служила навершием штандарта культового значения или же принадлежала знамени урартского военного отряда. Этому не противоречит и массивная петля в верхней ча-

сти фигуры, которая совершенна не носит следов стертости, обязательных в случае, если бы статуэтка за нее подвешивалась Таким образом, можно предположить, что к этой петле привязывались цветные ленты или же что в нее продевался металлический обруч, который был закреплен также и в древке, создавая впечатление дисковидного штандарта, особенно характерного для ассирийских боевых штандартов. Возможно, что и знак

Рис. 41. Бронзовая фигура бога Тейшебы. Навершие штандарта.

Рис. 42. Железный светильник—треножник из помещения № 14.

на шлеме, найденном в помещении № 24, изображающий молнию, отмечал принадлежность воина к тому же отряду бога Тейшебы, которому относится и штандарт, увенчанный фигуркой бога войны.

При раскопках помещения № 14 в 1948 г. был обнаружен еще один замечательный памятник урартского искусства. На полу помещения лежал сильно разрушенный и деформированный железный светильник—треножник (рис. 42). Благодаря умелой работе реставратора Исторического Музея Академии наук Армянской ССР В. Газазяна удалось спасти от гибели этот интересный памятник. Светильник, высотою в 1,45 м., со-

стоит из трех частей: длинного стержня (в 98 см.), заканчивающегося внизу декоративной шишкой, плоской чашки для масла и треножника, высотой в 44 см. Из центра Ванского царства, города Тушпы, известен бронзовый светильник, высотою в 1,36 м., тоже треножник, но только значительно богаче украшенный; стержень, поддерживающий чашку для масла был украшен пятью венцами из листьев. Ножки светильника заканчивались копытами, выходящими из пасти хищников, а в верхней части ножек, около стержня, были помещены три фигурки крылатых бычков с человеческими головами.

Из числа керамических изделий, найденных на Кармир-блуре, особого внимания заслуживает крупный чернолощеный сосуд, украшенный расписным пояском и скульптурными головками бычков. Он был найден в 1948 при раскопках помещения № 16 в мелких кусках, причем его куски были разбросаны по всему помещению и многие из фрагментов отсутствовали вовсе. Реставратору Исторического Музея Армении Г. Аревшатяну удалось все же полностью восстановить форму этого замечательного сосуда (рис. 43). Сосуд, высотою около 50 см., имеет венчик раструбом, диаметром тоже около 50 см., и небольшое дно. Под венчиком сосуда находится рельефный поясок с двуцветной росписью, черной и коричневой по желтоватому фону. Роспись состоит из кружков коричневого цвета с черным кружком посредине, сверху кружки закрашены черной полосой, а снизу их обрамляет коричневая и черная линии. Венчик сосуда также украшен росписью, состоящей из двух рядов, чередующихся прямоугольников, желтого и бурого цвета. Расписной поясок расчленен тремя скульптурными головками, из которых сохранилась только одна головка бычка, высотою около 6 см. Этот замечательный сосуд по своей форме, несомненно, воспроизводит бронзовые сосуды, украшенные головками быков. Образцы таких сосудов известны с территории древнего Ванского царства. На Кармир-блуре в 1946 г. также было найдено бронзовое ведерко, украшенное двумя головками быков (помещение № 12), хорошо моделированная головка быка (рис. 44) выступает с плакетки, имеющей очертание птицы с распростертыми крыльями, которая приклепывалась к бронзовому корпусу ведерка. В верхней части имеется ушко для закрепления ручки, изготовленной из бронзовой проволоки.

УРАРТСКИЕ ПЕЧАТИ

Урартские печати нам хорошо известны как по находкам в центральной части Ванского царства, так и в Закавказье. При раскопках на Топрах-кале (Ван) кроме печатей были обнаружены также оттиски печатей на глине. Они дают нам большой материал по религии и культу Урартского государства. На печатях вырезались священные деревья и стоящие около них божества, ритуалы, связанные с поклонением стелам и священному дереву, помещенному иногда на повозку, мифические существа—крылатые львы с головою драконов и различные символические знаки. Встречались печати с изображением урартского царя, боевой ко-

Рис. 43. Глиняный сосуд из помещения № 16.

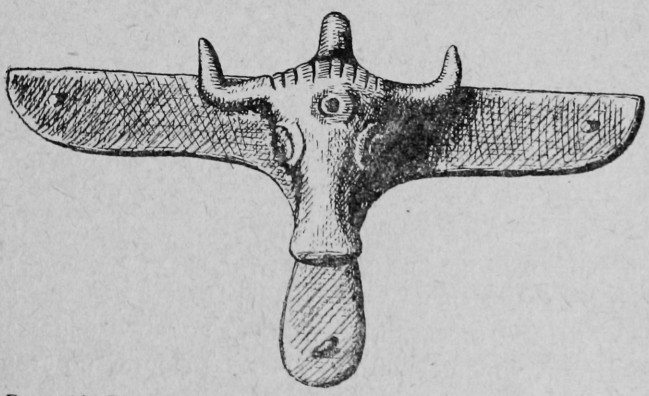

Рис. 44 Бронзовая головка быка. Украшение ведерка.

лесницы, с шествующими музыкантами, иногда изображения сопровождались клинообразными надписями.

Таким образом, урартские печати дают нам интересный материал для изучения культуры Ванского царства.

Наиболее распространенным типом урартских печатей были гиревидные, в виде цилиндра или усеченного конуса с петлей для подвешивания в верхней части. Изображения располагались как на боковой грани, отпечатываемые откаткой, так и на нижней плоскости, отпечатываемые оттиском. Кроме гиревидных печатей известны также конические с отверстием у вершины и изображениями только на нижней части и в виде дисковидной пронизки с изображением на обеих сторонах. Судя по найденным оттискам, можно предположить, что урарты имели также цилиндрические печати, аналогичные ассирийским.

Урартские печати не были еще предметом специального исследования, несмотря на то, что материал для такой работы имеется в достаточном количестве. Шесть печатей (две конические и три в виде гирек) были собраны И. А. Орбели на Топрах-кале и в Хайкаберде, а три печати (две в виде гири и одна дисковидная пронизка) происходят из раскопок урартского могильника у сел. Малаклю, около Игдыра, произведенных в 1914 г. П. Ф. Петровым.

Шесть печатей было найдено в Закавказье. Две из них (коническая и гиревидная) куплены у жителей окрестных Армавирскому холму селений (материалы Н. Я. Марра 1892—1893 гг.), две гиревидные доставлены из цовинарской (келагранской) крепости на южном берегу оз. Севан, одна, дисковидная пронизка с изображениями на обеих сторонах происходит из древнего могильника в Нор-Баязетском районе и одна (обломок гиревидной печати) из раскопок на Муханнат-тепе, в Ереване.

На Кармир-блуре, за время работ 1939—1949 гг. найдено восемнадцать урартских печатей. Большая их часть изготовлена из мягких пород камня, обычно жировика, три печати керамические (в дальнейшем я их иногда условно называю фаянсовыми, разумея под этим термином пасту, пористую керамическую массу, покрывавшуюся глазурью) и одна печать, миниатюрная—бронзовая. Все печати в верхней своей части имеют ушко для подвешивания. Наиболее частой их формой была цилиндрическая или усеченно-коническая, реже встречаются печати четырехгранные и колоколовидные.

Обычно, вследствие чрезвычайной мягкости камня, применявшегося для печатей, сохранность их бывает крайне плохой, причем наибольшей порче подвергались изображения на цилиндрической их поверхности, т. е. те, которые бывают особенно интересными. На Кармир-блуре печатей хорошей сохранности найдено немного, к их числу, в частности, принадлежит та печать, с которой я начинаю описание.

1) Цилиндрическая каменная печать, с ушком в верхней части (выс. 4 см.). Найдена в помещении № 24 (1948). Печать очень хорошей сохранности, на боковой плоскости отчетливо видно изображение священного дерева в очень упрощенной графической форме, по сторонам кото-

рого помещены две крылатые антропоморфные фигуры, одна из которых имеет голову грифона, в руках они держат корзинки для священного плода (рис. 45). Между фигурами, за их спинами, помещена змея, у ног существа с головой грифона рыба, а подле второй фигуры какое-то четвероногое животное с рогами. Перед нами весьма распространенная в искусстве древнего Востока сцена оплодотворения священного дерева, дополненная еще символическими знаками. И на других урартских печатях в виде символов выступают те же фигуры рыбы, козла и змеи. На нижней части печати вырезан крылатый диск, соответствующий ассирийскому знаку бога Ашура, под ним обезглавленная фигура человека и две головы животных. Особенно четкое изображение обезглавленного человека у жертвенника имеется на одной печати из Хайкаберда (Б. Б. Пиотровский, История и культура Урарту, стр. 282).

Рис. 45. Урартская печать с изображением священного дерева.

2) Печать цилиндрическая, с ушком в верхней части выс. 4,2 см). Найдена в помещении № 16 (1947). Черный жировик. Изображения на боковой поверхности совершенно стерты на нижней части вырезан крылатый диск, подобный фигуре предыдущей печати, и под ним фигура животного с гривой на шее. Крылатый диск, взятый урартами из Ассирии, повидимому, стал символом одного из урартских богов.

3) Печать по форме близкая к цилиндрической, с ушком в верхней части (выс. 2,8 см.). Найдена в помещении № 13 (1948). На боковой, несколько вогнутой внутрь, плоскости никаких изображений не заметно. На нижней части вырезана фигура стоящего крылатого грифона с полумесяцем над ним, обычное на урартских печатях изображение (рис. 46).

4) Печать коническая, с ушком в верхней части (выс. 3 см.). Найдена в помещении у северо-западного угла крепости (1948). Камень. На боковой плоскости остатки глубоко врезанных изображений, повидимому, крылатых четвероногих животных. В нижней части вырезана фигура лошади, над ней полумесяц, а вокруг нее мелкие нераспознаваемые знаки (треугольники и углубления). Изображение лошади известно на дисковидной пронизке из Нор-Баязетского района.

5) Печать, по форме близкая к цилиндрической, ушко в верхней ча-

сти отбито (выс. 1,7 см.). Найдена в помещении № 13, вместе с печатью № 3 (1948). Фаянс. На нижней части вырезана небольшая, сильно упрощенная, крылатая фигурка грифона.

6) Печать колоколовидная (выс. 2,5 см.). Найдена в помещении № 5, вместе с бусами и ассирийскими цилиндрическими печатями (1946). Фаянс. На нижней, несколько выпуклой части изображение сильно стилизованной птицы или грифона, над ним полумесяц. Изображение очень характерное для урартских печатей.

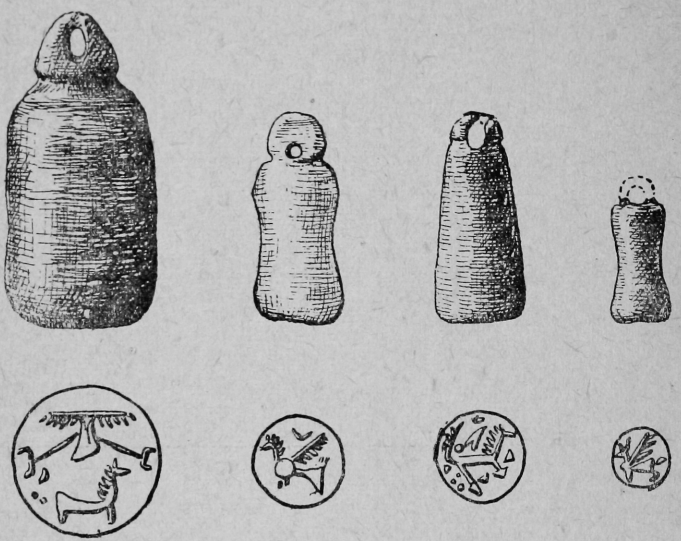

Рис. 46. Урартские печати (слева направо № 2, 3, 4 и 5).

7) Печать каменная, коническая (выс. 2 см.). Найдена в помещении № 25. (1949). На нижней части изображение птицы или грифона.

8) Печать колоколовидная (выс. 1,6 см.). Глина. Найдена в сосуде с просом, стоявшем в жилище, раскопанном у западного фасада дворца, во дворе цитадели (1940). На нижней части вырезана фигура идущей птицы, с веткой во рту, над ней полумесяц (рис. 47). Близкие аналогии к этому изображению имеются на печатях из раскопок на Топрах-кале (Ван). Ушко для подвешивания обломано. Повидимому, печать сломалась при запечатывании запаса зерна, упала в просо и вследствие своего небольшого размера и желтоватого цвета не была найдена (С. Б. Пиотровский, История и культура Урарту, стр. 175—176).

9) Печать каменная, коническая (выс. 2 см.). Найдена в помещении № 25 (1949). На нижней части изображение змеи с собачьей головой, и головы человека и два символических знака.

10) Печать фаянсовая, гиревидная (рис. 1,5 см.). Найдена в помещении № 25 (1949). На нижней части два концентрических зубчатых круга, с точкой посредине.

11 и 12) Печати в виде четырехгранных гирек (выс. 3 и 2,3 см.). Вырезаны из мягкого камня. Найдены в помещении западного выступа двор-

ца, вместе с бусами и бронзовым амулетом-лунницей (1940). На нижней прямоугольной плоскости первой печати изображен лежащий лев и над ним полумесяц, на второй печати фигура лежащего грифона, также с полумесяцем. Изображения на обеих печатях, повидимому, вследствие мягкости камня по стилю несколько отличаются от предыдущих.

13—15) Три печати гиревидные, плохой сохранности. Первая из них, найденная в помещении № 4 (1941) на нижней своей части имеет изображение крылатото диска, на боковой плоскости сохранились еле заметные следы изображения священного дерева. Вторая печать с изображением того же символа божества (крылатый диск) была обнаружена в помещении западного выступа дворца (1945), неподалеку от места находки печатей № 8 и 9 и, возможно, принадлежит к тому же комплексу вещей, хотя по стилю изображений она сильно отличается. Третья печать как худшей сохранности, с обломанным ушком, была найдена в 1947 г. при расчистке главного въезда в цитадель. Изображения на ней совершенно не различимы.

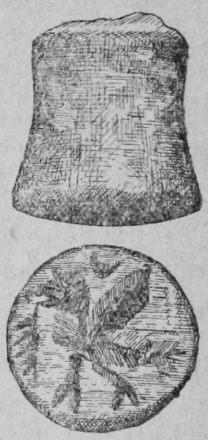

Рис. 47. Урартская керамическая печать.

16) Печать керамическая, дисковидная (диам. 2,3). Найдена в карасе № 62 помещения № 25. На одной стороне изображение жертвенника с деревом, по сторонам которого помещены полумесяц и крест. На другой стороне—изображение животного (лошади?).

17) Бронзовая миниатюрная печатка в виде четырехгранной гирьки (выс. 1,3 см.). Найдена в 1940 г., вместе с приведенными выше печатями (№ 8 и 9). На нижней части небольшое выгравированное изображение четвероногого животного (собаки?).

18) Заготовка для печати в виде гирьки (выс. 2,1 см.). Жировик. Найдена при раскопке квартала города, в одном из жилищ (1948). На нижней плоскости царапины, вероятно случайного происхождения.

Таким образом, из раскопок на Кармир-блуре происходит целый ряд урартских печатей с довольно простыми изображениями. На нижней их части имеется или символ божества в форме крылатого диска (5 штук) или же изображение животных (10 штук) с символическими знаками, обычно, полумесяцем. Печать без изображения, являвшаяся, повидимому, заготовкой, указывает как будто на изготовление печатей в самой древней крепости на Кармир-блуре. Этому не противоречит качество опубликованных печатей.

КЛИНОПИСНЫЕ ТАБЛИЧКИ АРХИВА

Как всякий крупный административный центр древнего Востока, крепость города бога Тейшебы имела свой архив, хранилище документов, отражающих жизнь крепости. В 1946 г. на полу кладовой (№ 7) в северной части дворца в слое древнего мусора найдены три обломка глиняных таб-

личек с клинописью. Они были изучены И. М. Дьяконовым, посвятившим им специальную статью. (Фрагменты клинописных таблеток из раскопок 1946 г. на Кармир-блуре. Эпиграфика Востока, II, 1948, стр. 86). Эта находка представляет исключительный интерес не только вследствие того, что перед нами первые из клинописных табличек, найденные на территории СССР, но и потому, что из урартских памятников этого рода до сих пор были известны лишь две целые таблички и четыре обломка, обнаруженные на Топрах-кале, около Вана.

По определению И. М. Дьяконова кармир-блурские таблички, по палеографии очень близкие к происходящим с Топрах-кале, принадлежат хозяйственному архиву крепости, на что указывает обилие цифр, своеобразное расположение строк и наличие на одной из них оттиска печати.

Первый обломок принадлежал плоской крупного размера табличке. На нем сохранились остатки пяти строк текста с цифрами и идеограммой «человек». Документ этот содержал перечень людей и являлся, повидимому, своего рода «нарядом на работу». Два других обломка с перечнем людей представляются обломками юридических документов с именами свидетелей, скреплявших акт купли или заклада. Предположение о таком значении этих документов подтверждается еще и тем, что на одном из них имеются следы оттиска цилиндрической печати с остатками клинописи. Текст табличек в перечне имен имеет знак словоразделения в виде двух наклонных клинышков. Табличка содержит несколько известных урартских слов, как šuki, ḫini «сын» и глагол zad— делать», таким образом, отнесение этих документов к числу урартских бесспорно. Среди имен встречается имя некоего Иштаги, повидимому жителя города Тейшебаини (вертикальный клин перед этим словом может быть признан именно за детерминатив мужского имени).

В 1949 году была найдена сильно поврежденная табличка с 12 строками клинописи, являющаяся письмом, рассказывающим о присылке ремесленников, а также о приводе лошади и быков. Надо надеяться, что дальнейшие раскопки на Кармир-блуре обнаружат еще целый ряд клинописных табличек, которые дадут нам возможность до деталей узнать жизнь древней крепости и назовут имена ее жителей.

В древних городах и дворцах Ассирии, кроме архивов, состоявших из глиняных табличек, имелись также хранилища папирусов и кожаных свитков с арамейским текстом. Г. Лэйард при раскопке дворца Синахериба в одном помещении нашел большое количество подвесных печатей-булл, оставшихся от сгоревших папирусных документов.

Небольшая и незаметная с первого взгляда случайная находка на Кармир-блуре указывает на существование в городе бога Тейшебы также архива папирусных свитков. Это маленькая (размером около 2 см.) подвесная печать-булла (рис. 48) из битума, найденная около ямы в самой высокой части цитадели, наверху около южного склона холма. На булле различим оттиск печати овальной формы с изображением оленя и человека, держащего оленя одной рукой за рога. Под фигурой оленя, воз-

можно, два знака, означающие горы. Остатки тонкой веревочки, сохранившиеся в битуме, а также отпечаток папируса на нижней стороне буллы указывают на то, что ею скреплялся папирусный свиток. Сравнение этой урартской печати с древнеегипетскими печатями от папирусов только подкрепляет это наше предположение. Вероятно, и текст папируса, который скреплялся найденной на Кармир-блуре буллой, был выполнен арамейским письмом, которое в Закавказье доживает вплоть до появления собственных армянского и грузинского алфавитов. До нас дошли надписи арамейским письмом армянского царя Арташеса I (на побережье оз. Севан) и грузинских правителей—питиашхов из последних раскопок в районе Мцхета (Г. В. Церетели, Армазское письмо и проблема происхождения грузинского алфавита. Эпиграфика Востока, II, 1948, стр. 90). Таким образом, находки на Кармир-блуре обещают дать еще много интересных материалов для изучения древнейшей культуры Закавказья, предшествующей сложению армянского и грузинского государств.

Рис. 48. Булла от свитка папируса.

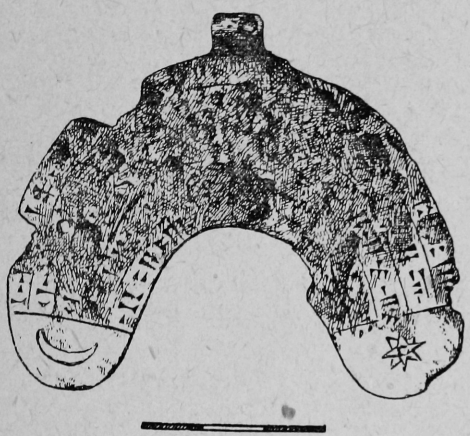

Рис. 49. Бронзовая урартская подвеска с текстом молитвы.

АССИРИЙСКИЕ И ЕГИПЕТСКИЕ ПРЕДМЕТЫ

Обнаруженные при раскопках цитадели предметы характеризуют широкие связи Ванского царства с другими странами Древнего Востока и в первую очередь с Ассирией.

К числу наиболее интересных ассирийских предметов, найденных на Кармир-блуре, относится группа цилиндрических печатей (рис. 50).

1) Фаянсовая печать (выс. 2,6 см.). Найдена в помещении № 5 (1946). На печати изображена фигура человека (бога) с луком в руке, стреляющего в змея, над которым помещен полумесяц. Между фигурами человека и змея сильно стилизованное изображение дерева.

Ассирийское происхождение этой печати не вызывает сомнений. Несколько печатей с совершенно такими же изображениями были найдены в Ашуре (O. Weber, Altorientalische Siegelbilder, II, 1020, № 349) и в Дур-Шаррукине, в дворце Саргона (G. Loud and Ch. Altman, Khorsabad, II, 1938, табл. 57, № 83 и 86), стилизованное дерево также распознается по ассирийским печатям.

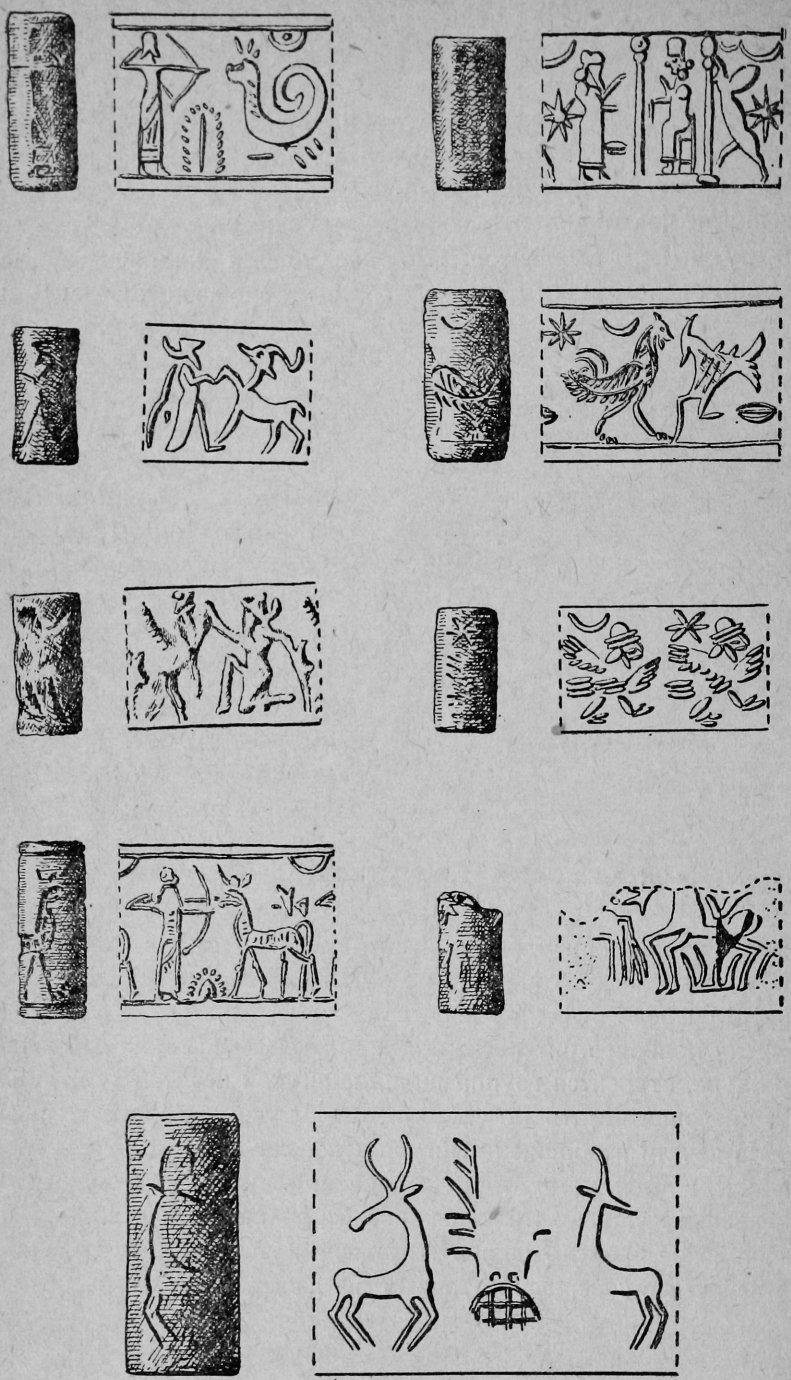

Рис. 50. Ассирийские цилиндрические печати.

2) Фаянсовая печать (выс. 2,2 см.). Найдена в помещении № 5 (1946). На печати изображена борьба человека (бога) с козлом. Подобные изображения часто встречаются на ассирийских печатях (Ашур, Дур-Шаррукин).

3) Фаянсовая печать (выс. 2,2 см.). Найдена в помещении № 10, около шлема царя Сардура (1947). На печати изображена коленопреклоненная человеческая фигура, борющаяся с мифическим четвероногим крылатым существом с человеческой головой. По технике и стилю изображений печать очень близка к предыдущей. Подобная сцена часто встречается на ассирийских цилиндрических печатях (O. Weber, ук. соч., II, № 306 и 354).

4) Фаянсовая печать (выс. 2,7 см.). Найдена в помещении № 13, около бронзового колчана (1948). На печати изображена фигура человека (бога) с луком в руке, стреляющего в стоящее перед ним рогатое животное. Между фигурами сильно стилизованное изображение дерева. Над фигурой животного клинописный знак „bar" —идеограмма бога Нинурты, или же искаженный знак «звезда» или «бог» (на оттиске в зеркальном отражении) и полумесяц. Сцена, часто встречающаяся в ассирийской глиптике (ср. O. Weber ук. соч., II, № 519, подобная же сцена, над козлом изображены звезда и полумесяц).

5) Каменная печать. Халцедон (выс. 2,3 см.). Найдена в помещении № 5 (1945). На печати изображена богиня Иштарь, сидящая на троне между двумя штандартами, перед ней царь или жрец, позади мифическое существо, над которым помещены звезда и полумесяц. По технике и стилю печать напоминает образцы вавилонской глиптики, но не исключено и ассирийское ее происхождение.

6) Керамическая печать (выс. 2,5 см.). Найдена в помещении № 5 (1946). На печати изображен символ бога Эа—фантастическое существо, имеющее переднюю часть туловища козлиную, а заднюю рыбью. Перед ним стоит петух, над которым помещены звезда и полумесяц. На одной печати из Ашура подобные фантастические существа изображены перед храмом бога Эа (W, Andrae. Das wiedererstandene Assur, 1930, рис. 50, стр. 111).

7) Каменная печать, сердолик (выс. 2 см.). Найдена в помещении № 5 (1946). На печати изображены две фигуры идущих птиц, с человеческими головами, над которыми помещены звезда и полумесяц.

8) Каменная печать, сильно разрушенная от огня. Стеатит (выс. 4 см.). Найдена в помещении № 5 (1946). На печати изображены два козла перед деревом.

9) Обломок каменной печати, сильно поврежденной огнем. Стеатит. Найдена в помещении № 5 (1946). Сохранились остатки изображений нижней части печати. Идущая лошадь с жеребенком, под туловищем лошади куст. Сохранность плохая.

Цилиндрические печати, найденные на Кармир-блуре, являются первыми памятниками этого рода, из найденных в Закавказье, если не счи-

тать одну, лишенную сведений, цилиндрическую печать, хранившуюся в свое время в Эчмиадзинском музее, но не поступившую в Государственный Исторический Музей Армении.

Кроме указанных печатей показателями связей Закавказья со странами древнего Востока служат также каменные бусы. Каменные бусы, найденные на Кармир-блуре в громадном количестве и разнообразии, отмечают целый ряд различных центров их происхождения, имея много аналогий в археологическом материале Закавказья, в частности, в могильниках VIII—VI вв. до н. э. (Самтавро, Ворнак, Мингечаур). Большинство бус изготовлено из различных сортов сердолика, числом до семи, и из сардоникса, условно называемого археологами также агатом. Встречаются бусы и подвески из горного хрусталя и стеатита. Г. Г. Леммлейн, изучавший каменные бусы из раскопок на Кармир-блуре, установил, что каждый сорт сердолика соответствует своеобразной форме и технике изготовления бус. (Техника сверления каменных бус из раскопок на Кавказе. Краткие сообщения ИИМК, XVIII, 1947, стр. 22). Из числа сердоликовых («сардовых») и сардониксовых бус выделяются бусы великолепного качества, изготовленные одинаковым способом, сверлением штифтом с двух концов (рис. 51). Сардовые бусы всегда шаровидные, а сардониксовые—боченковидные. Прекрасные образцы подобных бус были обнаружены в 1940 г. в помещении западной части дворца. При раскопке этого помещения были найдены остатки берестяной коробочки или мешочка, в котором хранилось ожерелье, состоящее из разнообразных бус, в том числе крупных сардовых и сардониксовых, происхождение которых пока не ясно (рис. 52). К этому ожерелью относились также три урартские печати и бронзовая подвеска в форме полумесяца с клинописным текстом молитвы.

По технике изготовления и по материалу великолепные сардониксовые бусы тождественны пронизке с именем ассирийского царя Ададнирари, найденной в 1896 г. Э. Реслером при его раскопках в Ходжалы (Нагорный Карабах). Несмотря на это, все же нет полной уверенности в отнесении их к ассирийским изделиям. Определенно к ассирийским изделиям относятся шаровидные сердоликовые бусы светло-розового цвета, сверленные трубкой. Они широко распространены по всей территории Закавказья. Среди большого количества сердоликовых бус из Кармир-блура три бусины выделялись сортом сердолика и особым способом сверления. Эти боченковидные бусы были изготовлены из золотистого сердолика и сверлены алмазом, что устанавливается по строго цилиндрической форме канала. Г. Г. Леммлейн предполагает, что местом их изготовления следует считать Иран или северо-западную Индию.

К числу предметов, попавших в цитадель города бога Тейшебы из Ассирии, следует отнести еще одну сильно поврежденную чашу-фиалу, найденную в 1946 г. среди других бронзовых предметов в помещении № 12. От чаши сохранилась лишь ее часть, сильно помятая, с выпуклыми лепестками центральной розетки и промежуточными лепестками. Кармир-блурскую чашу-фиалу, можно без всяких колебаний сопоставить с теми

Рис. 51. Сердоликовые бусы.

Рис. 52. Агатовые бусы.

формами подобных ей бронзовых сосудов, которые встречаются в VIII—VII вв. в Ассирии и в других странах Передней Азии (Heinz Luschey, Die Phiale, 1939). Бронзовые чаши-фиалы более позднего типа встречаются в закавказских могильниках (Мингечаур, Головино, Пашакенд в Нор-Баязетском районе).

Некоторые предметы, найденные на Кармир-блуре, отмечают **связи Ванского царства с Малой Азией и со Средиземноморьем.** К предметам малоазийского круга относится овальная сердоликовая печать—пронизка (выс. 1,8 см.), найденная в 1946 г. в помещении № 5, вместе с ассирийскими цилиндрическими печатями. На ней изображена фигура козла, со сомкнутыми ногами и закинутой назад головой, выполненная круглыми углублениями (техникой бутероли).

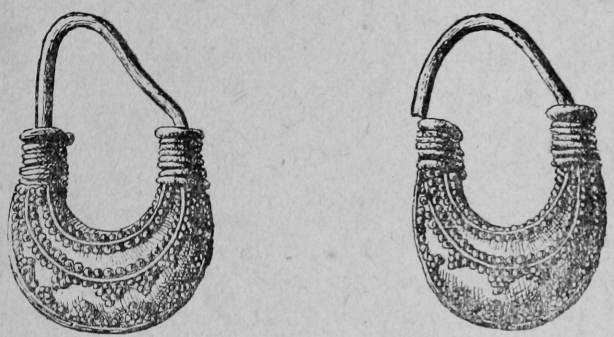

Рис. 53. Золотые серьги.

В том же помещении № 12, где находилась ассирийская бронзовая чаша-фиала, в 1946 г. была найдена пара золотых полых серег в форме калачика, украшенных тонкой зернью, с дужкой из золотой проволоки (рис. 53). Эти серьги были найдены сцепленными друг с другом в бронзовой чаще, среди кучи металлических изделий. По своему типу кармир-блурские серьги весьма замечательны. В более позднее время этот тип серег с аналогичным украшением зернью распространен на очень широкой территории, но в раннее время, в VIII—VII вв. наибольшее число серег в форме калачика с украшением зернью или без таковой мы встречаем именно в Средиземноморье (F. H. Marschall, Catalogue of the Jewellery Greek, Etruscan and Roman. British Museum, 1911). Повидимому, оттуда они распространяются в Переднюю Азию и доходят до Ассирии и Ирана. В жизни древневосточных государств Передней Азии связи со Средиземноморьем имели весьма важное значение, и мы знаем, что Ассирия вела долгую и упорную войну с Ванским царством именно за овладение основными путями средиземноморской торговли.

На Кармир-блуре найдены также **три древнеегипетских предмета,** не считая пастовых бус того же происхождения.

В 1946 г. в помещении № 5, вместе с ассирийскими цилиндрическими печатями была найдена небольшая (около 3 см.) пастовая, покрытая зеленоватой глазурью, подвеска, изображающая богиню Сохмет. Фигурка

плохой сохранности, отбиты ноги и сильно повреждена верхняя часть. Богиня изображена стоящей, в левой, вытянутой руке она держит знак жизни, а в согнутой правой—жезл. Львиная голова богини сильно повреждена, но поза фигуры и ее атрибуты не оставляют никакого сомнения в том, что перед нами статуэтка именно богини Сохмет.

В 1948 г. в помещении № 18, около группы бронзовых чаш, были обнаружены две пастовые пронизки овальной формы, с одной плоской, а другой выпуклой стороной (рис. 54). На плоских сторонах пронизок вырезаны иероглифические знаки. На первой из них четыре иероглифа. Вверху помещен знак „солнце", а ниже три иероглифа, знак „красота" между двумя знаками „правда". Пронизка со знаками, близкими нашей, была найдена в Навкратисе, в Египте (W. M. Flinders Petrie, Naukratis, I, табл. XXXVII, 109).

Рис. 54. Египетские амулеты из помещения № 18

На второй пронизке вырезан знак „золото„ или же изображение жертвенника.

У нас нет полной уверенности в том, что обе эти пронизки были изготовлены в самом Египте, так как многие города Малой Азии выпускали подражания египетским изделиям, которые мы не можем отличить от подлинных. Большое количество таких пронизок, очень близких кармир-блурским, было обнаружено при раскопках города Ашура. Но проникновение в Ванское царство предметов, изготовленных непосредственно в Египте, представляется вполне вероятным. Мы имеем целый ряд находок, указывающих пути проникновения этих изделий; в частности, через Ассирию. Уже давно стала известна группа египетских скарабеев из Арбана, на Хабуре, найденных при раскопках древней ассирийской крепости. Египетские изделия были найдены также во дворцах знаменитых ассирийских царей VIII—VII вв. до н. э. Среди булл от сгоревшего папирусного архива во дворце Синахериба, раскопанного Г. Лэйардом, оказалась одна булла с оттиском печати египетского фараона Шабаки, на которой, кроме имени царя, дано еще его изображение.

Египетские предметы проникали и в Урарту. В Ване И. А. Орбели приобрел скарабей из пасты с остатками бирюзовой глазури, на котором обозначено имя фараона (XXV дин.?) Менхеперра. На территории Армянской ССР также был найден ряд египетских предметов. Из Армавира происходит скарабей с именем того же Менхеперра, а из Ани скарабей с четырьмя трудно различимыми иероглифами. В сел. Пемзашен(Артикского района) была найдена пастовая подвеска в виде сидящего льва.

Египетские предметы находят и за пределами той части Закавказья, которая входила в состав Ванского царства. Они встречаются и в восточном Закавказье, быть может, попадая туда из Ирана (египетские

предметы известны из могильника у тепе Сиалк, около Кашана). В Мингечаурском могильнике, в одном из погребений скифского времени (1946, № 107) вместе с бронзовой чашей-фиалой, был найден египетский амулет в виде глаза «уджа».

В Закавказье египетские предметы доходят до главного Кавказского хребта. В 1940 г. в Раче, у сел. Геби, при раскопках древнего могильника Г. Ф. Гобеджишвили обнаружил 19 египетских скарабеев Навкратийского типа. Находка подобных же предметов по другую сторону хребта, в верховьях реки Чегема (Кабардинская АССР) свидетельствует о том, что они служили предметами междуобщинного обмена, связывавшего Закавказье с Северным Кавказом. Эти связи с Северным Кавказом материал из раскопок на Кармир-блуре также выявляет в четкой, определенной форме.

ГОРОД БОГА ТЕЙШЕБЫ И СКИФЫ

Археологические материалы из раскопок на Кармир-блуре представляют совершенно исключительное значение для изучения вопроса связи скифов с Закавказьем. Мы хорошо знаем, что урартский центр в Закавказье—город бога Тейшебы пал под ударом скифов. Об этом красноречиво свидетельствуют находки большого сравнительно числа бронзовых наконечников стрел скифского типа (рис. 55), сосредоточенные у северо-западных ворот цитадели. Большая часть наконечников стрел была найдена в массиве земли, образовавшемся от обвала сырцовых стен. Таким образом до разрушения стен цитадели, сложенных из сырцового кирпича, они находились в кладке стены. Некоторые из наконечников имеют загибы и обломы на концах, получившиеся от удара об камень, а один из них

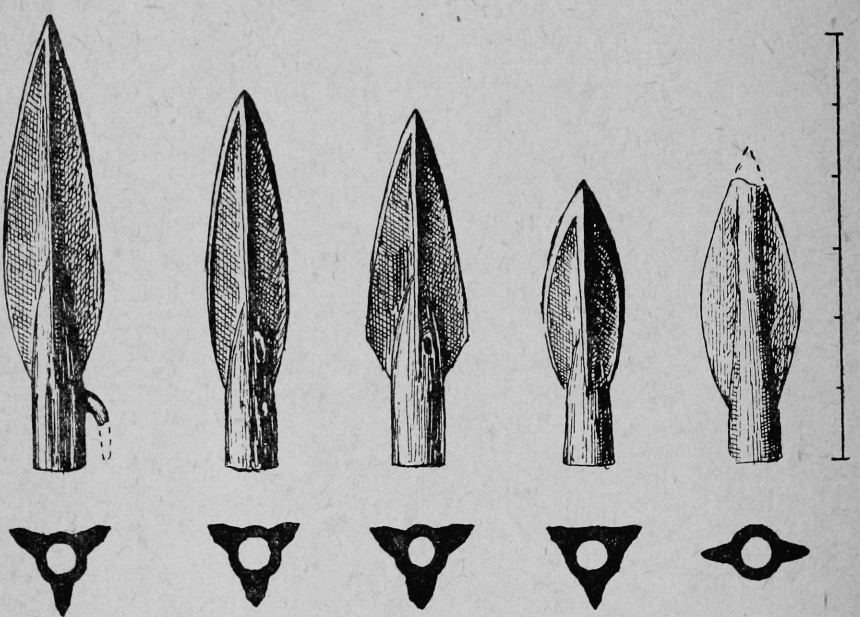

Рис. 55. Бронзовые наконечники скифских стрел.

был обнаружен застрявшим в слое глиняной обмазки, покрывавшей каменный цоколь (рис. 56). Все бронзовые наконечники стрел скифского типа датируются первой четвертью VI в. до н. э. Около 590 г. до н. э. мидяне разрушили город Тушпу, столицу Урарту, повидимому, вскоре после того был положен конец и урартскому владычеству в Закавказье. Город

бога Тейшебы, последний оплот урартской государственной власти в Закавказье был уничтожен скифами, но археологический материал из раскопок на Кармир-блуре говорит и о другом, а именно, о том, что при жизни крепости скифы были теснейшим образом связаны с урартами.

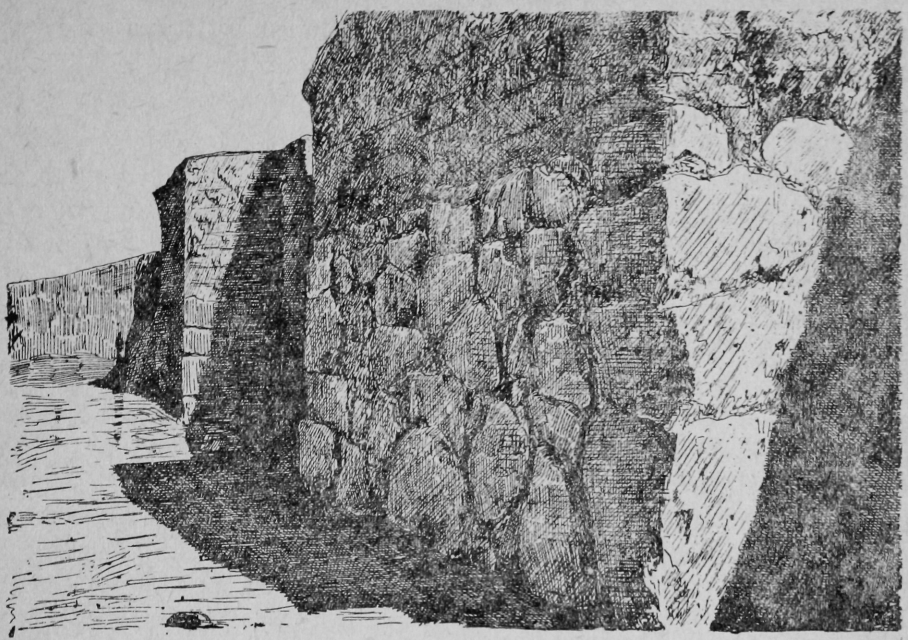

Рис. 56. Стена западного фасада дворца.

Несомненно скифы северного Кавказа в VII в. и в начале VI в. до н. э. значительную часть железа для орудий и оружия получали через Закавказье, а в Закавказье, в раннее время, железо, в свою очередь, доставлялось из Урарту. Нам хорошо известно, что формы закавказских железных изделий теснейшим образом связаны с урартскими. В сказанном можно воочию убедиться, сравнив железные изделия из Тушпы (Топрах-кале) и из города бога Тейшебы с таковыми же, происходящими из Закавказских могильников. Особенно четкую картину в этом отношении дают могильники конца VII и нач. VI вв. до н. э. по реке Дебед, а также группа погребений скифского времени в Самтавро. Правда, Мингечаурский могильник, в нижнем течении р. Куры, указывает, как будто на другой источник железа, повидимому, иранский. Связь начального этапа обработки железа на Кавказе с Ванским царством не подлежит сомнению. Бронзовые изделия Закавказья имеют самобытные, на Кавказе развившиеся формы, а железные первоначально копируют урартские, если не являются привезенными из Ванского царства. Изготовление из железа орудий типа бронзовых Закавказских относится к более позднему времени, преимущественно, к тому, когда на базе местных месторождений железа возникла уже собственная железная металлургия Закавказья.

Археологический материал показывает нам, что вначале железные

предметы поступали в Закавказье из Урарту и лишь позднее, когда железо быстро и широко вошло в быт закавказских племен, железные руды стали интенсивно разрабатываться и бронзовая металлургия должна была уступить свое место железной.

Связи скифов с Закавказьем, даже скифов западного Причерноморья, в конце VII и в начале VI вв. до н. э. прослеживаются по археологическим данным очень четко. До греческой колонизации взаимоотношения племен причерноморских степей со странами древнего Востока осуществлялись не только через северо-западное побережье Черного моря, но и через Кавказ.

Н. Я. Марр уже давно отмечал теснейшие связи скифов с Кавказом и показывал в своих работах, что игнорирование кавказских материалов при разработке вопроса о происхождении и развитии скифской культуры неминуемо приведет к неудаче.

Последние работы, посвященные тем племенам, которые мы уверенно называем «скифами», с очевидностью показывают, что подойти к правильному разрешению «скифской проблемы» можно лишь, изучая древнее общество VIII—VI вв. до н. э. на широкой территории, включая в нее Закавказье и Среднюю Азию.

Связи ранней скифской культуры с древним Востоком и западными частями Малой Азии отчетливо выявляются на замечательных памятниках скифского искусства, происходящих из курганного могильника в станице Келермесской, на Кубани. В этих богатых погребениях вождей скифских племен были найдены скифские изделия из золота и серебра, украшенные изображениями, скопированными с малоазийских и урартских образцов. Два предмета, серебряное зеркало, покрытое листовым золотом и серебряный ритон подробно изучены М. И. Максимовой. По своим формам и технике изготовления они чисто скифские, а изображения, украшающие зеркало и ритон, явно малоазийские и по сюжету и по стилю; центральной фигурой на обоих предметах является крылатая Кибела, усмиряющая двух пантер. Но наряду с малоазийскими изображениями встречаются отдельные, введенные в композицию, фигуры явно скифского стиля, объясняемые тем, что художник вследствие различия по форме скифских и греческих зеркал и ритона не мог точно копировать малоазийские изображения, а принужден был их частично изменять или добавлять.

Из предметов скифского искусства, происходящих из келермесских курганов, с древневосточным, в частности с урартским искуством связаны золотые ножны и рукоятка железного короткого меча акинака. Подобные ножны были найдены еще в 1763 г. в Литом кургане, в Херсонской губернии (Е. М. Придик, Мельгуновский клад 1763 года. Материалы по археологии России № 31, 1911). На ножнах этих акинаков изображены фантастические существа с туловищами быков и львов, с головами львов, баранов, быков, грифонов и людей (последние только на Мельгуновских ножнах), с крыльями в виде рыб. Фигуры с головами хищников на Келермесских и все фигуры на Мельгуновских ножнах держат натяну-

тые луки со стрелами, готовыми к спуску. В верхних частях ножен и на рукоятке Келермесского акинака имеется изображение священных деревьев, с двумя, стоящими по сторонам, крылатыми человеческими фигурами.

Нет сомнения в том, что в основе этих композиций лежат древневосточные изображения священных деревьев, но при копировании вся эта сцена подверглась стилизации и искажению. В частности, само священное дерево превратилось в орнаментальный мотив и по бокам этого сильно стилизованного и мало понятного священного дерева помещены изображения двух других деревьев. Уже давно высказывалось мнение, что в основе этих композиций лежат образцы урартского и закавказского искусства (Б. Б. Пиотровский, История и культура Урарту. 1944, стр. 312).

В 1904 году, близ сел. Заким, бывш. Ольтинского округа Карсской области, с другими предметами, составлявшими, повидимому, клад, был найден пояс из листовой бронзы, украшенный рисунками, изображающими крылатых коней, львов, быка и человека с луком, а на краю этого пояса было помещено сильно стилизованное священное дерево (рис. 57). При публикации этого клада в отчетах Археологической Комиссии отмечалось, что «вещи примечательны по близкому отношению изображения на поясе к фигурам Мельгуновского клада».

Подобный пояс известен и с территории Армянской ССР. В 1930 г. в могильнике около ст. Ани-Пемза были найдены обломки бронзового пояса с изображениями, очень близкими к тем, которыми украшен пояс из сел. Заким. На краю пояса помещена сильно стилизованная фигура священного дерева, распавшаяся на отдельные части, а на поле пояса изображены бегущие быки, львы, грифон и фантастическое существо с птичьим туловищем и человеческими ногами и головой.

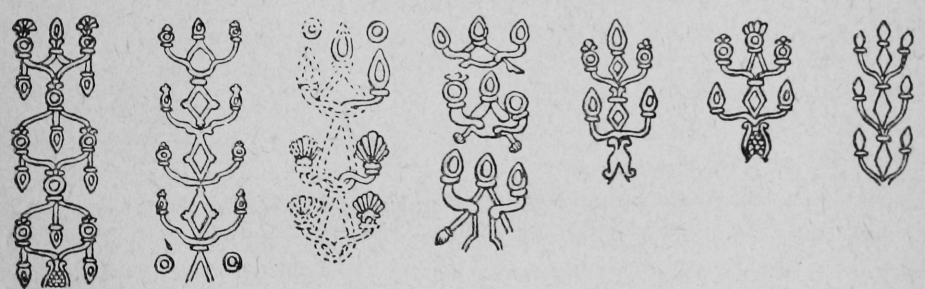

Рис. 57. Изображения священных деревьев на скифских и закавказских предметах.

Полного распада достигло изображение дерева, превратившегося в орнамент, на обломке бронзового пояса из сел. Кушчи на оз. Урмия. (Б. А. Куфтин, Урартский «колумбарий» у подошвы Арарата. Вестник Гос. Музея Грузии, т. XIII—B, 1943).

При раскопках на Кармир-блуре, в 1940 и 1947 гг. были найдены два обломка бронзовых поясов, также имеющих изображения священных деревьев, притом тех именно форм, которые связывают изображения на

скифских памятниках с Закавказскими. Первый обломок был найден в жилище во дворе цитадели у западного фасада здания. На его краю различимо выполненное гравировкой, очень упрощенное, переходящее даже в схему изображение дерева жизни, аналогичное помещенному на поясе из Ани-Пемза, где фигура дерева распалась на три отдельные части.

Второй обломок пояса происходит из той кладовой, где были найдены золотые серьги. Бронзовый пояс был найден в очень разрушенном состоянии, и удалось спасти только отдельные его куски. На них различимы орнаментальные фигуры, часть изображения быка и стилизованное дерево в картуше, обведенном кружками. Это изображение дерева представляет собою несколько упрощенную схему закимского изображения и связывает его с изображениями священных деревьев на Келермесском и Мельгуновском акинаках. Обломки бронзовых поясов из крепости на Кармир-блуре особенно интересны тем, что они имеют твердую датировку.

Изображения священных деревьев на золотых ножнах скифских акинаков весьма характерны: они составлены из двух ярусов поднятых вверх ветвей, соединенных ромбами, на концах этих ветвей имеются плоды двух родов—остроконечные и круглые, с пальметкой в верхней части. Увенчано дерево также плодами того или иного типа.

С этой схемой священного дерева сближается изображение на обломке пояса из Ширака, хранящемся в Госуд. Историческом Музее Армянской ССР. В левой части обломка помещен бегущий грифон, а перед ним дерево, вернее ветвь, увенчанная диском, имеющая поразительное сходство как с изображениями на фрагменте пояса из раскопок на Кармир-блуре, так и с деревьями на золотых скифских ножнах акинаков. С последними пояс из Ширака связывается также орнаментальными элементами, витыми жгутом и пояском из пальметок и остроконечных плодов (рис. 58).

Священное дерево с поднятыми вверх ветвями и с остроконечными плодами часто встречается в изображениях на ассирийских цилиндрических печатях, причем дерево увенчивается еще иногда солнечным диском, как на поясе из Ширака.

Изображения священного дерева в отдельных районах Передней Азии имеют самостоятельные специфические формы (рис. 59). Из всех древневосточных изображений священного дерева наиболее близкими к священным деревьям на разобранных скифских памятниках оказываются фигуры священных деревьев на оттисках урартских печатей, обнаруженных при раскопках на Топрах-кале, в Ване. На одном оттиске имеется изображение дерева со стоящей около него фигурой крылатого грифона. Та же композиция, но в сильном графическом упрощении, имеется на каменной урартской печати, найденной на Кармир-блуре в 1948 г.

Для понимания деревьев жизни и стоящих перед ними человеческих фигур, изображенных на образцах скифского искусства, совершенно исключительное значение имеют изображения на лобной части шлема Сардура, найденного на Кармир-блуре в 1947 г.

Там, в рамке из змей с головами хищников помещено одиннадцать изображений деревьев жизни со стоящими передними фигурами—в одном случае, бородатых керубов, в другом случае безбородых божеств. Детали этих изображений, также как разделка платья на урартских бронзовых

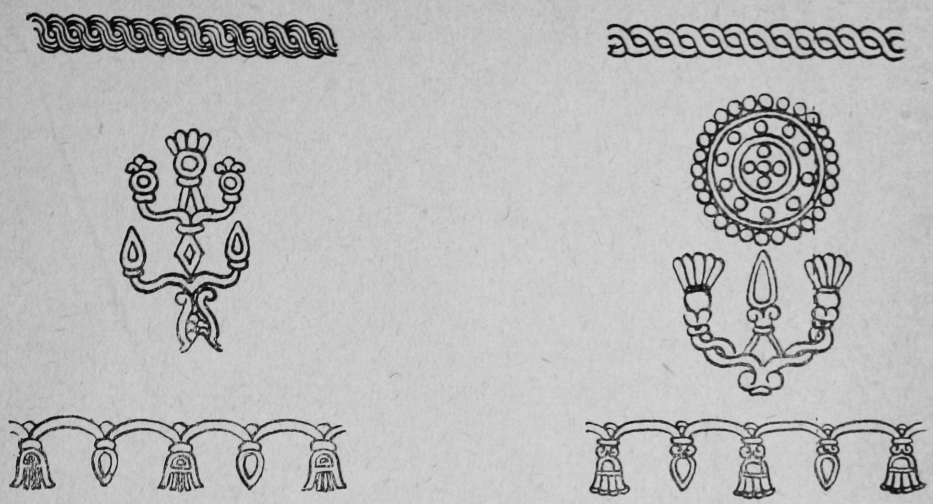

Рис. 58. Орнаментальные мотивы скифских акинаков из Мельгуновского и Келермесского курганов и подобные же мотивы с пояса из Ширака.

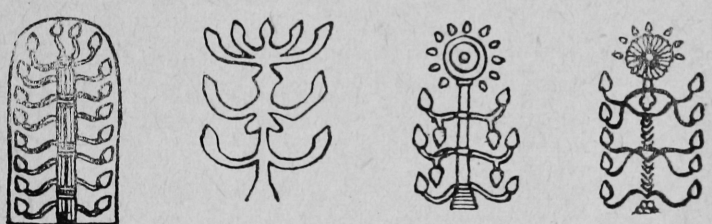

Рис. 59. Изображения священных деревьев на урартских и ассирийских памятниках.

статуэтках в значительной мере объясняют непонятные древневосточные элементы на изображениях, помещенных на скифских акинаках. Так, дерево жизни на шлеме дает ту исходную форму, из которой развились сильно стилизованные дериваты, встречаемые на закавказских памятниках. С другой стороны, фигуры божеств, стоящих по сторонам деревьев помогают понять искаженные детали на скифских памятниках, как, например, головные уборы, ведерко для священного плода, да и значение всей композиции в целом.

На основании сказанного следует предположить, что рассмотренные нами интереснейшие памятники скифского искусства изготовлялись скифами под влиянием и по образцам урартского искусства. Нам становится понятным и тот факт, что боковой выступ ножен акинака, характерный для скифских мечей и отсутствующий у урартских, украшен чисто

скифским орнаментом и изображениями. Такие высокие образцы синкретического искусства, сочетающие в себе древне-восточные, закавказские и скифские элементы, могли создаваться только в тех районах, где влияние древневосточной культуры было особенно сильно, т. е. на Кавказе. Но кроме таких скифских изделий, отражающих на себе влияние древневосточного и закавказского искусства, мы имеем целый ряд данных, свидетельствующих о далеких связях скифов западного Причерноморья через Кавказ с древним Востоком.

В ранне-скифских курганах на Украине были найдены отдельные предметы, проникавшие туда с Кавказа или через Кавказ. Таким путем, видимо, попала ассирийская цилиндрическая печать из халцедона с изображением лошади и эмблемы бога Ашура, обнаруженная в одном из курганов около местечка Смелы, Киевской области. У Канева и сел. Жаботин, также в Киевской области, в курганах начала VI в. до н. э. были найдены сосуды, несомненно кавказского происхождения, склепанные из листовой бронзы с расширенным венчиком и двумя ручками, украшенными в верхней своей части головками хищных животных с поднятыми ушами. Такие же сосуды известны и на Кубани, один из них хранится в Краснодарском музее а в Келермесских курганах были найдены обломки сосуда с ручками в форме головок хищников. Большое количество бронзовых сосудов этого типа известно с территории горного Кавказа, и в настоящее время дополнено бронзовой вазой с подобными ручками из Жемталинского клада в Кабардинской АССР, исследованного Е. И. Крупновым.

К югу от Кавказского хребта бронзовые сосуды с ручками, украшенными головками животных, обнаружены в Лечхуми и около Акстафы, а самым южным местом их находки является урартский могильник около Игдыра, у подножья Арарата. На Кармир-блуре, в помещении № 25 (1949 г.), среди железных предметов оказались обломки подобного же бронзового сосуда с двумя ручками (рис. 60), по технике и по форме совершенно аналогичными приведенным выше. Таким образом, отмеченные предметы отчетливо указывают пути связей Закавказья со степями Украины. Но эти связи не были односторонними. Скифские предметы известны нам из Закавказья и в частности из Кармир-блура.

В 1948 г. в помещении № 18 был найден характерный скифский конский убор (рис. 61), состоящий из железных удил, плоских костяных псалий (трензелей) с тремя отверстиями, украшенных на концах изображениями копыт (противоположные концы, на которых можно было бы ожидать головки животных, к сожалению, не сохранились). К этому же убору относятся четыре бронзовые пряжки в форме птичьих клювов, находившиеся в местах перекрещения ремней. Этот конский убор (рис. 62) совершенно отличен от известных нам урартских, близких к ассирийским, о чем можно судить по образцу бронзовых удил, найденных в 1940 г в помещении № 14. Отмеченный скифский конский убор был найден на полу помещения среди бронзовых сосудов, что совершенно исключает предположение о случайном его попадании внутрь помещения.

Второй убор подобного же скифского облика был найден в 1949 г. в помещении № 25. Он состоял из железных удил, железных же удлиненных псалий архаического скифского типа, трех массивных бронзовых пряжек в форме птичьих клювов и одной в виде головки барана.

Обе указанные находки скифских конских уборов представляют совершенно исключительный интерес, так как они выявляют связи жителей Кармир-блура не только со скифами Кавказа, но и северного Причерноморья.

В 1946 г. в помещении западного выступа дворца был также найден скифский конский убор, состоящий из железных удил, серебряного фалара и пряжек для ремней в форме клюва и трехлопастной свастики. В этом помещении были обнаружены четыре костяка лошадей, упавших вниз с большой высоты, что устанавливается по положению костей. Три лошади не имели никакого убора,—повидимому, их уздечки из кожаных ремней не сохранились. Четвертая же лошадь имела отмеченный скифский конский убор. В данном случае не исключена возможность, что эта четвертая лошадь принадлежала скифам, штурмовавшим крепость, и что, потеряв своего седока, она присоединилась к животным, метавшимся по горевшей крыше цитадели.

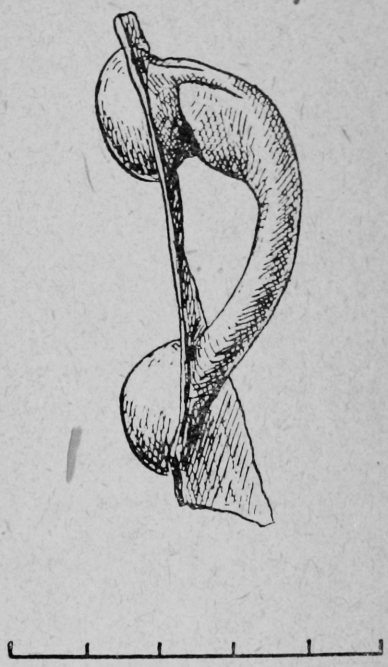

Рис. 60. Ручка бронзового сосуда (помещение 25).

В основном культурном слое Кармир-блура урартского времени мы имеем целый ряд скифских предметов, свидетельствующих о связях урартов со скифами. В 1948 г. в комнате № 24, в основном слое, были обнаружены два бронзовых наконечника стрел скифского типа (рис. 63), подобные тем, которые были найдены у северо-западных ворот и принадлежали скифам, штурмовавшим цитадель. Таким образом, в урартской крепости, наряду с железными черепковыми урартскими и бронзовыми закавказскими наконечниками стрел, бытовали также бронзовые скифские.

Среди громадного количества бус, найденных в цитадели, одна бусина оказалась несомненно скифского происхождения. Это пастовая, с зеленой глазурью, полушаровидная бусина, украшенная рубцами. Такие бусины особенно характерны для скифских курганов, они встречаются и на северном Кавказе (Моздокский могильник) и на территории Украины (курганы у сел. Смелы).

Особый интерес из числа скифских предметов, обнаруженных на

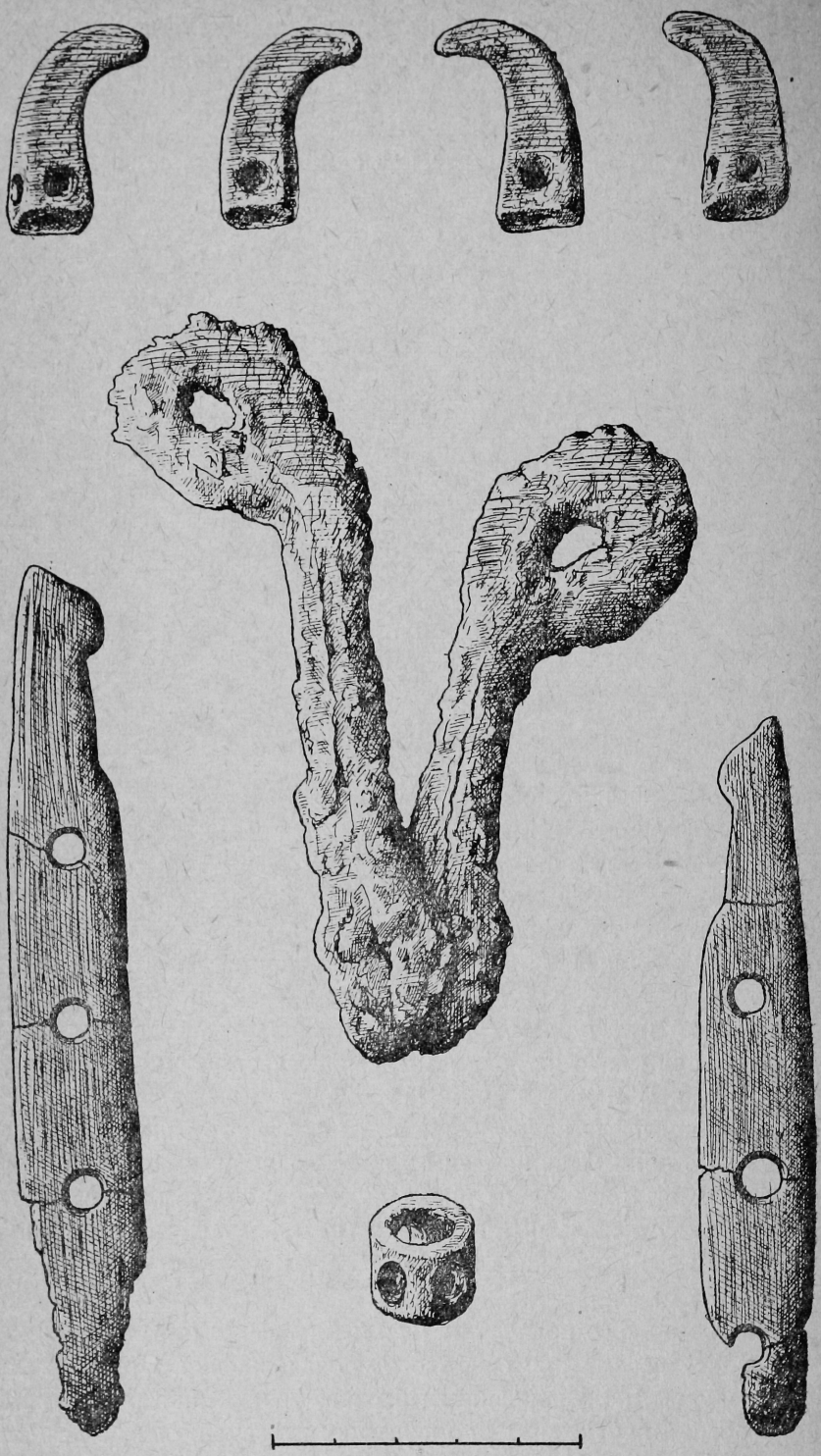

Рис. 61. Предметы скифского конского убора из помещения № 18.

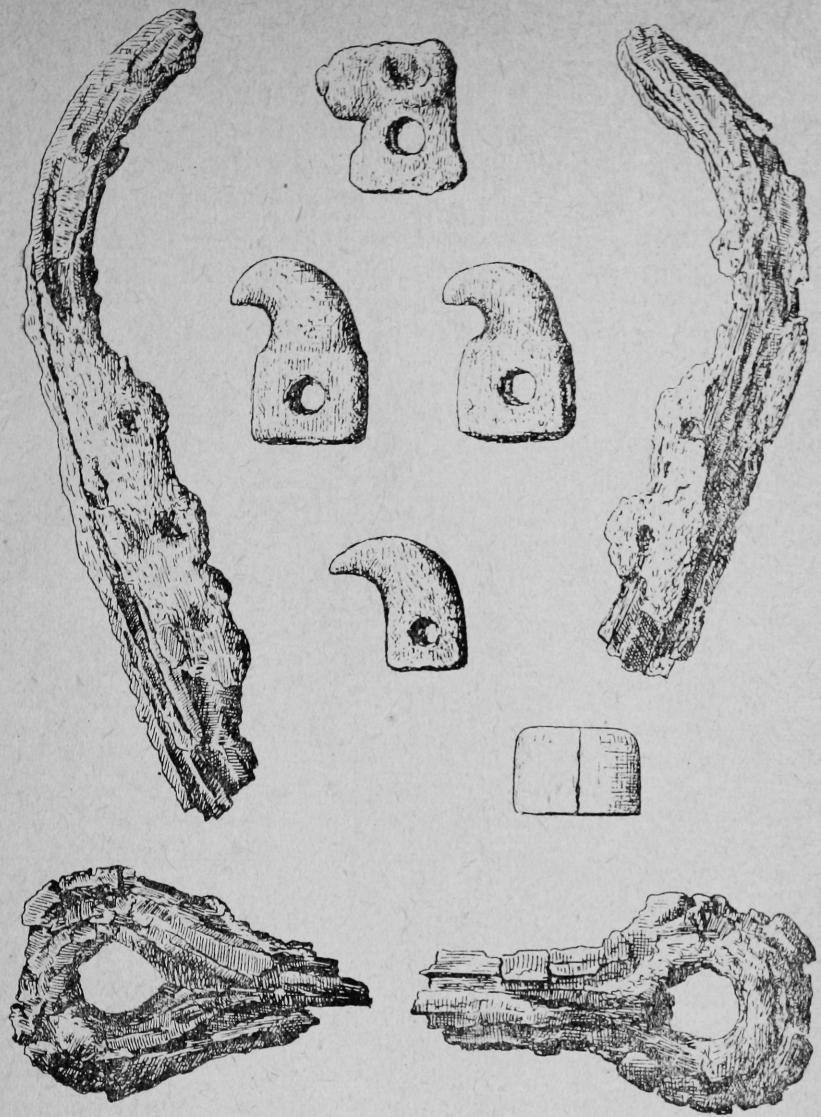

Рис. 62. Предметы скифского конского убора из кладовой с карасами.

Кармир-блуре, представляет роговая головка грифона с бараньими рогами, найденная в комнате привратника у главных ворот цитадели.

При раскопке главных ворот, внутри них, направо от входа, была открыта небольшая комната, сохранившая свою обстановку. В ней было найдено много остатков хозяйственной посуды, каменная чаша, зернотерка и обломки железных предметов. В восточной части, за каменной оградой, хранились запасы проса. У северной стены комнаты находилась невысокая лежанка, сложенная из сырцовых кирпичей. На полу подле нее были обнаружены два больших оленьих рога, принадлежащих двум разным особям. Тут же лежали кусок рога (рукоятка) с продольным отверстием и небольшая головка грифона с бараньими рогами, име-

ющая внизу выступ с отверстием для скрепления этого предмета с другими частями (рис. 64).

Принадлежность этой вещицы к числу образцов скифского искусства очевидна. Ближайшими к ней аналогиями являются роговые предметы из келермесских курганов, раскопанных Н. И. Веселовским, а также бронзовые головки грифонов и целые костяные псалии из курганов, раскопанных около сел. Смелы А. А. Бобринским.

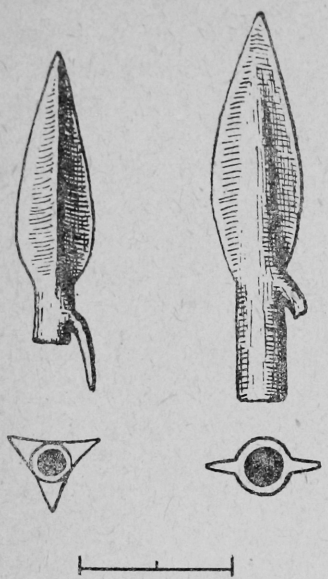

Рис. 63. Скифские бронзовые наконечники стрел из помещения № 24.

Роговая головка грифона из комнаты привратника носит следы потертости от долгого употребления. Назначение

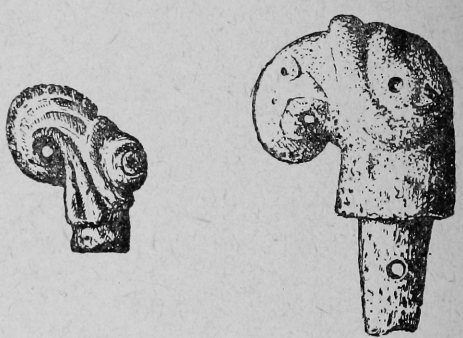

Рис. 64. Головки грифонов, вырезанных из рога (слева из помещения № 4, справа из комнаты внутри ворот).

ее не вполне ясно, но очень вероятно, что она должна была быть использована как модель для резьбы подобной же фигурки из рогов, лежавших подле лежанки.

При раскопках в цитадели Кармир-блура не раз были находимы куски распиленных рогов, предназначенных для мелких роговых поделок. С. К. Далю, изучавшему эти куски рогов, удалось установить и набор инструментов, употреблявшихся при их обработке, и в частности реконструировать пилку. Предположение С. К. Даля было подтверждено находкой железной пилки как раз среди роговых заготовок. Находки в двух помещениях цитадели (№ 4 и 13) позволили установить, что из рогов изготовлялись инкрустации для отделки деревянных предметов (частей мебели). Роговые пластинки для инкрустации имели весьма разнообразную, а иногда и сложную форму, но чаще всего встречаются вставки в виде прорезного ромба, кружка или капли. В комнате № 15, около роговых заготовок, была сделана весьма интересная находка, а именно, головка грифона, отличающаяся от той, которая была найдена в комнате привратника, отсутствием рогов.

Повидимому, образ грифона в скифском искусстве появился под влиянием древневосточного искусства и искусства Малой Азии. В Ассирии и Урарту грифон определенно выступает одним из мифических и ху-

дожественных образов, вероятно, через Закавказье он перешел и к скифам. На скифской почве, в скотоводческом обществе грифон претерпел некоторые формальные изменения, непонятные длинные загнутые уши, характерные для изображения грифона в Средиземноморье, были заменены рогами, таким образом, рогатый грифон стал типичным образцом скифского искусства. На Кармир-блуре оказались оба типа грифонов, безрогий, примыкающий к древневосточным памятникам, и рогатый, безусловно скифский. Весьма интересно то обстоятельство, что первый из указанных предметов, повидимому, был изготовлен в крепости на Кармир-блуре, но и по образцу второго собирались вырезать роговую фигурку.

Вероятно, дальнейшие раскопки города бога Тейшебы выявят нам еще много фактов, свидетельствующих о тесных взаимоотношениях урартов и скифов при жизни урартского административного центра в Закавказье.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Раскопки Кармир-блура далеки от окончания. Перед археологами стоит еще ряд важнейших задач—исследование центральной части дворца наместника, изучение развалин города, могильника, раскопки на территории двора цитадели и разведочные работы в окрестностях Кармир-блура. При выполнении этих задач будет получен новый материал, который позволит сделать много интересных заключений, уточнит наши выводы, изложенные в настоящей книге.

Крепость Тейшебаини на холме Кармир-блур была крупным урартским административным центром в Закавказье, заменившим более древний центр, крепость Аргиштихинили, построенную во второй четверти VIIIв. на северном берегу р. Аракс, на Армавирском холме.

Тейшебаини был городом, куда поступала и где перерабатывалась собранная в Закавказье дань и он является типичным городом древне-восточного рабовладельческого общества, центром ремесла, но еще не торговли.

Раскопки дали уже много материалов, отмечающих связи этого урартского центра с другими странами древнего Востока, особенно с Ассирией, а также со скифами не только Кавказа, но и северного Причерноморья. Тем самым исследование Кармир-блура представляет большой интерес и для древнейшей истории народов СССР.

С падением Тейшебаини, с разрушением его скифами в начале VI в. до н. э., что очень четко представлено материалами наших раскопок, в Закавказье, заканчивается целый этап развития общества, когда значительная часть Армении входила в состав древне-восточного государства Урарту, Ванского царства.

В процессе распадения этого большого государства Передней Азии, на основе слияния народов мелких стран, входивших в состав Урарту, и при освоении культуры одного из крупнейших древне-восточных государств, возникли современные народы Закавказья, армяне и грузины, которые в последних веках до н. э. создали свои государства.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Общий план цитадели и территория древнего города.
2. Обломок камня с надписью урартского царя Русы, сына Аргишти.
3. Часть бронзового запора с надписью царя Русы, сына Аргишти.
4. План жилища у северо-западных ворот цитадели.
5. План жилища у угловой сев.-зап. башни дворца.
6. Общий вид жилища у угловой сев.-зап. башни дворца.
7. Очаг в жилище у западного фасада дворца.
8. Глиняный сосуд для ячменя.
9. Остатки хлеба из просяной муки.
10. Сосуд для приготовления пива.
11. Скелет коровы из помещения № 10.
12. Клубок шерстяных ниток, веретено и обрывки веревок из волокна травы
13. Деревянные изделия из помещения № 13.
14. Урартские сосуды.
15. Грубый сосуд с узором, выполненным гребенчатым штампом.
16. Железные серпы.
17. Железные ножи.
18. Железный кинжал.
19. Железные мечи.
20. Железные изделия, найденные в дворцовых помещениях.
21. Железный наконечник копья.
22. Железные и бронзовые наконечники стрел.
23. Бронзовая фибула.
24. Обломки бронзовых поясов.
25. Общий план цитадели на холме Кармир-блур, 1949 г.
26. Раскопанная часть дворца урартского наместника.
27. Помещение № 2 с кунджутными жмыхами на полу.
28. Помещение № 3 с каменным чаном.
29. Железная пила для распилки рогов.
30. Общий вид помещения № 8.
31. Бронзовые части табурета из помещения № 12.
32. Группа железных предметов из помещения № 13.
33. Бронзовый шлем из помещения № 18.
34. Бронзовые чаши из помещения № 18.
35. Бронзовый замок из помещения № 19.
36. Бронзовые гвозди „зигатти" из помещения № 20.
37. Остатки деревянной двери в помещении № 23.
38. Бронзовый шлем из помещения № 24.
39. Бронзовый щит с именем Аргишти, сына Менуи.
40. Изображения на бронзовом шлеме царя Сардура (общий вид).
40 а. Шлем Сардура. Изображения на лобной части.
40 б. Шлем Сардура. Изображения правой половины.
40 в. Шлем Сардура. Изображения левой половины.
41. Бронзовая фигура бога Тейшебы. Навершие штандарта.
42. Железный светильник—треножник из помещения № 14.
43. Глиняный сосуд из помещения № 16.

44. Бронзовая головка быка. Украшение ведерка.
45. Урартская печать с изображением священного дерева.
46. Урартские печати (слева направо № 2, 3, 4 и 5).
47. Урартская керамическая печать.
48. Булла от свитка папируса.
49. Бронзовая урартская подвеска с текстом молитвы.
50. Ассирийские цилиндрические печати.
51. Сердоликовые бусы.
52. Агатовые бусы.
53. Золотые серьги.
54. Египетские амулеты из помещения № 18.
55. Бронзовые наконечники скифских стрел.
56. Стена западного фасада дворца.
57. Изображения священных деревьев на скифских и закавказских предметах
58. Орнаментальные мотивы скифских акинаков из Мельгуновского и Келермесского курганов и подобные же мотивы с пояса из Ширака.
59. Изображения священных деревьев на урартских и ассирийских памятниках.
60. Ручка бронзового сосуда (помещение 25).
61, Предметы скифского конского убора из помещения № 18.
62. Предметы скифского конского убора из кладовой с карасами.
63. Скифские бронзовые наконечники стрел из помещения № 24.
64. Головки грифонов, вырезанных из рога (слева из помещения № 4, справа из комнаты внутри ворот).

СПИСОК ТАБЛИЦ

1. Общий вид Кармир-блура с севера.
2. Раскопки городского квартала.
3. Раскопки дворца урартского наместника.
4. Помещение в городском квартале.
5. Кладовая во дворце (№ 25).
6. Общий вид кладовой с карасами.
7. Кладовая № 15.
8. Карасы с обозначением емкости клинописью.
9. Металлические чаши с царскими именами.
10. Надпись на одной из чаш.
11. Глиняная табличка с клинописью.
12. Деталь изображения со шлема Сардура.
13. Деталь изображения с колчана Сардура.
14. Колчан Сардура.
15. Колчан Сардура.
16. Роспись в кладовой с карасами.

ТАБЛИЦЫ

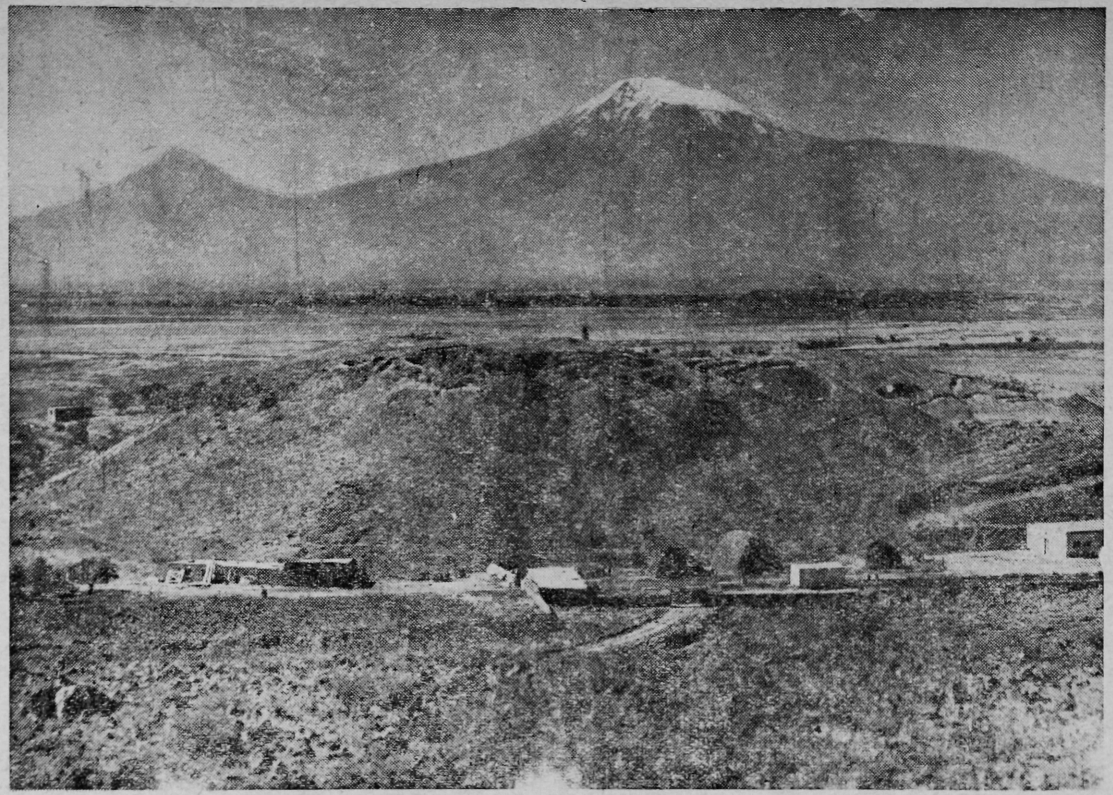

Табл. 1. Общий вид Кармир-блура с севера.

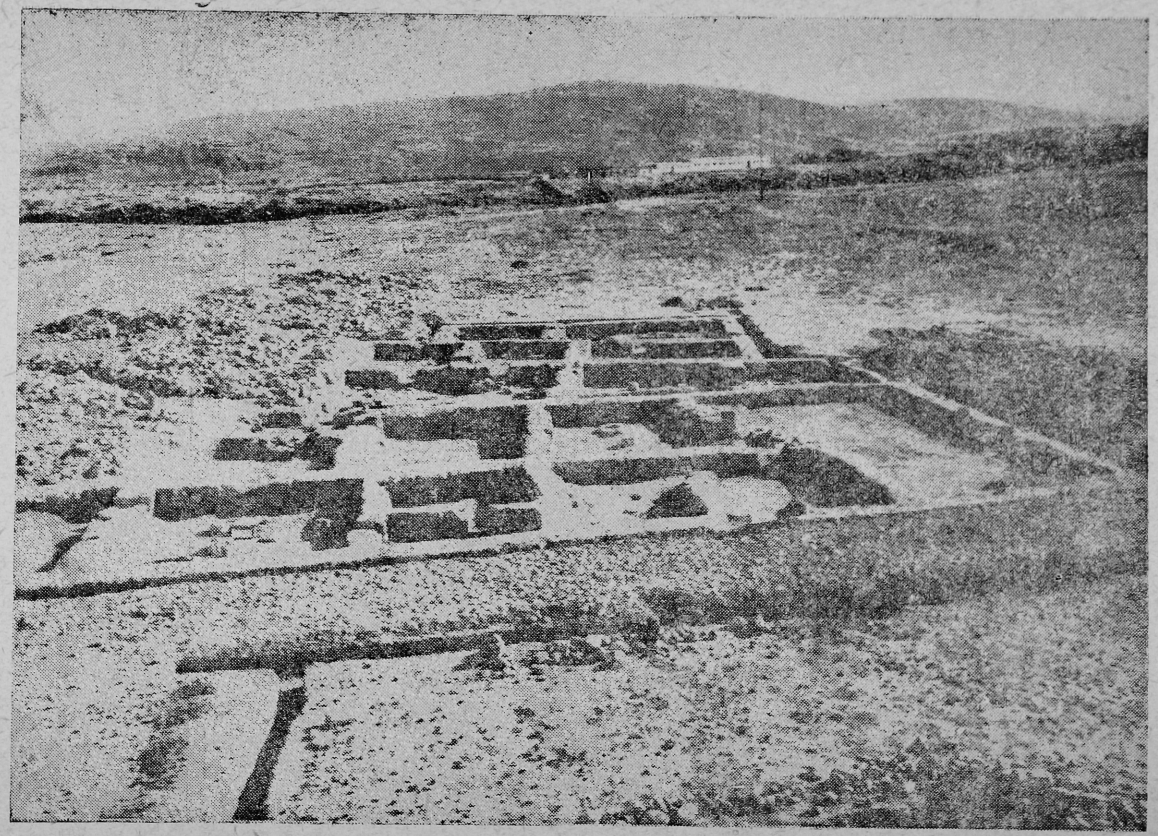

Табл. 2. Раскопки городского квартала.

Табл. 23. Раскопки дворца урартского наместника.

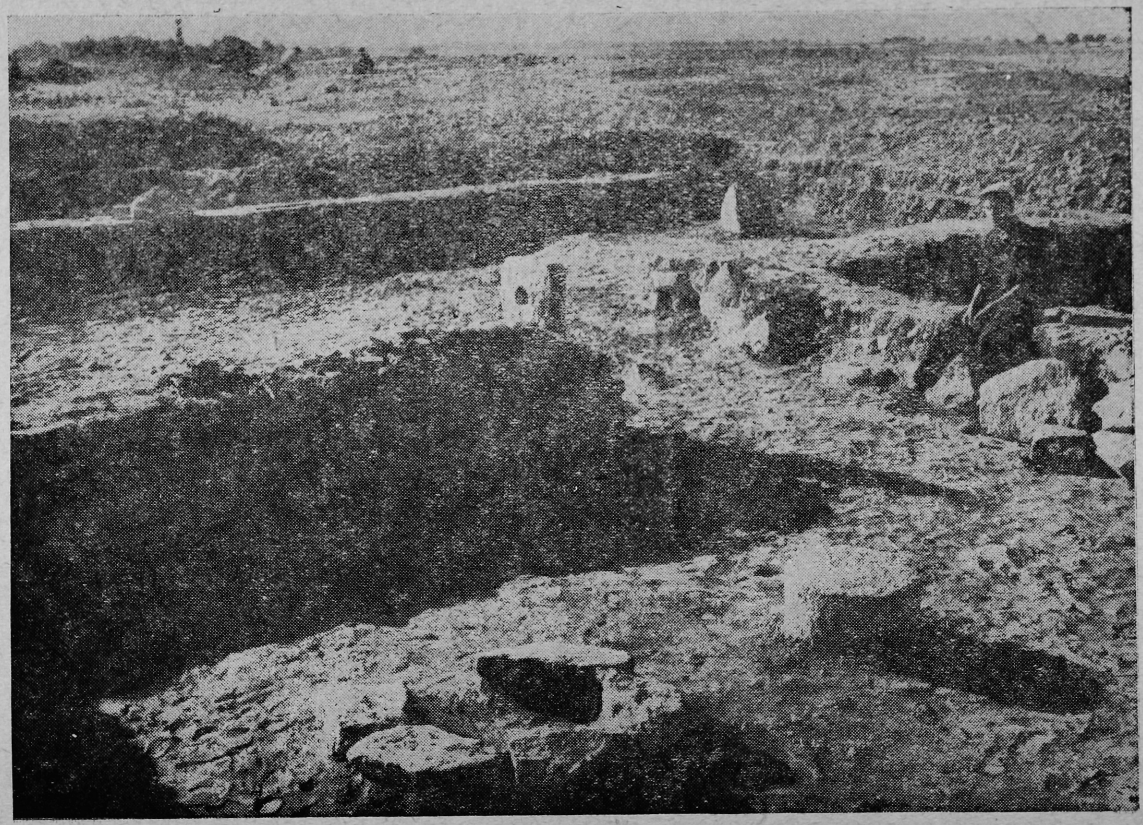

Табл. 4. Помещение в городском квартале.

Табл. 5. Кладовая во дворце (№ 25).

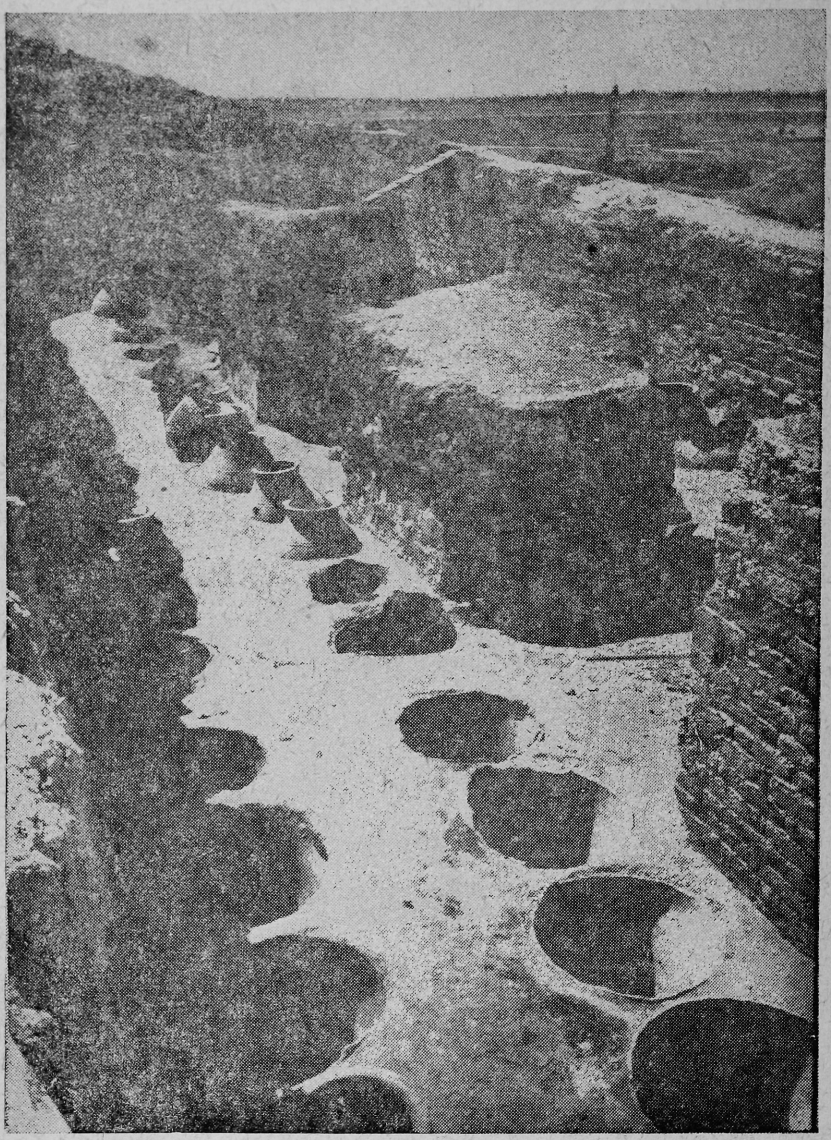

Табл. 6. Общий вид кладовой с карасами.

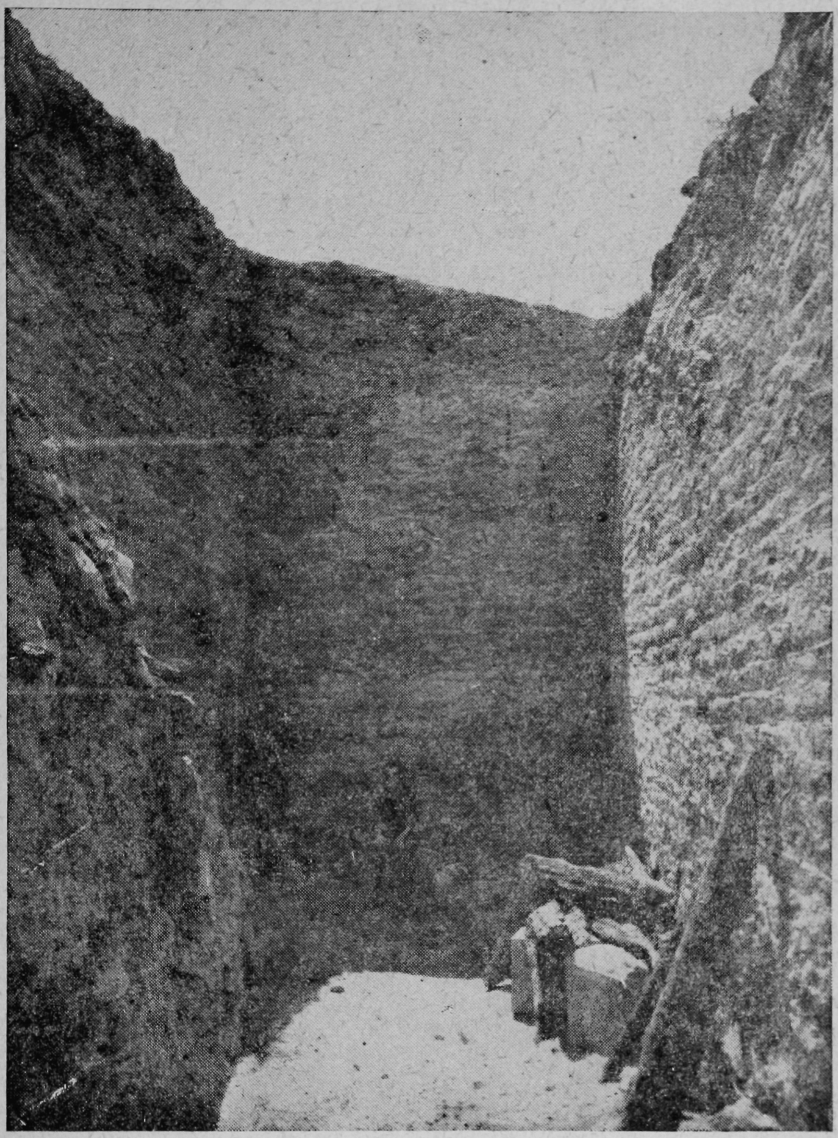

Табл. 7. Кладовая № 15.

Табл. 8. Карасы с обозначением емкости клинописью.

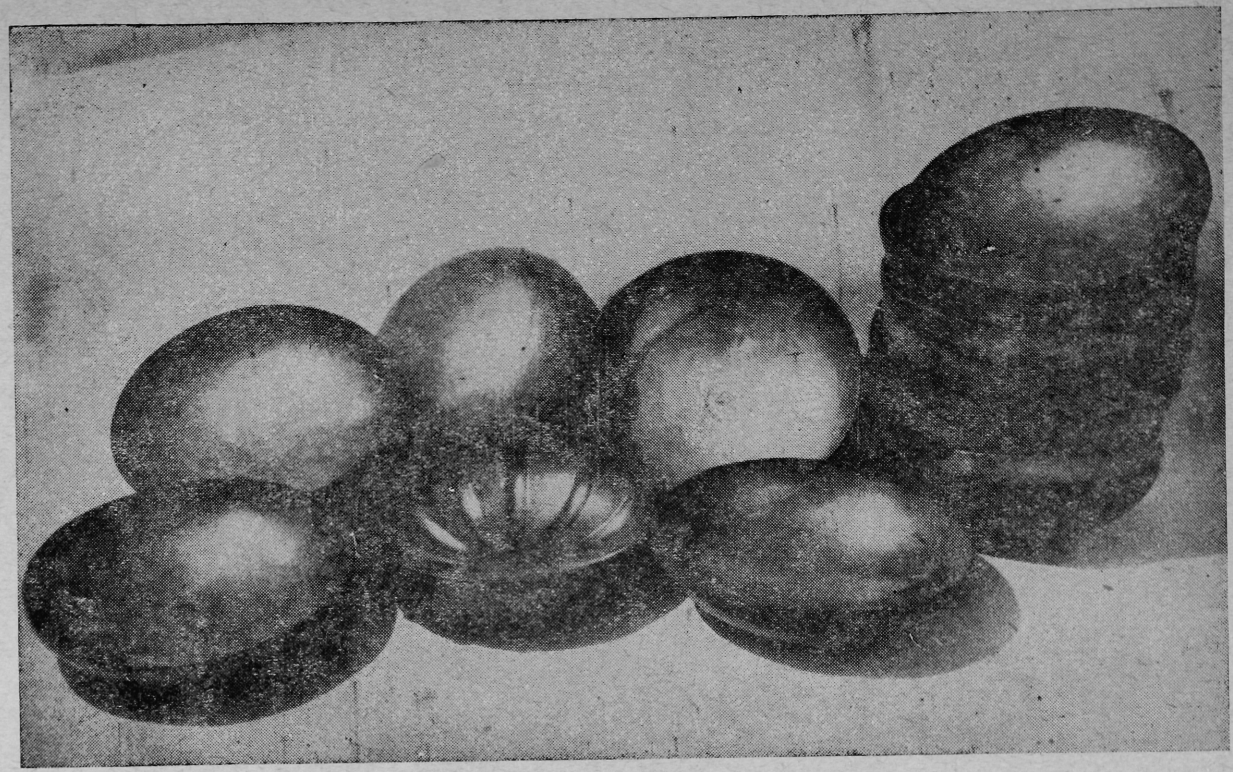

Табл. 9. Металлические чаши с царскими именами.

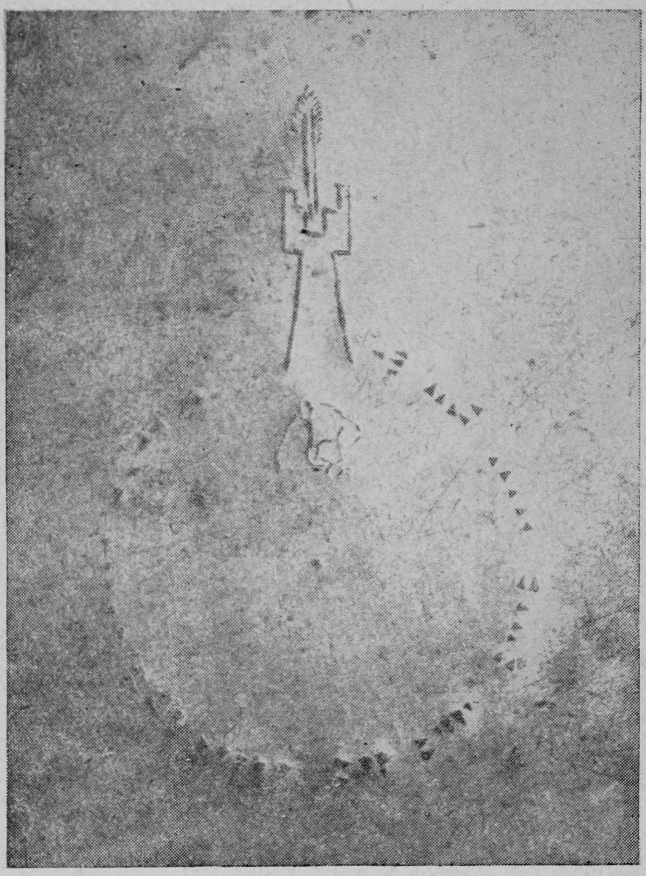

Табл. 10. Надпись на одной из чаш.

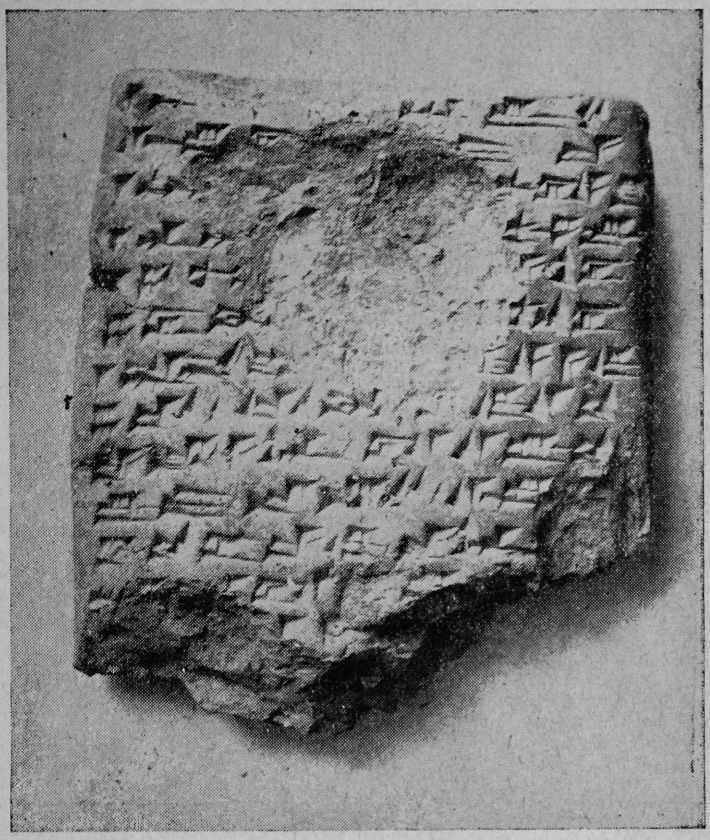

Табл. 11. Глиняная табличка с клинописью.

Табл. 12. Деталь изображения со шлема Сардура.

Табл. 13. Деталь изображения с колчана Сардура.

Табл. 14. Колчан Сардура.

Табл. 15. Колчан Сардура.

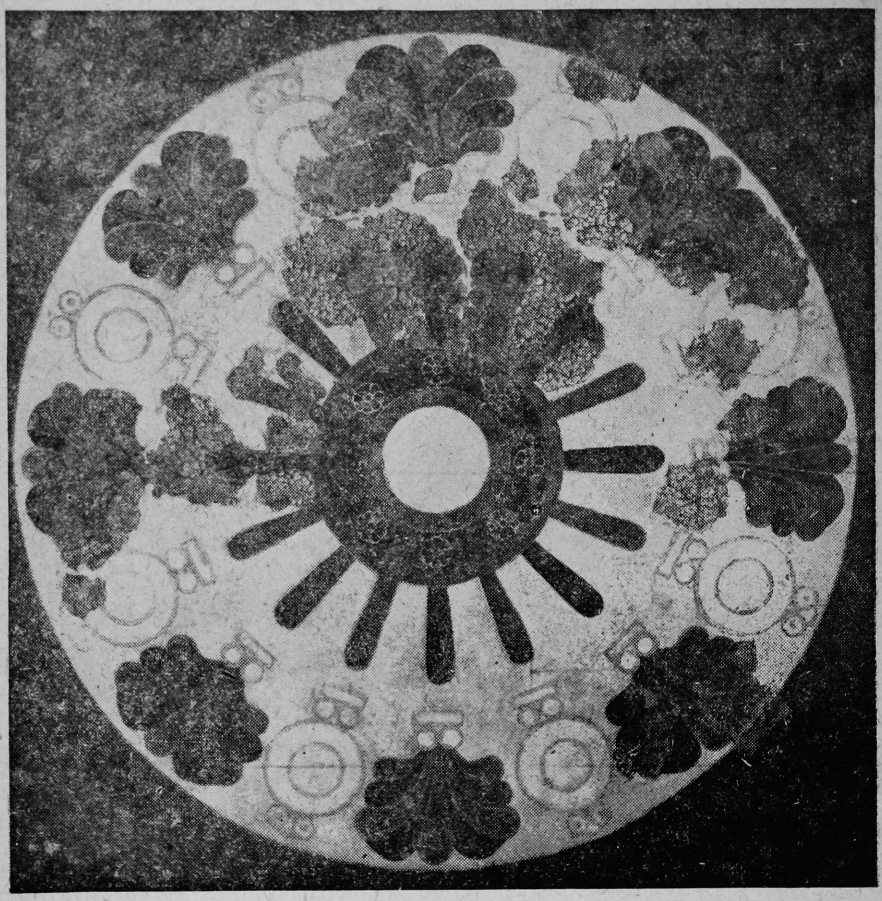

Табл. 16. Роспись в кладовой с карасами.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Предисловие	5
Урарты в Закавказье	7
Раскопки Кармир-блура	13
Раскопки цитадели	43
Предметы, найденные при раскопках	62
Предметы урартского искусства	62
Урартские печати	70
Клинописные таблички архива	75
Ассирийские и египетские предметы	77
Город бога Тейшебы и скифы	86
Заключение	98
Список иллюстраций	99
Список таблиц	100

Печатается по постановлению Редакционно-Издательского Совета АН Армянской ССР

Ответ. редактор Б. АРАКЕЛЯН

Рис. выполнены В. С. СОРОКИНЫМ;
рис. 2, 8, 10, 14, 15, 47, 49, 51, 52 и
55 из книги „Урарту" (М. Н. МОХ).
Рис. 26, 27 и 30 Ф. ТАКЕСЯНА.

Тех. редактор М. КАПЛАНЯН

Корректор Р. ШТИБЕН

Контр. корректор Г. ТУРАБОВ

РИСО АН № 28

ВФ 03710

Сдано в производство 31/X 1949 г., подписано к печати 12/V 1950 г.,
изд. № 681, заказ № 514, тираж 1500, объем 7½ печ. л., в печ. л. 53500 п. зн.

Типография АН Армянской ССР, Ереван, Абовьян 124.

3275

3 1198 01468 0800
N/1198/01468/0800X

Mu913.3955 Ak 12
t.1
Akademiia nauk armianskoi SSSR, Erevan.
[Karmir-blur]
JUN 28 '51
DEMCO-216

Mu913.3955 Ak 12
t.1

LIBRARY
USE
ONLY

ЦЕНА 10 Р.